

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*
Н.М.Карамзин

ISSN 0869-6322

2001

К 140-ЛЕТИЮ ОТМЕНЫ
КРЕПОСТНОГО
ПРАВА

СУДЬБА АРДАШЕВЫХ –
ДВОЮРОДНЫХ
БРАТЬЕВ В.И.ЛЕНИНА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Р.М.ПЛЕХАНОВА
ОБ ОЧЕРКЕ
А.М.ГОРЬКОГО

ДНЕВНИК
БАРОНА
Н.Н.ВРАНГЕЛЯ

ПИСЬМА
НА ШВЕЙЦАРСКИЙ
ФРОНТ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 2

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2001
№ 2

Выходит 6 номеров в год

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Последние письма
Н.И.Бухарина
И.В.Сталину

Из рукописи
Б.Ф.Поршнева
«Палеонтология»

П.Н.Милюков –
С.Ф.Платонову

Меннониты
в Туркестане.
1880–1883 гг.

Род Дуровых

Пермская
Кормчая.
2. Вопросание
Кириково

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А. ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В. АНАНЬИЧ, Н.Н. БОЛХОВИТИНОВ, О.В. ВОЛОБУЕВ,
В.П. КОЗЛОВ (председатель), С.В. МИРОНЕНКО, В.С. МЯСНИКОВ,
Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, А.Н. САХАРОВ, А.К. СОРОКИН,
А.Д. СТЕПАНСКИЙ, А.О. ЧУБАРЬЯН, В.В. ШЕЛОХАЕВ, С.О. ШМИДТ

Редакция:

В.Ю. АФИАНИ (зам. главного редактора), О.И. ГОРЕЛОВ
(зам. главного редактора), Г.И. НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И. ОДИНЦОВ, А.Н. СВАЛОВ, Ю.В. СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:

<http://www.ripn.net> gopher://gopher.ripn.net

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@ripn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2001

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

«ЧЕМ-ТО КОНЧИТСЯ ВСЕ ЭТО?»

Накануне Великой реформы. 1858 г.

Один мыслитель начала XX в. писал: «Нам нужна новая наука, которая могла бы называться психологической историей. Я бы хотел найти в книгах не политические документы, а сведения о том, что значило то или иное слово и событие в сознании человека, по возможности — обыкновенного»¹. Слова эти и сейчас не потеряли своей актуальности. Воссоздание атмосферы той или иной эпохи, выявление ее взаимосвязей, проникновение в мироощущение человека далекого прошлого — одна из сложнейших задач исторической науки.

Широкие перспективы в этой области исследований открывает использование эпистолярных источников. К сожалению, материалы переписки рядовых представителей своего времени сохраняются нечасто. Публикуемые ниже документы представляют собой счастливое исключение. В письмах студента Московского университета Ивана Петровича Муравьева, который летом 1858 г. служил домашним учителем у помещика одной из южных губерний центральной России², находит замечательное отражение психологический сдвиг, совершившийся в общественном сознании на волне подготовки крестьянской реформы. Старый порядок, когда, по словам И.С.Аксакова, «пытались ... взять в казну совесть, душу, мысль, веру и отпустить их на пользование патентованными пайками...»³, — рушился. Система идей и представлений, сформированных крепостным правом, уступала место иным идеалам.

Напоминающие дневник, почти ежедневные отчеты Ивана Муравьева о событиях и впечатлениях прожитого дня обнаружили при обыске на квартире проходившего по каракозовскому процессу Василия Ивановича Покровского⁴, которому они и были адресованы. Эти документы отложились в фонде Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу о покушении на Александра II 4 апреля 1866 г., хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).

¹ Честертон Г.К. Вечный человек. М., 1991. С. 178.

² Других сведений об авторе писем обнаружить не удалось.

³ Цит. по: Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1900. Т. 1. С. 403.

⁴ Покровский В.И. (1838—1915) — сын сельского священника. В 1855 г. окончил Тверскую гимназию и поступил в Московский университет, где познакомился с И.Муравьевым. По окончании обучения в 1859 г. преподавал статистику в Первом московском кадетском корпусе. С 1862 г. служил учителем географии и истории во Второй московской женской гимназии. В 1866 г. был привлечен к суду по делу о покушении Д.В.Каракозова на Александра II. 20 февраля 1867 г. за принадлежность к тайному обществу выслан к отцу в Осташков под надзор полиции. В 1869 г. получил разрешение поступить на службу в Ржевский окружной суд. В 1871 г. освобожден из-под надзора. Работал делопроизводителем Тверского губернского земского собрания; редактировал статистические издания. Впоследствии — известный статистик и экономист (См.: Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. М., 1928. Т. 1. Ч. 2. Стб. 323—324).

Письма не только фиксируют дух перемен и характеризуют широкий спектр общественных мнений по поводу реформаторских начинаний правительства, но и воспроизводят облик разночинца-«шестидесятника», ощущающего себя «строителем судеб мира». В них прослеживаются тенденции, развившиеся в трагическую дилемму взаимоотношений демократической интеллигенции с властью и народом, от которого поборники «общечеловеческой пользы» по-прежнему были «страшно далеки».

Тексты документов приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Е.И. ШЕРБАКОВА.

№ 1

[1858 г.]

[...]а Мы то и дело твердили с ним о нынешнем перевороте в России, я не понимал его, что он хочет выразить своим неодобрением ему, неудовольствием на царя, запрещением людям читать газеты и пр. Вот и ты, я думаю, счел бы эти симптомы неблагоприятными для него, а на поверку оказалось, что мы с тобою добились только до того, что целый свет не поймет, пожалуй, чего мы хотим, а мы не пойдем его [...]б.

Вот тебе начало нынешнего переворота. Когда изданы были первые циркуляры об улучшении крестьянского быта, то добрые люди затрубили о воле. Государь, говорят, струсил толкования, послал вернуть назад циркуляры, но было поздно, и дело оставили идти своим порядком; позволили даже писать об этом, а когда стали писать о свободе, запретили. Некоторые помещики думали отпустить на волю крестьян с землею, не позволили; Кокорева¹, горячившегося за выкуп земель, велено иметь под надзором полиции; комитетам не позволяют наделить землю крестьян, ни сделать их свободными; губернаторам велено распускать комитеты, если они вздумают мешаться не в свое дело и позволят себе отступить от программы. Теперь развернем программу. В ней нет и полуслова о свободе. Она есть не более, не менее прочнейшее [...]в определение обязанностей крепостного к владельцу и больше ничего. Не забудь, что это определение нисколько не направлено к улучшению быта крестьян, к большей свободе их, совершенно напротив.

«Какая это к черту свобода?» — говорит мой хозяин. «Крестьянам хорошего помещика будет хуже, а дурного вдвое. Спросите и бурмистра: я взял это имение в таком виде, что братья мои отказались от него. Мне совестно было не поправить их [крестьян]; я их поправил, хотел отмежевать землю (бурмистр и это знает) и отпустить их, а теперь я не могу этого! В Петербурге, — говорит он, — лучшие члены комитета вышли вон; в английских газетах пишут, Русский Император хочет пустить пыль в глаза и протрубил о свободе». Что, если мой хозяин прав? Как

^а Начало письма не сохранилось.

^б Два слова неразборчивы.

^в Далее лист испорчен.

ты думаешь, пузыря? С какими носами будем мы, строители судеб мира, не прочитавшие ни одного рескрипта о крестьянах! Хозяин мой не желает быть членом комитета, да и вообще неохотно сносится с соседями по этому предмету. Чем-то кончится все это? Что касается до меня, то я от души хохочу, глядя на программу комитетов, их действия, шум: сколько крику.

На днях был у нас во второй раз при мне сосед — доктор Лаврениус. Хозяин говорит о нем, что он корчит европейского человека, и не любит его за это, человек засвидетельствовал, что он гораздо лютее нашего барина и крестьяне у него бунтуют. Он общею фразою махнул о важности депутатов комитетских, выразив желание конституции, в которой бы два сословия (не сказал какие) действительно пользовались бы свободою, а остальные посредственно. Объяснил мне, что он сам из Московского Университета и звал к себе. Не знаю, как быть, а с «сословиями» мне не хотелось бы иметь дела. Между прочим он спросил у моего хозяина: не получает ли он какого-то журнала для помещиков (только не «Журнал для Земледельца»³), и, когда хозяин ответил, что эти журналы только сбивают с толку, господин «сословия» отозвался: «Нет! Хвалят...» Ужели он, как и я с тобою мечтает. [...] ^a правы ли мы или хозяин, если самим и нет охоты справиться.

Вечером того же дня

Ты помнишь, чай, мое мнение о барах: оно неизменно даже тогда, когда по-видимому оно оспаривается фактами. Не мудрено, что я не верю добродетелям своего барина, и, как на зло, от времени до времени это подозрение подтверждается. Не хочешь ли получить его барских суждений о Герцене³: «Я признаюсь вам, — говорит он, — я не могу терпеть этого господина. Пишет черт знает что, взводит разные небылицы на различные лица, не зная дела, за что он должен бы, собственно, подлежать суду во всякой стране. И видно по всему, что у него какая-то озлобленность, что все это со злости. Я не знаю, что это должны быть за люди, которые имеют сношения с ним. Ведь он просто-напросто изменник своему отечеству». Прав ли я в своем образе мыслей об этих людях, — суди. Я не стану тебе толковать, что здесь высказалась и тупоумная барская спесь и нелепый суд о [...] ^a. Любопытно его суждение о сыне Герцена: «Его нельзя впустить в Россию. Помилуйте! Сын изменника!.. Да и какую бы роль он стал здесь играть? Я признаюсь вам, я не впустил бы его и к себе в дом». «Вор у вора дубинку украл», — подумал я, вспомнив об отце моего хозяина.

«Минуй нас и барский гнев и барская любовь». Не даром мне люди говорят об нем: «Вот пусть дадут нам вольную, тогда узнают наши господа: каково у них житье было!»

Сего дня был я на одной деревенской ярмарке. При первом взгляде не трудно найти, что однодворки еще лучше помещичьих, знать житье-то попривольнее. Они цветом [...] ^a румяны — словом, есть очень, очень хорошенькие. Наряд их похож на городской мещанский, поэтому не

^a Слово неразборчиво.

трудно различить их от помещичьих. Самая ярмарка не богата, десяток или два лавок с красным товаром, около того же числа — с пряниками, орехами и проч. По одному или по два воза с горшками, косами, пшеном, штук пять коров, десятков пять-шесть овец, по центру всего — трактир. По-моему, она в торговом, то есть в экономическом значении, не имеет значения, как ты думаешь об этом: ведь ты тут совсем не дурак, как я. Несомненно, впрочем, что два человека извлекают из нее выгоду: помещик, который берет за место с приведенного даже скота, и становой — с разных вещей, под час им же затеянных, и с разных лиц, с кого придется.

ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 291—292об. Подлинник. Рукопись.

№ 2

Воскресенье, 29 июня [1858 г.]

Ведь ты не сердись на медленность ответа, пузыря? Впрочем, если сердись, это ничего, только не мсти мне и пиши письма, а я уже не зазеваюсь, да постараюсь не обратить внимания на твой гнев — и поверь, что все будет хорошо.

Письмо твое я получил 24 июня — в день моих именин. Я бы не писал тебе этого, если бы твое письмо не надоумило меня об этом дне. Есть удовольствия, которые никогда не заставят поморщиться, даже в светлый праздник, а в теперешнее время я желаю одного — видеть [...]^a

ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 292об.—293. Подлинник. Рукопись.

№ 3

Четверг, 12 июля [1858 г.]

Ох, ох, ох! Ей-ей умру ... Ей-ей умру от смеха. Вот так штуку отмолил мой хозяин! Вдруг говорит мне, а сам конфузится: «Знаете, Иван Петрович, — говорит он мне, — мне хочется, чтобы вы, когда случится, старались внушить сыну моему вообще о роде человеческом...» — Я не совсем вас понял, Н. Як. — «То есть, чтобы вы говорили — этого же хочет и жена, говорили о равенстве...» — То есть вам хочется, чтобы я говорил, что все люди равны или нет? — «Что все люди равны!» — Это мое убеждение и противного я не могу проповедовать. — «От этого знаете, как вам сказать...» — Права его и состояние не пострадают. — «Да-с, а между прочим, это будет полезно. Я, знаете, в равенство людей не верю; посмотрите на образцовые государства — Англию например, там нет равенства. Мое политическое положение ставит меня не так, как бы следовало, чтобы дать пример сыну»[...]^b

^a На этом письмо обрывается.

^b Далее лист испорчен.

Вот, брат Вася, времена. Отцы хотят, чтобы дети веровали в то, чему не верят сами; либерализм в моде; или я не понял хозяина?

Сегодня хозяин показывал мне свои имения: они превосходны. Богатство земли, хлеба, стад с помощью помещика на минуту заставило подумать: следует ли сделать, чтобы крестьяне отошли от него? Я как будто забыл рассказы человека и поверил в сотый раз высказанному хозяином: «Я люблю свой народ и живу с ним дружнее, чем с своими соседями. Как на беду пришел при мне казенный крестьянин (уже не первый) за помощью. «Да что же вы не просите у царя хлеба? — спросил я. — Да где его искать-то? Разве он прокормил нас? Хлеб-то и был в магазине, да весь сгноили, а нам не дали...» — Мужик стал на колена. Как было не задуматься при этом над вопросом о свободе. Впрочем, я скоро успокоился: «Свобода — не рай, — подумал я, — от нужды не избавит, как и холопство». А главное: пусть будет так, как хотят сами люди устроить судьбу свою.

ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 293—293об. Подлинник. Рукопись.

№ 4

Пятница, 13 июля [1858 г.]

Странное влияние производит деревня: сидишь, читаешь и чувствуешь себя вне всяких тех смут, которые называются движением. Я даже потерял веру в свою способность принимать участие в каком-либо движении. Все, чем я дышал в городах разом оставило меня: перед глазами не встречаешь резких, вопиющих страданий ближнего, в душе не находишь и капли той ненависти, которая одна, кажется, способна подвинуть меня против притеснителей людских, принять участие в том, на что я смотрю теперь, как на вещь, не касающуюся до меня лично. Впрочем, трудно ручаться за будущее, хотя я вижу перед собою блестящий пример сельского успокоения в своем pro-collega^a, добродушнейшем немце. Он всю жизнь свою протерся гувернером и потерял способность мыслить даже о том, что нас с тобою так кипятило по временам. Он как раз готов под старость жениться на старухе [...] ^b из немок, тоже добрейшей, и дожить свой век, не рассуждая о переворотах. Я бы не хотел такого спокойствия и, признаюсь, боюсь, что оно против воли овладеет мною.

Прочитал *Le dernier jour d'un condamné*^b, мало понял; теперь читаю [...] *des deux mondes*^c, чтобы вместе послать их тебе. Статья *L'athéisme allemand et le socialisme français*^d содержит, кажется, один внешний

^a Здесь — предшественник (лат.).

^b Слово неразборчиво.

^c Последний день приговоренного (фр.).

^d Слово неразборчиво, далее — двух миров (фр.).

^e Немецкий атеизм и французский социализм (фр.).

очерк знакомств, сделанных учеником Гегеля⁴ Грюном⁵ с французскими социалистами. Лучше статья *La Hongri en 1848*^a, хотя тоже не ясна и содержит начало только венгерской войны.

P.S. Моя хозяйка промовила, что у нее, кажется, есть сочинения Прудона⁶. Живем, если так.

Болезнь не проходит.

ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 293об.—294. Подлинник. Рукопись.

№ 5

Воскресенье, 15 июля [1858 г.]

Я пропускаю субботу; в ней нет ничего интересного. В четыре часа обед, потом катанье в лодке, — все как и всегда. Сегодня — начну с утра. У меня спросили: не хочу ли я к обедне? — Пожалуй. После обедни со всею фамилиею заехали к церковному старосте ради каких-то крестин у него, и в хате, в которой нет пола, стояли на столе мед, конфеты, кондитерские снадобья и шампанское. Неопрятность русской степной избы была прикрыта песком и травой. Сам и Сама шутили с семейством — все это очень мило и даже развязно. Сам уверял меня, что у этого мужика есть теперь около 500 пуд[ов] пеньки и до 100 ульев. На мое замечание, что некрасива изба, Сама отвечала: «Не красна изба» и пр. Я, впрочем, не думал ни колоть никого этим замечанием, ни просто усумниться в довольстве крестьян; мое постоянное правило: пусть всякий живет, как ему нравится.

После обеда катались на лодке. Надо заметить, что перед домом лежит большой пруд — около версты длины; в нем плавают, кроме крестьянских и господских гусей и уток множество разного рода диких уток и гагар. Все это могло бы быть очень приятно, если бы было весело. В лодке были Сам, Сама, *toute la famille*⁶, священник [...]⁸

ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 294об. Подлинник. Рукопись.

№ 6

17 июля 1858, четверг

Ты веришь, что я со дня на день собирался писать к тебе? Я каждый день думал, что если я напишу, то и сам поскорее получу от тебя, и все-таки не писал. Можно подумать, что твои письма для меня — ровно ничего. Это правда, что тоска меня подло грызла, что, стало быть, я не имел нужды и в лекарствах, что ... впрочем, никогда, решительно никогда, не мешает твое письмо. А что я делал? Иногда читал, а больше

^a Венгрия в 1848 г. (фр.).

⁶ Все семейство (фр.).

⁸ На этом письмо обрывается.

думал, думал о том, что мне очень было бы скучно жить, если бы не было, например, тебя.

Так, однажды, отдыхая в лесу после игры с детьми, я сел на сенную копну. Передо мною спускался конец леса, далее поля, села, овраги, словом, настоящий русский вид; небо было сумрачно, вид такой печальный. Зачем, подумал я, живут эти люди, трудятся, хлопочут? Что им такого интересно в этой жизни? Что их приковывает к ней? Неужто только страх за самоубийство, может быть, [...] ^а выдуманный? Не сила же идей, которая по временам может погубить нашего брата, настраивая нас и жить и действовать в видах общечеловеческой пользы.

А мы сами неужели хлопочем для общечеловеческой пользы, имея в душе затаенную мысль, что вот-вот наступит момент, когда мое существование [...] ^а превратится в землю, червей и пр. и пр., не оставив и следа ни разума, ни чувств, ничего, словом, что привязывает к жизни. Я не понимаю, что за дело нам с тобою до того поколения, которое, может быть, будет наслаждаться или страдать после нас, если мы не можем того ни видеть, ни слышать, ни чувствовать? Зачем, подумал я, я теперь не священник какой-нибудь церкви, вот хоть той, которая передо мною? Я без сомнения теперь и верил бы и молился и мне лучше было бы жить. А если бы я был им? — Тогда я не знал бы тебя, и многого другого, я потерял бы в жизни, и это раздумье окончилось тем, что я сказал себе: «Нет! Лучше не быть священником!»

Ты видишь, моя пузыря, что я больше чувствую, чем понимаю, больше мечтаю, чем рассуждаю о вопросах человеческих. Мне нужен ты, как наслаждение, мне нужен ты, как учитель. Ты много читал, много знаешь, ничему не веришь, ничего не любишь и не ненавидишь; я могу от тебя узнать о том, во что я верую (потому что я сам не рассуждаю), ты расскажешь мне, какое имеет значение жизнь индивидуума в отношении к общечеловеческой, даже и тогда, когда индивидуумы умрут; как они будут знать [...] ^б, чувствовать жизнь последующих поколений.

Что ты слышал там новостей? До меня доходят кой-какие, но все печальные, и, как на грех, я и хозяин думаем об них совершенно противоположно. Помнишь ли ты в Москве в последнее время разнеслась молва, будто студенты Харьковского Университета избиты людьми какого-то Салтыкова? ⁷ Теперь вот как пересказывается их история: несколько человек вошли в неблагочестивые дома, подрались там с людьми Салтыкова, вошли к нему в дом вдогон за людьми и прибили его, Зиновьев ⁸, во избежание скандальной истории, исключил их задним числом, и 400 человек, оскорбленных поступком его подали увольнение. Что за чепуха? Во имя чего студенты изъявили такой сильный протест? Я вполне не верю в эту историю и сказал это хозяину; он говорит, что это так. «Но к чему же, — говорю я, — 400 человек будут одобрять мерзость каких-нибудь пяти?» «Может быть, — говорит он, — надеялись выиграть дело».

^а Слово неразборчиво.

^б Далее лист испорчен.

«Вот-то им будет» — прибавил он. Я замолчал и только подумал: «Не все же так глупы, как ты-де воображаешь». Вторая история еще бойчее; в ней и смыслу побольше, только дворяне не одобряют ее. Вот она: близ Ревеля чухонцы проведали, что русские мужики будут наделены землею, а они — нет, и, как говорят, взбунтовались, выражая свой протест: от чего же и им не позволяют выкупать земли? Им в ответ прислали штыки. Присланная небольшая команда была уничтожена, послали большую и пошли в ход штыки, впрочем, и тут не обошлось без значительной потери солдат?. Мой хозяин против и с досадою проговорил: «Чего они хотят: ведь они свободны? Какое они имеют право на землю?» Я отвечал ему: «Где сила, там нет права: кто победил, тот и владеет». Хозяин замолчал, впрочем, и без того все было говорено шепотом.

«Если бы я там был... я думаю, офицеры [...] ^a дрались...» — Не знаю, только я думаю, что это дело общее русское, и потому советовал бы всем офицерам быть поумереннее. Бог весть, чья возьмет. — «Нет, наши мужики не будут бунтоваться». — Пронеси Господь мимо вас.

Третья новость похожа на помещичью выдумку. Какой-то крестьянин спросил на охоте Государя: «Правду ли, что Ты хочешь дать свободу?» — Думаю, а ты хочешь быть свободным? — «Хочу». — Чей ты? — «Казенный». Это мило.

Первая новость меня опечалила, потому что показала непопулярность студентов ни в помещичьем свету, ни в каком другом. Про них одно дурное. Последние две я не знаю, хороши они или дурны.

«Если бы ты мог просмотреть в «Современнике»¹⁰ литературно-критические статьи за 1857 г., ты увидел бы, что между смертью Пушкина¹¹, Гоголя¹² и нашим временем прошло очень немного, а разница между их убеждениями и нашими неизмерима. Увидел бы, таким образом, что Россия идет не по дням, а по часам. Зная при этом, что убеждения России с конца царствования Николая¹³ до нашего времени диаметрально противоположны, можно быть уверенным, что не пройдет и пяти лет, как нашего богатырского хода не остановит ни власть императора, ни сила штыка. Это я знаю. Если хочешь убедиться, то поищи, не найдешь ли ты какого-нибудь мужика, который бы верил в святость царской власти и помещичьего права, а я не нашел. При одинаковости же мнений уступок не бывает. Странно, впрочем, и заблуждаться при таком порядке вещей, каковы наши. Читал ли ты талантливые натуры Щедрина¹⁴? Два типа я прочел, прочел и критику на [...] ^b.

ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 295— 296об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ *Кокорев В.А.* (1817—1889) — из мещан. Разбогатев на винных откупах, стал миллионером. Сыграл значительную роль в развитии российского предпринимательства, будучи учредителем многих железнодорожных компаний, пароходств, промышленных и торговых предприятий. В период подготовки крестьянской

^a Слово неразборчиво.

^b На этом письмо обрывается.

реформы 1861 г. занимал либеральные позиции, предлагал на средства купечества выкупить усадьбы помещичьих крестьян (См.: Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза-И.А.Ефрона. СПб., 1895. Т. 15а. С. 628).

² Вероятно, имеется в виду «Журнал землевладельцев», который был основан в 1858 г. помещиком Казанской и Пензенской губерний А.Д.Желтухиным (впоследствии членом-экспертом Редакционных комиссий) и издавался на протяжении двух лет. Этот печатный орган отражал все многообразие точек зрения провинциального дворянства по вопросам подготовки освобождения крестьян (См.: Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 5—97).

³ Герцен А.И. (1812—1870) — мыслитель, политический эмигрант, издатель журнала «Колокол».

⁴ Гегель Г. (1770—1831) — немецкий философ-идеалист.

⁵ Грюн К. (1817—1887) — последователь философского учения немецкого «истинного социализма», согласно которому будущее общество должно реализовать идеи философии Л.Фейербаха. Был младогегельянцем. В 1850—1861 гг., находясь в эмиграции в Брюсселе, занимался публицистикой (См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 227).

⁶ Прудон П. (1809—1865) — французский социалист-утопист, теоретик анархизма.

⁷ Нашумевшая студенческая «история» весны 1858 г. Студенты 4-го курса медицинского факультета Харьковского университета Болдырев и Кутырев по приказу Харьковского генерал-губернатора И.Д.Лужина были арестованы и высланы по месту жительства в связи со скандалом, вызванным их амурными похождениями с горничными князя Салтыкова. Их товарищи, возмущенные произволом властей, обратились к университетскому начальству с просьбой о ходатайстве перед генерал-губернатором о возвращении Болдырева и Кутырева. Получив отказ, студенты решили выразить свой протест «поголовным увольнением» из университета. Однако, администрации удалось расколоть ряды недовольных, и инцидент был исчерпан удовлетворением прошений об увольнении небольшого числа «упорствующих» (См.: Краткий очерк истории Харьковского университета. Харьков, 1906. С. 163—164).

⁸ Зиновьев — попечитель Харьковского университета.

⁹ Речь идет о событиях, имевших место 2 июня 1858 г. в Ревельском уезде Эстляндской губернии, когда при столкновении с взбунтовавшимися крестьянами понес потери отряд Ладожского пехотного полка. Волнения в этом регионе затронули более 56 имений и были вызваны «недоразумениями» при обнаружении 23 апреля 1858 г. нового Положения о крестьянах Эстляндской губернии. Крепостное право в Эстляндской губернии было отменено в 1816 г. Основная часть земель, за исключением небольших участков, приобретенных крестьянами на правах личной собственности, принадлежала помещикам, которые сдавали часть ее в аренду за барщинные отработки или денежные выплаты. Положение 5 июля 1856 г. вносило определенную регламентацию в эти отношения, но мало изменяло реальное положение крестьян, оставляя землю по-прежнему в собственности помещиков, и совершенно не соответствовало ожиданиям земледельцев (См.: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861гг. Сборник документов. М., 1963. С. 175—180).

¹⁰ «Современник» — петербургский ежемесячный журнал. С 1847 по 1866 г. издавался Н.А.Некрасовым и И.И.Панаевым, отличался демократической направленностью.

¹¹ Пушкин А.С. (1799—1837) — писатель.

¹² Гоголь Н.В. (1809—1852) — писатель.

¹³ Николай I (1796—1855) — российский император (с 1825 г.).

¹⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. (1826—1889) — писатель-сатирик.

«РЕФОРМА БЫЛА ДАНА СВЕРХУ, ПОТОМУ ЧТО ЕЕ НЕЛЬЗЯ БЫЛО НЕ ДАТЬ»

Статья В.И.Ленина к 50-летию
отмены крепостного права в России. 1911 г.

В 1911 г. в России широко отмечалось 50-летие отмены крепостного права. В связи с юбилеем появилось немало официальных изданий, прославлявших Александра II — «царя-освободителя», раскрывавших историю подготовки и проведения крестьянской реформы. Откликнулись на это событие и оппозиционные самодержавию партии и движения. В частности, ряд статей к юбилею опубликовал в легальной и нелегальной печати лидер большевиков В.И.Ленин. Среди них — «Пятидесятилетие падения крепостного права», «По поводу юбилея», «"Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция»¹ и др. Публикуемая ниже статья, по нашему мнению, также принадлежит В.И.Ленину. Попытаемся это обосновать.

Статья «К пятидесятилетию падения крепостного рабства» была опубликована 19 марта 1911 г. в малоизвестном петербургском легальном профессиональном журнале «Голос булочника и кондитера». Журнал выходил два раза в месяц. Руководящую роль в нем играли большевики, в связи с чем его номера нередко конфисковывались. Несколько раз журнал закрывали и он выходил под разными названиями: «Листок булочников и кондитеров» (1906—1907 гг.), «Булочник» (1908 г.), «Голос булочника и кондитера» (1910—1912 гг.), «Жизнь пекарей» (1913—1914 гг.).

Публикуемая статья подписана псевдонимом «В.Л.». Ленин пользовался этим псевдонимом (например, им было подписано письмо К.Гюисмансу от 15 марта 1914 г.), правда, весьма редко. Из других политических деятелей того времени этим псевдонимом пользовался меньшевик Левицкий (В.О.Цедербаум), брат Ю.О.Мартова. По оценке Ленина, Левицкий «находился в плену» у либералов². Рассматриваемая статья недвусмысленно отрицает способность российского либерального общества эффективно воздействовать на политическую жизнь, в том числе в плане проведения реформ в России. Следовательно, Левицкий не мог быть автором данной статьи.

Основным аргументом в пользу того, что автором работы «К пятидесятилетию падения крепостного рабства» был Ленин, является проведенный нами анализ ее текста. В результате выявилось множество текстовых и смысловых совпадений как с вышеназванными ленинскими статьями, посвященными отмене крепостного права, так и с другими его работами («Рабочая партия и крестьянство», «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе», «К вопросу о смене министерства земледелия», «Крепостное хозяйство в деревне» и др.)³. Часть этих сопоставлений приведена в примечаниях к настоящей публикации.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 139—142, 161—185 и др.

² См. там же. С. 121.

³ См. там же. Т. 4, 15, 25 и др.

Кроме того, мы учитывали еще ряд обстоятельств. Известно, что большевики, Ленин уделяли серьезное внимание профсоюзной печати. Не выпадала из их внимания и пресса петербургских булочников и кондитеров. Центральный партийный орган «Пролетарий» в декабре 1908 г. в статье «Из нашей профессиональной печати» уделил внимание № 1 журнала «Булочник»⁴. О довольно тесных контактах данного журнала с социал-демократической фракцией III Государственной думы свидетельствует публикация в № 1 (4) журнала «Жизнь пекарей» за 1914 г. «Проекта о 8-часовом рабочем дне. Вносится Российской социал-демократической фракцией в Государственной думе» и «Анкеты Российской социал-демократической рабочей фракции о продолжительности рабочего дня».

Значительно укрепились связи большевиков с профсоюзной печатью в условиях нового революционного подъема, начавшегося в конце 1910 г. Именно с этого времени Ленин проявлял чрезвычайную заинтересованность фактами оживления рабочего движения, предпринимал активные усилия по созданию «Рабочей газеты», «Звезды» и «Правды», публиковал статьи в партийной и рабочей печати. Так, фактически одновременно с подготовкой публикуемой статьи, Ленин напечатал статью «Л.Н.Толстой и современное рабочее движение» в московской газете «Наш путь»⁵. Газета не являлась сугубо профсоюзной, хотя и была создана при участии Московского Центрального бюро профессиональных союзов. Фактическим ее редактором был И.И.Скворцов-Степанов⁶. Это было, по существу, большевистское, а по форме общерабочее или общепрофессиональное издание. В подзаголовке газеты значилось: «Общественно-экономическая газета». Поэтому появление в ней ленинской статьи вполне логично. Одна из статей Ленина была опубликована в 1916 г. в журнале «Вопросы страхования», издававшемся партийным издательством «Прибой» при материальной поддержке петербургского профсоюза металлистов⁷.

Другое дело чисто профессиональный журнал «Голос булочника и кондитера». Ни в Полном собрании сочинений, ни в «Биохронике» Ленина это издание ни разу не упомянуто. Вообще факты публикации ленинских статей в профсоюзных изданиях единичны⁸. Остается предположить, что появление статьи к 50-летию отмены крепостного права, если она действительно принадлежит Ленину, в данном журнале является в некотором роде случайным, и она изначально не предполагалась к публикации именно здесь, а была подготовлена для какого-то другого, более «весомого» журнала или газеты. Обращение к «Биохронике» Ленина с целью проверки этой гипотезы позволяет выдвинуть достаточно убедительную, на наш взгляд, версию появления данной статьи в журнале «Голос булочника и кондитера».

В «Биохронике» Ленина находим следующую информацию: «*Ноябрь — ранее 21 декабря 1910 г. (3 января 1911).* Ленин посылает свою статью (видимо, была послана статья по аграрному вопросу, название ее неизвестно) в редакцию выходившего в Петербурге журнала «Современный мир». (Статья Ленина в журнале напечатана не была, текст ее не разыскан)»⁹. По этому поводу Ленин в письме

⁴ См.: Пролетарий. 1908. 1(14) декабря. № 40.

⁵ См.: Наш путь. 1910. 28 ноября, № 7; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38—41.

⁶ Формально редактором-издателем являлся Б.В.Гавеман.

⁷ Статья называлась «О германском и негерманском шовинизме» и была напечатана в № 5 журнала «Вопросы страхования» за 1916 г.

⁸ Так, статья В.И.Ленина «Стачки металлистов в 1912 году» была напечатана в №№ 7(31), 8(32) и 10(34) петербургского журнала «Металлист» за 1913 г.

⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 583.

М.Т.Елизарову от 21 декабря 1910 г. (3 января 1911 г.) писал: «Статью послал в «Современный мир», но, видимо, и там есть трудности, ответа нет несколько недель»¹⁰. Статья Ленина в редакции «Современного мира» обсуждалась. А.И.Ульянова-Елизарова в предисловии к публикации писем В.И.Ленина родным (1910—1916 гг.) в журнале «Пролетарская революция» отмечала, что факт обсуждения статьи «подтверждает определенно Вл. Дм. Бонч-Бруевич. Только он не может вспомнить, каково было ее заглавие и что случилось с нею»¹¹.

Если наше предположение верно и речь в данном случае идет о статье Ленина, посвященной юбилею крестьянской реформы, то посмотрим, по какой причине «Современный мир» не опубликовал ее. Если взять в руки февральский номер журнала, то ответ будет очевиден: место юбилейной статьи оказалось «занято» большой публикацией Г.В.Плеханова «Освобождение» крестьян»¹². Почему это произошло? Да потому, что главным редактором журнала был Н.И.Иорданский — меньшевик-плехановец.

Таким образом, статья Ленина оказалась «непристроенной» и с некоторым запозданием была 19 марта опубликована в «Голосе булочника и кондитера». Попробуем проследить, как и кем она могла быть передана из редакции «Современного мира» в профсоюзный журнал. Выше уже отмечалось, что редакция «Голоса булочника и кондитера» имела контакты с социал-демократической фракцией III Государственной думы. Из ее состава активное участие в работе профсоюзов Петербурга и в организации профсоюзной печати принимал Н.Г.Полетаев. Он активно посещал рабочие и профсоюзные собрания, собирал материалы о преследовании профессиональных союзов¹³. Конец 1910 — начало 1911 гг. характеризуются насыщенной перепиской и личными встречами Полетаева с Лениным¹⁴. Вместе с тем, у Полетаева в это время были тесные контакты с редактором «Современного мира» Иорданским в связи с поиском средств на издание газеты «Звезда»¹⁵. В состав редакции «Звезды», первый номер которой вышел 16 (29) декабря 1910 г., кроме Полетаева и Иорданского, входил также Бонч-Бруевич. Но, как уже было сказано выше, несмотря на то, что Владимир Дмитриевич — единственный свидетель, который мог пролить свет на судьбу статьи Ленина, присланной в «Современный мир», к 1930 г. он ничего об этом не помнил. Вряд ли у него из памяти стерся этот эпизод, если бы он лично имел отношение к передаче ленинской статьи в профсоюзный журнал.

Редактором-издателем № 8 «Голоса булочника и кондитера» в журнале обозначен К.Н.Горин. Никакой информации о нем обнаружить не удалось, так как зачастую редакторами-издателями подобных журналов из-за опасности преследования полицией оформляли простых рабочих и обеспечивали материальную поддержку семье в случае ареста «редактора»¹⁶. Членом правления, секретарем Петербургского профсоюза булочников и членом Центрального бюро профсоюзов Петербурга был в это время Б.И.Иванов¹⁷. Он принимал активное участие в рабочем движении Пе-

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 317.

¹¹ Пролетарская революция. 1930. № 4. С. 128.

¹² См.: Современный мир. 1911. № 2. С. 236—262.

¹³ См.: Сныткин М.М. Н.Г.Полетаев. М., 1962. С. 27.

¹⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 577—578, 581, 582, 592, 597—599, 601, 603.

¹⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 28—29.

¹⁶ См.: Сныткин М.М. Указ соч. С. 32—33.

¹⁷ См.: История профсоюзов России. Этапы, события, люди. М., 1999. С. 537.

тербурга, был постоянным корреспондентом «Звезды» и «Правды»¹⁸, являлся инициатором проведения одного из первых денежных сборов в фонд «Правды». Б.И.Иванов прожил долгую жизнь (1887—1965), опубликовал воспоминания¹⁹, брошюру «Профессиональное движение рабочих хлебопекарно-кондитерского производства Петрограда и губернии» (1920), оставил фонд личных документов в ГА РФ, так что, если бы он имел отношение к эпизоду с публикацией ленинской статьи, он бы наверняка не забыл его и отразил в своих мемуарах. Тем не менее, один из фрагментов его воспоминаний с высокой степенью вероятности может ответить на вопрос о том, как из «Современной жизни» статья попала в «Голос булочника и кондитера». Б.И.Иванов не имел прямых контактов с «Современной жизнью». Но связь опосредованная имела место — через редакцию «Звезды», в которую входил также и редактор «Современной жизни» Иорданский. Кроме упомянутых уже Полетаева и Бонч-Бруевича, в редакцию «Звезды» входили примыкавший к большевикам беспартийный депутат Государственной думы И.П.Покровский и официальный редактор и издатель газеты К.С.Еремеев. Именно цепочка: «Голос булочника и кондитера» — Б.И.Иванов — К.С.Еремеев — Н.И.Иорданский — представляется наиболее вероятной при ответе на поставленный нами вопрос. «Связь партийной группы правления нашего профсоюза с Еремеевым ... с самого начала осуществлялась через Бориса Иванова»²⁰, — пишет в своих воспоминаниях активный работник профсоюза булочников Петербурга Иван Абрамов.

Вот какой фрагмент имеется в воспоминаниях Б.И.Иванова: «Впервые я встретился с Константином Степановичем Еремеевым в феврале 1911 года в редакции «Звезды», куда пришел с просьбой напечатать сообщение о созыве общего собрания членов Петербургского союза булочников и кондитеров... Узнав, что я секретарь союза булочников, он встал из-за стола, шагнул мне навстречу.

— Вот это желанный гость! — приветливо улыбаясь, заговорил он. — Давненько пора было побывать у нас в редакции... Сейчас связь с профсоюзами — наше основное дело.

...Свыше часа Константин Степанович дружески беседовал со мной... Вспоминаю, какой радостный огонек вспыхнул в его глазах, когда я сказал, что наш профсоюз находится под сильным влиянием большевиков.

— Одно плохо, — сказал я, — редактор нашего профсоюзного журнала, некий Повес-Астров — ярый меньшевик²¹. Правление союза давно решило отказаться от его услуг, но вот беда: никак не найдем подходящего работника-большевика... А кстати, — обратился я к Еремееву, — правление просило передать вам большую просьбу — взяться за редактирование нашего журнала...

— Вот так здорово! — Еремеев вынул изо рта свою трубку и расхохотался. — С меня хватит «Звезды», тем более, что решено начать выпускать ее дважды и даже трижды в неделю. А подходящего редактора я вам подыщу... Обязательно найду. Это дело очень важное.

...Но подходящего человека найти было трудно, и Константину Степановичу пришлось впрячься и в этот раз... У дяди Кости хватило времени, чтобы взяться за редактирование профсоюзного журнала «Голос булочника и кондитера». Помню дружеские советы, которые он давал мне на первых порах:

¹⁸ См.: В.И.Ленин и питерские рабочие. 1893—1924. Л., 1982. С. 162.

¹⁹ См.: Иванов Б.И. Воспоминания рабочего-большевика. М., 1972.

²⁰ Абрамов И. Славная жизнь // Большевик-правдист. Воспоминания о К.С.Еремееве. М., 1965. С. 51.

²¹ По всей видимости, К.Н.Горин был формальным редактором, а Повес-Астров — фактическим.

— Правление вашего профсоюза хорошо сделало, что отстранило от редактирования меньшевика Повеса-Астрова. Но этого мало. Надо перестроить всю тематику журнала, чтобы освещать основные требования нашей партии. Пора покончить с нудным, мертвящим стилем статей, заменив его стилем “Звезды”...»²²

К сожалению, Б.И.Иванов не указывает точной хронологии описываемых событий, но если его встреча с Еремеевым была в феврале 1911 г., то последний вполне мог быть редактором номера «Голоса булочника и кондитера», вышедшего 19 марта. Не ясно, правда, если публикация ленинской статьи была осуществлена Еремеевым, то почему в его собственных воспоминаниях не сохранился этот эпизод²³. Можно предположить, что Еремеев не получил информацию от Иорданского об авторстве переданной ему анонимной статьи и печатал ее, не предполагая, что она принадлежит Ленину.

Во всяком случае, вопрос о том, как ленинская статья попала в журнал «Голос булочника и кондитера» остается открытым. Может быть, ответить на него удастся другим исследователям, занимающимся ленинской тематикой, историей рабочего движения в Петербурге. Необходимо также обратить внимание на то, что «профсоюзный акцент» публикуемой статьи — результат редакторского вмешательства в ленинский текст, его адаптации к профилю журнала и к его аудитории.

Профсоюзная периодическая печать дореволюционного времени представляет собой довольно большой, но плохо сохранившийся комплекс материалов. Еще в 1907 г. составители вышедшего в Москве издания «Библиографический сборник. Обзор литературы по рабочему вопросу. Вып. 1. Профессиональное движение» отмечали, что им так и не удалось отыскать целый ряд профсоюзных изданий. В предисловии к разделу «Профессиональная пресса» А.В.Шестаков (Никодимов) писал, что некоторые профсоюзные издания «совсем исчезли с книжного рынка и даже из тех союзов, которые их выпускали, другие издавались нелегально, третьи конфисковывались полицией целиком... у нас до сих пор нет еще ни одного учреждения, которое задалось целью собрать этот важный для истории материал»²⁴. Вопросом переиздания дореволюционной профсоюзной печати в 1920-е гг. начал заниматься Истпроф ВЦСПС, но был издан только один выпуск «Общепрофессиональные органы 1905—1907 гг. Московские журналы 1905 года»²⁵. Большую работу по выявлению профсоюзной периодической печати проделал в 1950-е гг. Я.С.Рогинский. Он выявил 210 названий русских профсоюзных периодических изданий, вышедших до февраля 1917 г. Его указатель был опубликован в 1957 г., уже после смерти составителя. Именно Я.С.Рогинский выявил журнал «Голос булочника и кондитера» в Музее книги (Отделе редких книг «Ленинки», ныне РГБ). Журнал, таким образом, является библиографической редкостью, и публикация статьи из него на страницах «Исторического архива» вполне уместна.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук О.И.ГОРЕЛОВ.

²² Иванов Б. Большевик. Правдист. Друг // Большевик-правдист. Воспоминания о К.С.Еремееве. М. 1965. С. 23—24, 32.

²³ См.: Еремеев К.С. Наричание имен «Звезды» и «Правды» // Правда. 1927. 5 мая; он же. Ленин и рабочий класс. М. 1924; он же. Пламя. М. 1930.

²⁴ Цит. по: Рогинский Я.С. Русская профсоюзная периодическая печать. 1905—1917 гг. Библиографический указатель. М., 1957. С. 14—15.

²⁵ См.: Общепрофессиональные органы 1905—1907 гг. Вып. 1. Московские журналы 1905 года. М., 1926.

В.И. Ленин

К пятидесятилетию падения крепостного рабства

50 лет назад — 19 февраля 1861 года — пали цепи крепостного права, тяготевшего триста лет над русским крестьянином. Порвались цепи¹, прикреплявшие личность и собственность крестьянина к помещикам-владельцам крестьянских душ. Не добрая воля хозяев жизни, не милосердие дворян-трутней, пожинаящих то, что не сеяли², не забота бюрократии о закабаленных рабах³ вызвали на свет крестьянскую реформу, властные требования жизни вырвали ее у привилегированных классов общества. «Лучше освободить крестьян *сверху*, чем ждать, чтобы они освободили себя *снизу*, — говорил император Александр II⁴ московским дворянам, противившимся освобождению крестьян⁵. Разгром, пережитый Россией под Севастополем в Крымскую войну⁶, потребности развивающейся капиталистической промышленности, требующей «свободных» рабочих рук, все растущее недовольство крепостных крестьян, прорывавшееся в целом ряде крестьянских «бунтов»⁷, освободительные стремления, возникшие в связи с военным и финансовым поражением России в русском обществе — все это, а не добрая воля отдельных лиц — вынудили проведение реформы⁸. Реформа была дана сверху, потому что ее нельзя было не дать. Но верно предсказал тогда народный поэт Некрасов⁹: «на место цепей крепостных, люди придумали много других»¹⁰. Освобождение крестьян от цепей крепостных не избавило трудовые слои русского народа от иных цепей. У колыбели реформы, которая должна была освободить крестьян от ига дворян, стояли те же самые дворяне¹¹. И не удивительно, что реформа была проведена таким образом, чтобы и овцы остались целы, и волки были сыты¹². Личность крестьянина, бывшего крепостного, была освобождена, но он был освобожден *без земли*¹³ и, следовательно, как производитель, как трудовой член общества, был оставлен по-прежнему в зависимость от помещиков, теперь уже не владельцев его «души», но собственников земли и нанимателей его рабочей силы. Дворяне получили лучшую и большую часть крестьянской земли, и бывшие крепостные, взамен за жалкие остатки своей былой собственности, были обложены выкупными платежами по увеличенной расценке¹⁴ и закабалены государству, которое сразу выплачивало стоимость выкупа помещикам и в течение 40 с лишним лет взыскивало его с крестьян. Вместе с тем, «освобожденное» крестьянство было реформой 19 февраля сохранено в виде *особого* сословия, отделенного от всех других, поставлено под мелочный контроль сословной дворянской чиновничьей опеки, было окутано новыми сетями пореформенного бюрократического законодательства о крестьянах. И чаяния либерального общества того времени об «увенчании здания» — о других реформах, о гражданской свободе потерпели крушение: вслед за реформой наступила реакция и либеральным надеждам был положен конец. Дальнейшее законодательство о крестьянах — учреждение крестьянского банка, создание земских начальников¹⁵, ограничение прав крестьян в земствах, мелочная опека их во всех областях жизни — до самого

конца XIX века — еще более вскрыли истинный смысл вынужденной реформы, еще более показали, что освобождение совершилось только наполовину¹⁶.

Но жизнь не стояла на одном месте. Крестьянская и связанные с нею другие реформы вызвали быстрое и лихорадочное развитие городской промышленности. Шумно праздновал свое историческое присшествие господин капитал¹⁷. Хозяевами жизни стали вместо помещиков-дворян разные Колупаевы, Разуваевы и Деруновы — «неблагородные» промышленники, купцы, кулаки, скупщики, кабатчики, ростовщики и другие нечистых дел мастера¹⁸. «Свободные» от помещиков и от земли крестьяне давали им послушную и дешевую армию живого труда, накопившего им сотни тысяч и миллионы. Дворяне, приученные крепостным правом к праздному прожиганию жизни¹⁹, проживали полученные от правительства выкупные деньги, стекавшиеся в руки все тех же городских дельцов, употреблявших их на городское и железнодорожное строительство, нужное обновленной России. Разорялись «дворянские гнезда» помещиков, переходя в руки тех же Разуваевых и Колупаевых. Крестьяне, нуждающиеся в деньгах, чтобы уплатить выкупные платежи и другие казенные повинности, доставали эти деньги под ростовщические проценты у своих односельчан — богатеев и мироедов²⁰, обдиравших их как липку²¹. Деревня нищала и голодала, город богател и наживался. Тот же Некрасов верно характеризовал крестьянскую реформу, говоря: «Порвалась цепь великая; порвалась и ударила — одним концом по барину, другим по мужику». Порвались цепи рабства, но при падении цепи ударили и по крестьянам, отданным в новую кабалу²² помещикам и государству, и по дворянам, лишившимся своего прежнего экономического господства и уступившим значительную часть своего богатства и влияния торгово-промышленному капиталу.

Рост городской промышленности, вызванный реформой, создал новый класс тружеников — городской пролетариат, детей и внуков освобожденных реформой крестьян, носителей будущего освобождения трудящихся. Рабочее движение 90-900-х годов было той силой, той главной пружиной, которая вызвала к жизни движение всех других классов общества и после Цусимы и Порт-Артура²³ вынудило у правительства другую реформу — 17 октября 1905 г.²⁴, которую тоже лучше было дать сверху... Если 19 февраля 1861 г. освободило личность крестьянина, то 17-го октября положило начало политическому раскрепощению русского народа; освобожденный 19 февраля раб после 17-го октября начал становиться гражданином²⁵. Начал становиться гражданином, но не сделался им. Как и в 1861 году, силы, стоящие за реформу, были слишком слабы по сравнению с ее врагами. Темные силы опять победили... В крестьянском вопросе пошло разрушение общины и «ставка на сильных»²⁶, в рабочем вопросе отобрание назад всех завоеванных вольностей²⁷, в области политической — уничтожение только что провозглашенных свобод²⁸.

Но как и после 19 февраля, общественное и экономическое развитие пошло более быстрым ходом, и как прежний крепостной раб²⁹ пре-

вратился в свободного крестьянина и городского пролетария, так и после 17-го октября разьединенные рабочие все более стали объединяться в союзы и организации, все более стали представлять из себя единую силу, которая довершит начатое дело гражданского и политического освобождения. Несмотря на реакцию после 17-го октября, рабочий класс впервые получил возможность *открыто* организоваться в свои *профессиональные* и другие союзы, и, как ни препятствуют власти этой организации, этого *права* у него не могут уже отнять, как не могла реакция после 1861 г. отнять у освобожденного крестьянина права личной свободы. В рабочих организациях зреют и накаплиются силы, которые принесут окончательно экономическое, политическое и духовное освобождение как рабочему классу, так и всему обществу³⁰.

50 лет прошло со времени освобождения крестьян. 50-летний юбилей 19 февраля был взят в свои руки господствующими классами и бюрократией. Русское общество и народ не могли отпраздновать этот день, как действительный день личного освобождения миллионов³¹. Но как ни тускло прошел юбилей, как ни много еще в русской жизни остатков самого неприкрашенного крепостничества, русский народ и русский пролетариат не должны забывать этого исторического дня. Старые цепи разбиты, «придуманы новые», может быть, еще более крепкие, но вместе с ними родилась возможность для пролетариата сковать тот молот, которым окончательно разрушатся и эти новые цепи. Этот молот — рабочие организации, рост самосознания рабочего класса. С ними терять ему нечего, но завоевать можно целый мир.

В.Л.

РГБ. Музей книги (Отдел редких книг). Голос булочника и кондитера. 19 марта 1911 г. № 8. С. 3—5.

Примечания

¹ Употребление слова *цепь* весьма характерно для В.И.Ленина. Оно встречается в его работах более 50 раз. См., например: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 295; Т. 20. С. 218; Т. 25. С. 269; Т. 34. С. 216 и др.

² См.: «оно пожинает то, что не сеяло» (Т. 10. С. 337).

³ Слово *рабство* в отношении крепостничества В.И.Ленин употреблял довольно часто: «Сотни лет бывший в рабстве у помещиков» (Т. 20. С. 174), «века рабства» (Т. 20. С. 174), «привычки крепостных рабов» (Т. 20. С. 141), «крепостным рабством» (Т. 20. С. 141), «прежней власти рабовладения» (Т. 6. С. 347) и др.

⁴ Александр II (1818—1881) — российский император с 1855 г.

⁵ Имеется в виду речь Александра II перед московскими предводителями дворянства 30 марта 1856 г. Император сказал следующее: «Слухи носят, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (Голос минувшего. 1916. № 5—6. С. 393). Из статьи В.И.Ленина «"Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская

революция»: «Крестьянские “бунты”, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу» (Т. 20. С. 173).

⁶ Имеется в виду война между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии в 1853 — 1856 гг. Из статьи В.И.Ленина «“Крестьянская реформа” и пролетарски-крестьянская революция»: «Сила экономического развития, втягивающего Россию на путь капитализма... Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» (Т. 20. С. 173).

⁷ Из статьи В.И.Ленина «Пятидесятилетие падения крепостного права»: «В 1861 году крестьяне способны были только на “бунты”» (Т. 20. С. 141). В.И.Ленин активно использовал слово *бунт* в кавычках при характеристике крестьянских выступлений. См., например: Т. 6. С. 30; Т. 19. С. 171; Т. 20. С. 20.

⁸ Из статьи В.И.Ленина «Рабочая партия и крестьянство»: «Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа... Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки вынуждено было освободить их» (Т. 4. С. 430).

⁹ Некрасов Н.А. (1821—1877/78) — поэт.

¹⁰ Для В.И.Ленина было весьма характерно использование выдержек из произведений Н.А.Некрасова. Ленин высоко оценивал творчество Некрасова (См.: Т. 16. С. 651, примечание).

¹¹ Из статьи В.И.Ленина «“Крестьянская реформа” и пролетарски-крестьянская революция»: «“Великая реформа” была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники» (Т. 20. С. 173).

¹² См.: «удовлетворение мужика без обиды помещика» (Т. 16. С. 226.) Из статьи В.И.Ленина «Пятидесятилетие падения крепостного права»: «И эти “освободители” так повели дело, что крестьяне вышли “на свободу”, ободранные до нищеты, вышли из рабства помещиков в кабалу к тем же помещикам» (Т. 20. С. 140). «Русских крестьян господ благородные помещики “освободили» так, что *свыше пятой доли* крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков» (Т. 20. С. 140).

¹³ См.: «обезземеление крестьян», «стремление обезземелить крестьян» (Т. 20. С. 163), «в освобождении крестьян без земли» (Т. 20. С. 162).

¹⁴ Из статьи В.И.Ленина «Пятидесятилетие падения крепостного права»: «За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить *выкуп*: то есть дань вчерашним рабовладельцам... Крестьяне остались и после отмены крепостного права в прежней, безысходной кабале у помещиков» (Т. 20. С. 140). См. также: Т. 4. С. 429 и др.

¹⁵ Имеется в виду Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г., резко ограничившее права земства. См.: Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 309—311.

¹⁶ См.: «жалкая половинчатая реформа» (Т. 4. С. 431).

¹⁷ Из статьи В.И.Ленина «Пятидесятилетие падения крепостного права»: «После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая» (Т. 20. С. 141).

¹⁸ См.: «с Разуваемыми и Колупаевыми против крестьянской массы» (Т. 16. С. 404), «они работали у Колупаевых и Разуваевых» (Т. 37. С. 400), «худшими представителями “колупаевского капитализма”» (Т. 20. С. 138), «крикнуть клич этим Колупаевым» (Т. 16. С. 404), «рядом с Колупаевыми и Разуваевыми» (Т. 37. С. 401). В.И.Ленин использует образы персонажей произведений М.Е.Салтыкова-Щедрина из его произведений «За рубежом», «Письма к тетеньке», «Убежище Монрепо».

¹⁹ См.: «прожигателей жизни» (Т. 8. С. 487).

²⁰ См.: «на поток и разграбление кучке мироедов, кулаков, зажиточных мужиков» (Т. 20. С. 171). См. также: Т. 7. С. 188 и др.

²¹ См.: «ободрали их как липку» (Т. 4 С. 418), «обдирают, как липку и кабалют» (Т. 15. С. 233), «обдирают, как липку» (Т. 23. С. 176), «обдирают их, как липку» (Т. 5. С. 29), «крестьян обдирают, как липку» (Т. 20. С. 175). См. также: Т. 20. С. 140 и др.

²² См.: «кабальное положение массы крестьянства», «крепостном, кабальном, рабском положении» (Т. 25. С. 173), «закабаленное безысходной кабалой» (Т. 25. С. 174), «кабальные и крепостнические отношения», «рабство, кабала, крепостничество» (Т. 25. С. 172), «закабаленный крестьянин — дань крепостникам за освобождение их рабов» (Т. 4. С. 433). См. также: Т. 15. С. 130; Т. 20. С. 164, 165; Т. 7. С. 179, 184—185.

²³ Имеются в виду неудачные для русской армии и флота Цусимское сражение (14—15 мая 1905 г.) и оборона Порт-Артура (27 января — 20 декабря 1904 г. во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

²⁴ Имеется в виду подписанный Николаем II 17 октября 1905 г. манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший гражданские свободы, учреждение Государственной думы и т.д.

²⁵ См.: «становятся гражданами» (Т. 20. С. 141).

²⁶ Имеются в виду «Указ Правительствующему Сенату о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г. и «Закон об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» от 14 июня 1910 г.

²⁷ В частности, имеются в виду «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий» от 4 марта 1906 г.

²⁸ Имеется в виду «Положение о выборах в Государственную думу» от 3 июня 1907 г.

²⁹ См.: «сбросить с себя привычки крепостных рабов» (Т. 20. С. 141).

³⁰ Из статьи В.И.Ленина «Пятидесятилетие падения крепостного права»: «Постепенно стали складываться соединения рабочих для совместной борьбы с капиталистами и правительством. Ведя эту борьбу, русский рабочий класс помогал миллионам крестьянства подняться, выпрямиться, сбросить с себя привычки крепостных рабов... И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства на революцию» (Т. 20. С. 141).

³¹ Из статьи В.И.Ленина «"Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция»: «Царское правительство отпраздновало его тем, что усиленно сбывало «в народ» черносотенные юбилейные брошюры «Национального клуба», усиленно арестовывало всех «подозрительных», запрещало собрания, в которых можно было ожидать речей хоть сколько-нибудь похожих на демократические, штрафовало и душило газеты, преследовало «крамольные» кинематографы» (Т. 20. С. 171).

«ПРОШУ РАССЛЕДОВАТЬ И СООБЩИТЬ МНЕ...»

Судьба Ардашевых — двоюродных братьев В.И.Ленина

Публикуемые документы раскрывают малоизвестные страницы о родственниках руководителя Советского государства В.И.Ленина. Известно, что семья Ульяновых имела многочисленную родню, особенно по материнской линии. Лишь двоюродных братьев и сестер у Ленина было более 30. Наиболее близкие из их — Ардашевы, дети Любви Ардашевой-Пономаревой (сестры Марии Александровны Ульяновой). Часто и подолгу они вместе отдыхали в имении деда Ленина — А.Д.Бланка¹, в Кокушкино, расположенном в сорока верстах к северо-востоку от Казани, на берегу реки Ушна, близ Волги и Камы. После смерти А.Д.Бланка имение (усадьба, мельница и 250 десятин земли) унаследовали все пять его дочерей. Позднее его выкупила у сестер семья Любви Ардашевой-Пономаревой. Усадьба состояла из обширного двухэтажного помещичьего дома, стоящего на высоком берегу реки, многокомнатного одноэтажного, с мезонином и балконами, и флигеля. Усадьбу окружали сад из старых тенистых лип, берез, сирени. Поблизости находился сосновый лес, в нем много зверья, грибов, ягод и прочих даров природы².

Дети Ульяновых, Володя в том числе, дружили с детьми Ардашевых и Веретениковых, особенно первых. Александр Ардашев — студент Казанского университета и классный шахматист, который был старше гимназиста Володи Ульянова на 7 лет, обучал его шахматному искусству. Делал он это в пору, когда Владимир также был студентом, правда, исключенным. В Бюхронике Ленина за декабрь 1888 г. отмечено: «Ленин посещает шахматный клуб. Вместе с двоюродным братом А.А.Ардашевым играет в шахматы с Дмитрием Ильичем и по переписке с самарским шахматистом А.Н.Хардиным»³. Примечательно, что брат Ленина — Дмитрий и его сестры, замалчивавшие роль Ардашевых в их жизни из-за либерально-демократических взглядов последних, исказили и приведенный факт. Д.И.Ульянов в воспоминаниях писал: «В ту же зиму Марк Тимофеевич Елизаров организовал партию по переписке между Владимиром Ильичем и сильным самарским шахматистом А.Н.Хардиным, ходы передавались по почте, обыкновенными открытками»⁴. Об А.А.Ардашеве — ни слова. И Дмитрий, и сестры вообще избегали упоминать имена ранее наиболее близких родственников — Ардашевых. Так, А.И.Ульянова (Елизарова) о пребывании своем и Владимира в Кокушкино в 1887—1988 гг. писала следующее: «редкие приезды двоюродного брата» (речь об Александре); «летом приехали двоюродные братья, — у Володи появились товарищи для прогулок, охо-

¹ Бланк А.Д. (до принятия православия и крещения — Сруль Мойшевич) — известный врач, находясь на государственной службе, имел чин статского советника. В 1847 г. вышел в отставку, получив звание потомственного дворянина, имел пятерых дочерей: Анну, Любовь, Софию, Марию, Екатерину.

² См.: Нечволодова Н., Резниченко Л. Юность Ленина. М., 1956. С. 65—68.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 1. С. 40. См. также: Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1968. Т. 1. С. 106—107.

⁴ Воспоминания родных о В.И.Ленине. М., 1955. С. 107.

ты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли. Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словом и лукавой усмешкой Володи»⁵.

В трудную пору для Ульяновых, когда казнили старшего брата Ленина — Александра, подверглась аресту и сестра его Анна, ее взяли на поруки Ардашевы, поселили в Кокушкино, материально и морально поддерживали. Так Анна Ульянова избежала 5-летней ссылки в Сибирь. Туда же, в Кокушкино, был выслан Владимир Ульянов за участие в студенческих антиправительственных выступлениях. Здесь он жил до весны 1889 г., пока Ульяновы ни приобрели имение Алапаевку в Самарской губернии.

Семья Ардашевых была тесно связана по проживанию и службе не только с Поволжьем, но и с Уралом. Муж Любви — Александр Федорович Ардашев, был крупным чиновником в Перми. Там, в Перми, родились и получили гимназическое образование их 6 сыновей: Александр, Дмитрий, Федор, Виктор, Владимир и Юрий (Георгий). Закончив высшие учебные заведения, они также связали свою судьбу с Уральским краем, Екатеринбургом и Пермской губернией (док. №№ 1—7).

К моменту бурных событий 1917 г. оставшиеся в живых братья Ардашевы (Александр, Виктор и Георгий) проживали с семьями и работали на Среднем Урале, на территории современной Свердловской области. Все они стали людьми примечательными, отличались демократическими взглядами. Наиболее значительной фигурой из них был старший брат, Александр, известный нотариус в Екатеринбургe. Не без его влияния Дмитрий, Владимир и Виктор избрали профессию юристов. Георгий (Юрий) был военным ветеринарным врачом; Федор Ардашев — земским врачом в Пермской губернии. Дочь Дмитрия — Любовь — также занималась юриспруденцией, работала в конторе своего дяди (Александра Ардашева). А.А.Ардашев ее ценил и при уходе в отпуск оставлял за себя, несмотря на ее молодость (док. №№ 5, 7).

После Октября 1917 г. Ардашевы оказались не в ладах с советской властью. Первым из их семьи пострадал Виктор. Перед Рождеством уездные власти наложили на Ардашева, как на «буржуазный элемент», контрибуцию в 1000 рублей, которую уплатить он не смог. Ему грозил арест. Узнав о разгоне в январе 1918 г. Всероссийского Учредительного собрания, Виктор Ардашев включился в организацию акций протеста. Создаются стачечные комитеты, в том числе и в Верхотурье. Руководящую роль в комитете и в движении протеста в целом, охватившем, главным образом, местную интеллигенцию и служащих, играли партии «Народных социалистов» и «Народной свободы» и их уездные комитеты. Председателем стачкома стал В.Я.Бахтеев, его заместителем — В.А.Ардашев. Стачком с участием Ардашева составил и опубликовал листовку в защиту Учредительного собрания. За эту акцию Ардашев и Бахтеев, в соответствии с постановлением исполкома Верхотурского Совета, были арестованы. 15 января 1918 г. Виктор Ардашев был убит конвойными. Как сообщалось в официальных документах (док. № 8) и в печати (См.: Уральская жизнь (Екатеринбург). 1918, 18 января) при «попытке к бегству».

В те январские дни Александр Ардашев находился в Петрограде. Там он в начале января 1918 г. встретился с наркомом путей сообщения М.Т.Елизаровым, вместе с ним побывал на приеме у В.И.Ленина. В Биохронике Ленина указано: «Ленин в присутствии М.Т.Елизарова беседует со своим двоюродным братом А.А.Ардашевым»⁶. По возвращении в Екатеринбург Ардашев узнал о гибели брата Виктора, потребовал объяснений, но ему выдали лишь некоторые «вещественные доказательства» о погибшем (док. № 10).

⁵ Там же. С. 22, 24.

⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Октябрь 1917 — июль 1918 гг. М., 1974. Т. 5. С. 168.

Публикуемые документы раскрывают еще одну трагедию семьи Ардашевых — гибель Юрия Александровича Ардашева (сына старшего брата А.А.Ардашева), служившего в Екатеринбургском гарнизоне. Летом 1918 г. недовольство властью большевиков охватило широкие слои уральского населения. 10 июня по инициативе местного «Союза фронтовиков» начались митинги с выдвижением антибольшевистских, демократических требований. Они продолжались около трех дней. Против участников выступления были брошены наличные военные и карательные отряды, в том числе и сотня Юрия Ардашева. От применения насилия она уклонилась, а затем, по призыву ее командира, присоединилась к фактически уже восставшим фронтовикам, горожанам и прибывшим в Екатеринбург крестьянам. Действия Ардашева осложнили выполнение задачи разгрома мятежников. Ардашева и его помощника удалось завлечь на якобы повстанческий объект и захватить. В этой акции участвовал А.И.Медведев, который рассказал о ее ходе, разоружении и аресте Ардашева⁷. Судя по всему, Юрий тогда же был расстрелян. Об этом свидетельствуют и воспоминания заместителя председателя областного ЧК Я.Х.Юровского (док. № 12). Был арестован и отец Юрия, Александр Ардашев.

Об аресте Ардашевых, угрозе их жизни стало известно Ленину. Это его крайне обеспокоило. Ленин посылает телеграмму на имя Г.И.Сафарова⁸ в Екатеринбург: «Прошу расследовать и сообщить мне причины обыска и ареста Ардашевых...»⁹ Ответ Сафарова Ленину неизвестен. Однако известно, что А.А.Ардашев был освобожден и остался в живых. Он проживал в городе до зимы 1919—1920 гг., затем уехал в Москву, некоторое время работал по специальности в Совнаркоме. Позже получил персональную пенсию. Скончался А.А.Ардашев 7 августа 1933 г., похоронен на Пятницком кладбище¹⁰.

О судьбе Георгия (Юрия), находившегося в первой половине 1918 г. в Надеждинске и Екатеринбурге, ничего неизвестно. Личность его после окончания гражданской войны не выявляется ни на Урале, ни в Москве. Нет данных и о нахождении Ардашевых за рубежом. Двоюродный племянник Ленина Н.В.Первушин (в марте 1918 г. Ленин, узнав об аресте в Казани Н.В. и Г.В. Первушиных за «связь с контрреволюционерами», направил в губЧК телеграмму об освобождении их под поручительство местных коммунистов, и тем самым спас от неминуемой беды), с 1923 г. по начало 1930 г. работавший в советских представительствах в Берлине и Париже, а затем ставший «невозвращенцем», утверждал, что других родственников Ленина за рубежом нет. Ничего не можем мы сказать и о членах семьи Георгия, о дочери Дмитрия Любви и двух его сыновьях, к 1917 г. уже подростках, старший из них к этому времени должен был закончить гимназию). Другое дело — дети Александра и Виктора. Оставшаяся в живых дочь Александра Ксения (родилась в 1896 г., двумя годами позднее погибшего Юрия), по мужу — Желиговская, жила в Москве в квартире отца, а с 1961 г. — на Мосфильмовской ул., д. 17/25, в квартире № 227, где потом и скончалась. И она, и ее дочь Янина получали персональные пенсии, жили достаточно благополучно.

Сложнее оказалась судьба детей погибшего, Виктора Ардашева, его дочерей — Тамары, Маргариты и Галли (док. №№ 15—19). Из Верхотурья они переселились в

⁷ См.: Медведев А. По долинам и по взгорьям. Свердловск, 1957. С. 91—98.

⁸ Сафаров (Вольдин) Г.И. (1891—1942) — заместитель председателя Уралобкома РКП(б) и Уралоблсовета. В дальнейшем — на партийной работе в Перми, Вятке. С 1921 г. член Туркестанского бюро ЦК, затем работал в Исполкоме Коминтерна. В 1934 г. исключен из партии, репрессирован. Реабилитирован посмертно.

⁹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6468. Л. 1.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 838. Л. 22.

Екатеринбург, никак не выдавая родства с Лениным. Образования они не получили, жили трудно, рано стали болеть. В сентябре 1961 г. младшая из дочерей Виктора Ардашева Г.В. Курзенева обратилась за документами, подтверждающими родство с В.И. Лениным, в партийных архив Свердловского обкома КПСС и в Москву, в ЦПА ИМЛ. Около двух лет шла деловая переписка по поводу их личностей, отца, Ардашевых вообще. В результате им были назначены персональные пенсии, предоставлены благоустроенные квартиры.

Публикуемые документы хранятся в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Подлинники обеих телеграмм В.И. Ленина на имя Г.И. Сафарова (от 2 и 3 июля 1918 г.) хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), а их фотокопии — в ЦДООСО (Ф. 221. Оп. 2. Д. 858). Тексты публикуются без орфографической и стилистической правки. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Публикацию подготовил доктор исторических наук И.Ф. ПЛОТНИКОВ.

№ 1

Прошение А.А. Ардашева на имя председателя Екатеринбургского окружного суда о предоставлении отпуска

30 апреля 1898 г.

Его превосходительству Господину
председателю Екатеринбургского Окружного Суда
Екатеринбургского Нотариуса Ардашева

Имею честь просить Ваше Превосходительство разрешить мне с 1-го Мая текущего года отпуск на один месяц и исполнение обязанности моей возложить на время отпуска на брата моего Виктора Александровича Ардашева с моею имущественною за его действия ответственностью.

Нотариус *Ардашев*

ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2428. Л. 37. Подлинник.

№ 2

Подписка В.А. Ардашева, данная председателю Екатеринбургского окружного суда на предмет исполнения обязанностей нотариуса в период месячного отпуска его брата А.А. Ардашева

30 апреля 1898 г.

Тысяча восемьсот девяносто восьмого года. Апреля тридцатого дня. Я, нижеподписавшийся, сын чиновника Виктор Александрович Ардашев, выдал настоящую подписку господину Председателю Екатеринбургского Окружного Суда в том, что на исправление должности Екатеринбургского Нотариуса Александра Александровича Ардашева в тече-

ние одного месяца от сего числа за его имущественной ответственностью изъявляю свое согласие.

Виктор Ардашев

ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2428. Л. 38. Подлинник.

№ 3

Сведения о личном, семейном и имущественном положении^а

[Не ранее февраля 1910 г.]^б

О личности

1) *Какого происхождения по местности и состоянию.* — Сын чиновника. 2) *Где и когда родился.* — В г. Перми. 21 Января 1863 года. — 3) *Какого вероисповедания.* — Православного. 4) *Где окончил полный курс наук, с какой степенью, или по какому разряду, с каким чином и т. под.* — В Императорском Казанском университете со степенью кандидата физико-математических наук¹. — 5) *В каком состоит чине и с какого времени.* — Чина не имею. — 6) *Какие имеет ордена и когда таковые получены.* — Станислава 3 ст. с 1 Января 1905 года. Орден св. Анны 3 ст., получ. 3/II 910 г. — 7) *Какое получает по службе содержание (все виды довольствия).* — Не получаю². — 8) *Прохождение службы со времени представления последнего формуляра или сведений.* — Состою в должности нотариуса.

О семействе

1) *Холост, женат, вдов или в разводе, если женат, то с какого времени.* — Женат с 1893 г. — 2) *Имя, отчество и девичья фамилия жены.* — Екатерина Федоровна Фотиева. — 3) *Происхождение жены по местности и состоянию.* — Дочь почетного гражданина. — 4) *Место и время рождения жены.* — В Алапаевском зав[оде], 28 ноября 1874 г. — 5) *Вероисповедание жены.* — Православное. — *Число детей, с указанием от какого брака, если таковых было несколько. Имена детей по старшинству их рождения.* — Георгий, Ксения. — *Время рождения.* — 9 ноября 1894 г. В 1896 г. — *Вероисповедание.* — Православное.

Об имуществе

Имеет ли недвижимое имущество: а) у самого. — Дом в г. Екатеринбурге стоимостью 6000 р. Дача в Екатеринбургском уезде, 6 десятин, стоимостью 4000 руб. Доходность дома 300 руб. Дачи 200 руб. Не заложено. — *б) у жены.* — Нет. — *в) у детей.* — Нет. — *г) у родителей.* — Нет.

Нотариус А. Ардашев

ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2428. Л. 6—9. Подлинник. Подпись-автограф.

^а Заголовок документа.

^б Дата установлена по содержанию документа.

6

С В ъ Д Ѣ Н І Я

О ЛИЧНОМЪ, СЕМЕЙНОМЪ и ИМУЩЕСТВЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

(Должность, имя, отчество и фамилия).

28.1.19.

К. Г. К. М. К.

О Л И Ч Н О С Т И.	
В О П Р О С Ы.	О Т В Ѣ Т Ы.
1) Какого происхождения по вѣстности и состоянію (например: дворянинъ записанный въ такую-то часть родословной книги по такой-то губерніи, или крестьянинъ такой-то губерніи или уѣзда).	<i>Сын чиновника</i>
2) Гдѣ и когда родился (т. е. такою-то городъ и уѣздъ, такою-то года, мѣсяца и числа).	<i>Въ с. Перми. 21 Января 1863 года.</i>
3) Какого вѣроисповѣданія.	<i>Пробудительнаго.</i>
4) Гдѣ окончилъ полный курсъ науки, съ какою степенью, или по какому разряду, съ какою чиною и т. под.	<i>Въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ съ званіемъ кандидата Физико-Математическ. наукъ.</i>
5) Въ какомъ состояніи чинъ и съ какого времени.	<i>Чина не имѣю</i>
6) Какіе имѣетъ ордена и когда таковы получены.	<i>Станислава 3 ст. с. 1 Января 1905 года орденъ св. Анны 3 ст. 21.1.1905</i>
7) Какое получаютъ по службѣ содержаніе (въ видѣ докоплатіи).	<i>Не получаю.</i>
8) Прохожденіе службъ со времени представленія послѣднѣю формуляръ или свѣдѣній (включенія служебнаго положенія, особая командировка, отпускъ, мѣры вознагражденія и наказанія, возбужденіе слѣдствій, преданіе суду и т. под.). Примѣчаніе. Въ этой же графѣ должны быть обозначены: привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, преданіе суду и опредѣленныя по судбѣмъ приговорамъ измѣщенія и являющія проступки послужившія.	<i>Состоялъ въ запасѣ съ званіемъ кандидата Физико-Математическ. наукъ</i>

№ 4

Формулярный список о службе нотариуса гор. Екатеринбурга, округа Екатеринбургского окружного суда, кандидата математических наук^а Александра Александровича Ардашева^б

[Не ранее февраля 1913 г.]^в

Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание. — Александр Александрович Ардашев, нотариус гор. Екатеринбурга, округа Екатеринбургского Окружного Суда, род. 22 Января 1863 года, вероисповедания православного. Имеет орден Св. Станислава 3 ст., серебряную медаль в память царствования Императора Александра III, орден Св. Анны 3 степени. Содержания не получает.

Из какого звания происходит. — Сын чиновника.

Есть ли имение. — У родителей 250 десятин земли и мельница в Лаишевском уезде, Казанской губернии³.

Где получил воспитание и окончил ли пол[ный] курс наук в учебном заведении; когда вступил в службу; какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особых на службе действий или отличий; не был ли особо чем-либо награждаем кроме чинов? — Окончил курс наук в Императорском Казанском Университете по физико-математическому факультету, причем состоял стипендиатом Министерства Народного Просвещения и обязан прослужить по назначен[ию] означенного Министерства в одном из подведомственных ему средне-учебных заведений по полтора года за каждый год получения стипендии⁴.

Пермским Губернским Земским Собранием XI очередной сессии избран в участковые Мировые Судьи Екатеринбургского округа [18]89. Января 22.

По постановлению Съезда Мировых Судей назначен в 3 мировой участок. Января, 30.

В должности участкового Мирового Судьи утвержден Правительствующим Сенатом, как это видно из указан Сената от 5 мая 1889 г. за № 5830. 1889. Мая 5.

По постановлению Съезда Мировых Судей назначен в 5-й мировой участок. [1889]. Октября 22.

Екатеринбургским Уездным Земским Собранием XXII очередной сессией избран в участковые Мировые Судьи. 1891. Октября 23.

Постановлением Съезда Мировых Судей назначен вновь в 5-й мировой участок. [1891]. Октября 24.

^а Далее зачеркнуто: «Императорского Казанского Университета».

^б Заголовок документа.

^в Дата установлена по содержанию документа.

В должности участкового Мирowego Судьи утвержден Правительствующим Сенатом, как видно из указа от 21 Января 1892 года.

Приказом по ведомству Министерства Юстиции, от 25 июля 1893 г. за № 34, назначен Городским Судьей гор. Ирбита⁵ с 1-го Сентября 1893 года. 1893. Июля 25.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, от 10 Октября 1895 г. № 60, уволен от службы, согласно прошению, от должности Городского судьи гор. Ирбита. 1895. Октября 10.

Постановлением Старшего Председателя Казанской Судебной палаты, от 25 октября 1895 года за № 32, определен Нотариусом по гор. Екатеринбург, округа Екатеринбургского Окружного Суда. [1895]. Октября 25.

В 1 день января 1905 г. за заслуги по тюремному ведомству⁶ Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3 степени. 1905. Января 1.

Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 3-й степени в воздаяние усердной и беспорочной службы в течение 12 лет сряду на одной и той же должности. 1910. Февраля 3.

На основании Высочайшего повеления последовавшего в 21 день Февраля 1913 г. предоставлено право ношения Высочайше учрежденной в память 300-летия Царствования Дома Романовых светло-бронзовой медали. 1913. Февраля 21.

Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно? — Не был.

Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, явился ли на срок, и если просрочил, то тогда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною? — Был: в 1889 г. с 25 по 31 мая; в 1890 г. с 14 сентября по 1 октября. В 1892 г. с 10 марта по 23 мая. В 1893 г. с 9 июля по 2 августа, с 23 декабря 1893 г. по 5 января 1894 г., в 1894 г. с 12 июля на 28 дней; в 1895 г. с 24 августа по 22 сентября. В 1896 г. с 25-го июля на 15 дней; в 1897 г. с 28 мая на две недели и с 23 августа на один м[е]с[я]ц. В 1898 г.: с 5-го февраля на один м[е]с[я]ц; с 2 мая на 2 м[е]с[я]ца и с 6 по 15 июля; в 1899 г. с 28 мая на 15 дней; с 18 августа на 14 дней, с 3 ноября на 21 день; в 1900 г. с 5 апреля на 21 день; с 18 мая на 9 дней, с 14 декабря на 10 дней; в 1902 г. с 15 августа по 23 сентября. Из отпусков являлся в срок. В 1903 г. с 9 июля на две недели; в 1905 г. с 1 апреля на два м[е]с[я]ца; в 1906 г. с 10 по 17 апреля; в 1907 г. с 1-го по 26 февраля и с 18 июня на 2 м[е]с[я]ца и в 1908 г. с 15 мая по 4 июня.

Был ли в отставке, с награждением чина или без оногo, когда, с которого и по какое именно время? — Был: в 1895 г. с 10 по 25 октября.

Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания? — Женат с 1893 г. первым браком на девице Екатерине Федоровне Фотиевой, род. 28 Ноября 1874 г. Имеем сына Георгия⁷, род. 9 Ноября 1894 года и Ксению, род. в 1896 г.

№ 5

Рапорт нотариуса А.А.Ардашева на имя председателя Екатеринбургского окружного суда о предоставлении возможности исполнять его обязанности на время отпуска по болезни Л.Д.Ардашевой^а

28 декабря 1917 г.

*Г[осподину] Председателю Екате[ринбургского] Ок[ружного] Суда
Екате[ринбургского] Нотар[иуса] А.А.Ардашева*

Рапорт

По случаю болезни моей, лишаящей возможности исполнения обязанности Нотариуса, прошу допустить к исполнению моих обязанностей дочь чиновника Любовь Дмитриевну Ардашеву.

А.Ардашев

ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2428. Л. 141. Подлинник.

№ 6

Подписка племянницы А.А.Ардашева — Л.Д.Ардашевой, данная на предмет замещения его должности нотариуса на время разрешенного ему отпуска с 28 декабря 1917 г.

28 декабря 1917 г.

1917 г. Декабря 28 дня. Я, нижеподписавшаяся, выдала настоящую подписку в том, что на исполнение обязанностей Екатеринбургского Нотариуса А.А.Ардашева, за время его отпуска с 30 сего декабря^в, впредь на два месяца изъявляю свое согласие.

Л.Д.Ардашева

ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2428. Л. 141. Подлинник.

№ 7

Медицинское удостоверение, выданное А.А.Ардашеву^а

г. Екатеринбург

29 декабря 1917 г.

Медицинское удостоверение.

Сим удостоверяю, что Александр Александрович Ардашев болен расстройством нервной системы весьма сложного характера и нуждается в поездке в гор. Петроград для совета с врачами-специалистами по нервным болезням.

Врач^б

ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2428. Л. 142. Подлинник.

^а Медицинское удостоверение приложено к рапорту с просьбой о предоставлении А.А.Ардашеву отпуска в связи с болезнью.

^б Подпись неразборчива.

№ 8

**Информационное сообщение для печати
комиссара юстиции Уральской области И.И.Голощекина¹⁰
об обстоятельствах убийства В.А.Ардашева 15 января 1918 г.***18 января 1918 г.*

От областного комиссара юстиции

Получив 15 сего января месяца в 10 1/2 час. вечера сведения об убийстве гражданина В.А.Ардашева при попытке бежать от конвоиров, сопровождавших его в тюрьму, я тогда же отдал распоряжение о составлении комиссии¹¹ на предмет расследования происшествия.

Комиссия эта, составленная из Председателя Следственной Комиссии Совета Р[абочих] и С[олдатских] Депутатов и Председателя Революционного Трибунала г. Екатеринбурга, в присутствии понятых, осмотрела труп, причем на месте происшествия нашла труп лежащим на снегу в нескольких саженях от дороги, проложенной между велодромом и Верх-Исетской Земской больницей; тут же обнаружены следы ног, которые, при сличении, сошлись с галошами, бывшими на гражданине Ардашеве. Следы показывают, что гражданин Ардашев действительно пытался бежать.

Приглашенный комиссией в качестве эксперта врач Упоров, по данным осмотра дал заключение, что рана в грудь нанесена была из огнестрельного оружия на значительном расстоянии, причем выстрел произведен с левой стороны и пуля, пробив подушку и одну из находившихся в последней книг, осколком произвела ранение правого соска; по-видимому, рана эта нанесена была на месте нахождения подушки; после этого, выстрелом из того же оружия, на значительном расстоянии была нанесена вторая рана — в голову. Пуля вошла с левой стороны в лобную кость и вышла через пролом правой теменной кости, обусловив нарушение кости черепа, обширное повреждение вещества головного мозга и его оболочек, от каковых повреждений последовала смерть. Первая рана является легкой, вторая — тяжелой.

Через опрос красногвардейцев, сопровождавших гражданина Ардашева из следственной комиссии в тюрьму, установлено следующее.

За цирком, на Верх-Исетской площади, в то время, когда один из красногвардейцев остановился закручивать папиросу, гражданин Ардашев от второго красногвардейца побежал, на предложение остановиться Ардашев не обращал внимания. Видя это, было дано в воздух два предупредительных выстрела, но и тогда он не остановился, а после вторичного окрика: «Стой, буду стрелять» — еще сильнее побежал. Из опасения, что Ардашев убежит, красногвардеец выстрелил в него и после второго выстрела убил.

Дознание по этому делу производится, и весь полученный материал будет опубликован¹².

Об этом довожу до сведения граждан.

Областной комиссар юстиции *И. Голощекин*

Секретарь *Калинкин*

№ 9

**Заявление бюро Екатеринбургской организации
Российской социал-демократической рабочей партии
(меньшевиков) и Екатеринбургского комитета партии
социалистов-революционеров в Исполнительный комитет
Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов**

[Не ранее 18 января 1918 г.]

В Исполнительный Комитет Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Бюро Екатеринбургской организации социал-демократов меньшевиков в заседании 16 января с.г., обсудив вопрос об убийстве в г. Екатеринбурге представителя партии народной свободы гр. Ардашева во время следования его под конвоем в тюрьму, постановило: обратиться к Исполнительному Комитету Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов со следующим заявлением:

1. Ввиду того, что убитый является членом политической партии, враждебной партиям социал-демократов большевиков и левых социал-революционеров, ныне находящимся у власти, бюро социал-демократов меньшевиков постановляет, в целях всестороннего беспрепятственного расследования дела об убийстве гр. Ардашева, а также в целях снятия подозрения в возможности в данном случае намеренного политического убийства, — на создании специальной следственной комиссии из представителей с одной стороны Совета, с другой — всех существующих в г. Екатеринбурге политических партий, именно: 1) партии народной свободы; 2) народных социалистов; 3) социалистов-революционеров центра и социал-демократов меньшевиков (за исключением правительственных партий, которые будут представлены Советом) на партийных началах, а также представителя Городского самоуправления.

2. Означенной комиссии должно быть предоставлено право нового медицинского освидетельствования трупа убитого через комиссию врачей, если произведенного уже освидетельствования через врача Упорова окажется недостаточным.

3. До выяснения вопроса о том, необходимо ли новое освидетельствование, похороны убитого должны быть приостановлены.

4. Бюро настаивает на сформировании такой комиссии в экстренном порядке с тем, чтобы комиссия приступила к работе не позднее 18 января с.г.

Копия настоящего заявления сообщена указанным в пункте 1-м партиям и учреждениям 18 января 1918 года.

За председателя^а

В Екатеринбургский комитет партии социал-революционеров (центра).

Препроводя настоящую копию бюро, ввиду настоятельной необходимости подробно и беспристрастно расследовать обстоятельства, при

^а Подпись неразборчива.

которых был убит гр. Ардашев, просит присоединиться к настоящему заявлению и со своей стороны потребовать создания указанной выше комиссии.

За председателя^а

За секретаря^а

Всецело присоединяясь к заявлению партии социал-демократов-меньшевиков, комитет Екатеринбургской организации партии с.-р. делегирует для участия в комиссии¹³ по расследованию дела об убийстве гражданина Ардашева товарища Михаила Антоновича Колосова.

За председателя комитета *Ерухимович*

За секретаря *Осколков*

ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 216. Л. 2. Заверенная копия.

№ 10

Постановление следственной комиссии Революционного трибунала Екатеринбургского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о прекращении дела В.А.Ардашева и В.Я.Бахтеева¹⁴ по обвинению их в контрреволюционной деятельности

№ 35, 2/60

[Вторая половина января или февраль 1918 г.]

Об арестованных Верхотурским С[оветом] Р[абочих,] С[олдатских] и К[рестьянских] Д[епутатов] Викторе Алексеевиче^б Ардашеве и Владими́ре Яковлевиче Бахтееве. Начало 15 января 1918 г. Дело на 32 л.

№ 148. Старшему врачу Ека[теринбургской] город[ской] больницы о выдаче трупа В.А.Ардашева для предания земле, брату его Г.А.Ардашеву¹⁵.

№ 137. О заключении в тюрьму В.А.Ардашева, обвиняемого в контрреволюции, впредь до особого распоряжения комиссии.

Протокол о том, что В.А.Ардашев убит конвоиром, от которого во время препровождения его в тюрьму бежал.

Протокол следств[енной] комиссии Сов[етов] Рабоч[их] и Солд[атских] депутатов о дознании убитого В.А.Ардашева, который бежал во время препровождения его в тюрьму.

Протокол судебно-медицинского осмотра трупа В.А.Ардашева доктором Упоровым и [председателем] След[ственной] Комисс[ии] Екат[еринбургского] Сов[ета] Рабоч[их] и Солдат[ских] депутатов гр. Юровским¹⁶ при понятых.

№ 207. Протокол дознания конвоира Плаксина, который убил В.А.Ардашева.

^а Подпись неразборчива.

^б Так в тексте. Правильно: Александровиче.

Уездный Исполнительный Комитет постановил В.Я.Бахтеева и В.А.Ардашева арестовать и отправить под охраной в г. Екатеринбург в тюрьму за то, что по городу и уезду было распубликовано объявление от 9-го января с.г. ко всем служащим Верх[отурского] уезда от Верхотурского стачечного к[омите]та за подписями предс[едателя] к[омите]та В.Я.Бахтеева и тов. пред[седателя] В.А.Ардашева.

Дополнительный акт сданных вещественных доказательств нотариусу Ардашеву после убийства брата его Виктора Ардашева.

Постановление о прекращении дела В.Я.Бахтеева и В.А.Ардашева, первого по степени виновности комиссия ниоткуда материала извлечь не могла, второй уже был убит за побег, потому комиссия определила дело «Бахтеева и Ардашева прекратить».

ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 702. Л. 2—4. Копия.

№ 11

Из воспоминаний бывшего председателя следственной комиссии Революционного трибунала при Екатеринбургском Совете, заместителя Уральской облЧК Я.М.Юровского

Нужно сказать, что наряду с роспуском солдат по домам, мы организовывали отдельные части из бывших солдат. Так из конского запаса мы организовали свой конный отряд, во главе которого имели неосторожность в качестве командира поставить прапорщика Ардашева, сына нотариуса Александра Ардашева. Кстати сказать, племянника Ленина по линии матери¹⁷. Примерно в мае, мы имели в Екатеринбурге восстание фронтовиков, они явились и тогда уже организованный военный комиссариат по организации красной армии, согласно декрета об этом, их раскусили и оружие им разумеется не дали, тогда они устроили восстание, подбив и отсталую часть рабочих В.-Исетского завода, увязав это дело с вывозом ценностей банков из Екатеринбурга. Здесь же, в Екатеринбурге, когда я вернулся с вокзала, через полчаса примерно, в В.-Исетском шло восстание, которое, насколько помню, продолжалось около 3-х суток. Командовал как будто одной из частей, если мне не изменяет [память], поручик Браницкий, участвовала в этом подавлении также, насколько помню, и наша коммунистическая дружина, именовавшаяся тогда ЧОН. Конный отряд под командованием Ардашева перешел на сторону восставших.

...Кстати вспомнил короткий разговор с нотариусом Александром Ардашевым как будто в предиюльские дни. Было это, насколько помню, около его же дома на Главном проспекте, против нового гостиничного двора, кажется, где я очень часто выступал на летучих митингах. Он мне сказал примерно следующее: «Да, Ленина ведь я знаю, он даже мой племянник, человек он несомненно честный и бессребренник, но расстрелять его надо, т.к. он несет несомненное зло России»¹⁸.

ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 28, 30, 31. Подлинник стенографической записи (14 января 1934 г.).

№ 12

**Телеграмма председателя Совета Народных Комиссаров
РСФСР В.И.Ленина заместителю председателя
Исполкома Совета Уральской области Г.И.Сафарову**

*Екатеринбург
2 июля [1918], 21 [ч.] 30 [м.]
Облсовдепу Сафарову*

Прошу расследовать и сообщить мне причины обыска и ареста Ардашевых особенно детей в Перми.

Предсовнаркома Ленин

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6468. Л. 1. Подлинник.

№ 13

**Повторная телеграмма председателя Совета Народных
Комиссаров РСФСР В.И.Ленина заместителю председателя
Исполкома Совета Уральской области Г.И.Сафарову**

*Екатеринбург
3 июля [1918 г.] 11 [ч.] 45 [м.]
Облсовдепу Сафарову*

Поправляю предыдущую мою телеграмму: Ардашевы арестованы [в] Екатеринбурге, а не в Перми.

Предсовнаркома Ленин

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 6480. Л. 1. Подлинник.

№ 14

**Рапорт нотариуса А.А.Ардашева на имя председателя
Екатеринбургского окружного суда**

3 января 1919 г.¹⁹

*Его Превосходительству Господину
Председателю Екатеринбургского Окружного Суда
Екатеринбургского Нотариуса А.А.Ардашева*

Рапорт

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что разрешенным мне отпуском с 4 по 11 января сего 1919 года я не воспользовался.

Нотариус А.А.Ардашев

ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2428. Л. 145. Подлинник.

№ 15

**Запрос заместителя директора Института
марксизма-ленинизма Н.В.Матковского заведующему
Партийным архивом Свердловского обкома КПСС
Л.П.Грязнову о личности Г.В.Курзеновой-Ардашевой²⁰**

2 октября 1961 г.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК Коммунистической партии Советского Союза,
г. Москва, И-256, 3-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Тел. И 3-27-70
№ 1423

Заведующему Свердловским партийным
архивом обкома КПСС тов. Грязнову Л.П.

В Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС поступило письмо тов. Курзеновой-Ардашевой Г.В. с просьбой сообщить, имеются ли документы В.И.Ленина, характеризующие его заботу о семье Ардашевых.

Просим Вас связаться с тов. Курзеновой и выяснить:

- 1) На какой предмет нужны такие сведения.
- 2) Родословное отношение ее к В.И.Ленину.
- 3) Какова судьба Ардашевых в первые и последующие годы Советской власти.

Адрес т. Курзеновой Г.В.:

Свердловск, ул. Пушкинская, д. 8, кв. 9.

Зам. директора Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Н.Матковский

ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 858. Л. 1. Подлинник.

№ 16

**Ответ заведующего архивом Свердловского обкома
КПСС Л.П.Грязнова заместителю директора Института
марксизма-ленинизма Н.В.Матковскому на его запрос**

18 ноября 1961 г.

Коммунистическая партия Советского Союза.
Свердловский обком КПСС. Партийный архив 18.XI.1961 г.
№ 663. Свердловск, ул. К.Либкнехта, 49

*Заместителю директора Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС тов. Матковскому Н.В.на № 1423 от 2/XI-1961 г.*

Сообщаю Вам, что Курзенева-Ардашева Г.В. запрашивала ЦПА о документах В.И.Ленина, свидетельствующих о проявлении его заботы о

семье Ардашевых, на предмет выяснения — имеют ли Ардашевы, как родственники В.И.Ленина, право на персональную пенсию.

Отец Г.В.Курзеновой Виктор Александрович Ардашев — двоюродный брат Владимира Ильича Ленина по линии матери.

Мать Виктора Александровича Любовь Александровна Ардашева-Пономарева, урожденная Бланк, — родная сестра Марии Александровны Ульяновой.

Галли Викторовна Курзенева-Ардашева, 1909 года рождения, беспартийная, имеет трудовой стаж 18 с половиной лет. Работала закройщицей в ателье г. Свердловска. Из-за болезни (полиартрит, деформирующий спондилез, склероз сердца и сосудов головного мозга) вынуждена была оставить работу. Ей назначена пенсия в размере 24 рублей в месяц. Муж Галли Викторовны Курзенов В.И. тоже пенсионер, получает 70 рублей в месяц. Их единственный сын Борис Владимирович имеет свою семью (жена, двое детей) и живет отдельно от родителей.

Кроме Галли Викторовны в Свердловске проживают еще две дочери Виктора Александровича Ардашева. Маргарита Викторовна Ардашева-Шушпанова, 1908 года рождения, домашняя хозяйка. Состав ее семьи: муж Шушпанов И.А., 1906 года рождения, инженер-строитель треста «Уралтяжтрубстрой». В ближайшее время переходит на пенсию; сын Владимир, 1934 года рождения, имеет свою семью из 3-х человек; сын Сергей, 1938 года рождения, женат, работает слесарем в Горгазе и учится на 4 курсе вечернего отделения Строительного техникума; сын Александр — слесарь-фрезеровщик на номерном заводе, учится в 8-м классе вечерней школы. Адрес Маргариты Викторовны Ардашевой-Шушпановой: г. Свердловск, ул. Маяковского, 11.

Тамара Викторовна Ардашева, 1907 года рождения, имеет трудовой стаж 27 лет. Работала фотографом и художником-ретушером. С февраля 1962 года переходит на пенсию. Ее муж Н.Е.Волков погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Сын Евгений Николаевич Волков имеет свою семью (жена и ребенок), живет отдельно от матери. Адрес Тамары Викторовны Ардашевой: г. Свердловск, ул. Коперника, 10.

В декабре 1960 года в Свердловск с целью выявления родственников В.И.Ленина приезжал, видимо, по поручению ИМЛ, Г.Е.Хаит, которому были переданы подлинные фотографии семьи Ардашевых.

У Ардашевых имеется письмо Вашего заместителя Р.А.Лаврова от 26 мая 1961 года за № 757, в котором он благодарит за присланные фотографии и сообщает, что посылает копии имеющихся в ИМЛ фотографий Ардашевых.

В последние годы Г.Е.Хаитом опубликовано несколько сообщений о семье Ульяновых и их родственниках (см., в частности, журналы «Новый мир» № 1 за 1957 год, «Уральский следопыт» № 4 за 1960 год).

Заведующий партархивом
Свердловского обкома КПСС
Грязнов

№ 17

**Архивные данные об Ардашевых, сообщенные начальником
Государственного архива Свердловской области В.А.Сивковым
заведующему Партийным архивом Свердловского обкома КПСС**

Л.П.Грязнову по его запросу

№ ис 145

11 декабря 1961 г.

Заведующему партийным архивом
Свердловского обкома КПСС тов. Грязнову Л.П.

Согласно Вашей устной просьбе, сообщаем архивные данные о семье Ардашевых:

1. Ардашев Александр Александрович, рождения 1863 года, уроженец гор. Перми, окончил физико-математический факультет Казанского Университета. В 1888—1893 годах был мировым судьей 3 и 5 участков Екатеринбургского Судебного Округа, в 1893—1895 годах являлся судьей гор. Ирбита, в сентябре 1919 года (в период колчаковщины) жил в г. Екатеринбурге, на Главном проспекте, дом № 25²¹. В составе семьи Ардашева А.А., в 1893 году значатся: жена Екатерина Федоровна, рождения 1874 г., сын Юрий, рожд. 1894 года.

2. Ардашев Дмитрий Александрович, рожд. 1865 года, урож. гор. Перми, в 1897—1913 годах жил в г. Екатеринбурге, где имел два дома, являлся членом Екатеринбургской городской управы, в марте 1913 года назначался нотариусом гор. Шадринска, где 31 марта 1915 года умер. В составе его семьи в 1913 г. значатся сын Николай, рожд. 1897 года, и дочь Любовь, рожд. 1896 года. В 1913 году с первой женой Ардашев Д.А. был разведен (имя ее в документах нет) и подавал прошения на вступление во второй брак с Шадринской мешанкой Ниной Никитичной Ночвиной.

3. Ардашев Владимир Александрович, рожд. 1870 года, урож. гор. Перми, окончил Юридический факультет Петербургского университета, в 1893—1911 годах. Занимал судебные должности в гор. Верхотурье, Камышлове, Екатеринбурге (судебного следователя, товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда), 12/XII-1911 года умер. В составе его семьи в 1911 году значатся: жена Мария Алексеевна, рожд. 1882 года, урожденная Скачкова, родилась в г. Красноярске, дочери: Ольга, рожд. 1908 года, и Лидия, рожд. 1910 года.

4. Ардашев Федор Александрович, служил врачом села Усоля, Пермской губернии, умер 21 мая 1892 года от сыпного тифа.

Все вышеуказанные Ардашевы: Александр Александрович, Дмитрий Александрович, Владимир Александрович и Федор Александрович являлись родными братьями. Родители их: отец Ардашев Александр Федорович, надворный советник и мать — Любовь Александровна, в 1890 годах

имели мельницу и 1200 десятин земли и Лапшевском^а уезде, Казанской губернии.

Сведения о Викторе Александровиче Ардашеве будут дополнительно выявляться по составу фондов Облгосархива, о чем Вам будет сообщено.

Начальник Государственного архива
Свердловской области
В. Сивков

ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 858. Л. 34. Подлинник.

№ 18

**Дополнительные сведения о двоюродных братьях
В.И.Ленина (Ульянова) — Александре, Дмитрие, Владимире,
Федоре и их родителях — Александре Федоровиче
и Любви Александровне Ардашевых**

№ 663

13 декабря 1961 г.

*Заместителю директора Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
тов. Матковскому Н.В.
на № 1423 от 2/XI-1961 г.*

В дополнение к нашему письму № 663 от 18 ноября 1961 года сообщаем некоторые данные о семье Ардашевых.

По материалам Государственного архива Свердловской области установлено:

1. Ардашев Александр Александрович, рождения 1863 года, уроженец гор. Перми, окончил физико-математический факультет Казанского Университета. В 1888—1893 годах был мировым судьей 3 и 5 участков Екатеринбургского Судебного округа, в 1893—1895 годах являлся судьей гор. Ирбита, позднее жил в г. Екатеринбурге, на Главном проспекте, дом № 25.

2. Ардашев Дмитрий Александрович, рожд. 1865, урож. гор. Перми, в 1897—1913 годах жил в г. Екатеринбурге, где имел два дома, являлся членом Екатеринбургской городской управы, в марте 1913 года назначался нотариусом гор. Шадринска, где 31 марта 1915 года умер.

3. Ардашев Владимир Александрович, рожд. 1870 года, урож. г. Перми, окончил Юридический факультет Петербургского университета, в 1893—1911 годах занимал судебные должности в гор. Верхотурье, Камышлове, Екатеринбурге (судебного следователя, товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда), 12/XII-1911 года умер.

4. Ардашев Федор Александрович, служил врачом в селе Усолья, Пермской губернии, умер 21 мая 1892 года от сыпного тифа.

^а Так в тексте. Правильно: Лаишевском.

5. Ардашев Виктор Александрович до Октябрьской революции и первые месяцы после революции жил в гор. Верхотурье, Пермской губернии, занимал судебную должность.

По материалам партийного архива в январе 1918 года Ардашев В.А., как товарищ председателя стачечного комитета служащих Верхотурского уезда, был арестован в г. Верхотурье и препровожден в Екатеринбургскую тюрьму. В г. Екатеринбурге был убит при попытке к бегству сопровождавшим его конвоиром.

Все вышеуказанные Ардашевы: Александр Александрович, Дмитрий Александрович, Владимир Александрович и Виктор Александрович являлись родными братьями. Родители их: отец — Ардашев Александр Федорович, надворный советник, и мать — Любовь Александровна, в 1890 годах имели мельницу и 1200 десятин земли в Лаишевском уезде Казанской губернии.

Зав. партархивом Свердловского
обкома КПСС *Грязнов*

ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 858. Отпуск.

№ 19

**Благодарственное письмо Г.В.Курзеновой-Ардашевой
заведующему Партийным архивом Свердловского обкома КПСС
Л.П.Грязнову за помощь в виде предоставления ее семье новой,
благоустроенной квартиры как родственникам В.И.Ленина**

24 февраля 1964 г.

Уважаемый Леонид Петрович!

Благодарю Вас за содействие, мы переехали на новую квартиру. Юго-западный район, ул. Тунгусская, 20, кв. 10, второй этаж, квартира двухкомнатная.

Далеко от центра и нет телефона, но ничего, привыкнем.

Может быть когда-нибудь зайдете к нам, с Елизаветой Ивановной. Буду очень рада.

С приветом

Галли Ардашева

ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 858. Л. 19. Подлинник.

Примечания

¹ Выпускникам, успешно окончившим университет, после сдачи экзамена по специальной программе и публичной защиты диссертации присуждалась степень кандидата соответствующих наук. В 1884 г. университетский устав упразднил ее, оставив только степени магистра и доктора наук.

² Нотариусы работали под контролем окружных судов, но жалования от них не получали, жили за счет своих заработков. Екатеринбургский окружной суд находился в ведении Казанской судебной палаты. Он был сформирован в 1874 г., заменен советским областным «народным» судом 7 марта 1918 г.

³ Имеется в виду имение Кокушкино, близ деревни одноименного названия (ныне Ленино-Кокушкино, Республика Татарстан).

⁴ А.А.Ардашев не отработал в учебных заведениях должного срока по обязательствам Министерству народного просвещения (по 1,5 года за год обучения в университете в течение 5 лет). Перешел на юридическую (судебную) должность 26-ти лет.

⁵ Ирбит — в прошлом уездный, ныне районный центр Свердловской области.

⁶ 7 июля 1898 г. А.А.Ардашев Казанской судебной палатой был утвержден в «звании Директора отделения тюремного комитета». Это и объясняет факт награждения его в 1905 г. по тюремному ведомству. И тогда он продолжал работать нотариусом.

⁷ При рождении сын А.А.Ардашева был назван Георгием. В то время было принято употреблять это имя и иначе — «Юрий», «Егорий». Поэтому в документах он записан как Юрий.

⁸ *Ардашева Л.Д.* — дочь Дмитрия Александровича Ардашева, нотариуса. Ей был 21 год. Она имела или специальное юридическое образование, или соответствующую практику.

⁹ Некоторые авторы публикаций утверждают, что А.А.Ардашев во время убийства брата Виктора находился дома, в Екатеринбурге, — это неверно. Ардашеву был предоставлен отпуск на 2 месяца, и в день убийства он был в отпуске, в Петрограде.

¹⁰ *Голощекин И.И.* (1876—1941) — лидер уральских большевиков (в рассматриваемое время — председатель Уральского обкома партии). Член ВЦИК, член Президиума Исполкома облсовета, облкомиссар юстиции. Он руководил формированием судебных, чекистских и карательных органов. С февраля 1918 г. стал военным комиссаром Урала, а затем и комиссаром военного округа.

¹¹ Комиссия была составлена из членов большевистской партии, занимавших должности в карательно-юридической системе.

¹² Помимо данного сообщения И.И.Голощекина никакого иного в печати не появилось.

¹³ Новую следственную комиссию по делу об убийстве В.А.Ардашева уральские областные или городские советские органы власти не создавали. Заявление небольшевистских партийных органов было проигнорировано.

¹⁴ *Бахтеев Владимир Яковлевич* — после отступления советских войск из Екатеринбурга стал председателем Екатеринбургского комитета партии народных социалистов, работал присяжным поверенным, играл заметную роль в общественной жизни Среднего Урала. В дальнейшем жил в Москве, занимал высокие юридические должности в советском аппарате.

¹⁵ Данный документ — один из немногих, свидетельствует о существовании 6-го брата (кроме называвших в литературе 5-ти других), о его пребывании в 1918 г. в Екатеринбурге.

¹⁶ *Юровский Яков Михайлович (Янкель Хаимович)* — председатель следственной комиссии при Екатеринбургском трибунале. Кроме того, он занимал должности заместителя председателя облЧК, заместителя комиссара юстиции, заместителя областного военного комиссара. С июля 1918 г. — комендант Дома особого назначения, в котором содержались под арестом царская семья со слугами и врачом.

¹⁷ Неясно, кого имел в виду Я.М.Юровский как «племянника» В.И.Ленина: А.А.Ардашева или его сына — Г.А.Ардашева. Первый был двоюродным братом Ленина, а второй — племянником, только тоже двоюродным.

¹⁸ Память Юровскому во многом изменяла. Восстание в Екатеринбурге, с участием 2-го эскадрона Г.А.Ардашева, произошло не в мае и длилось не трое

суток, а 10—11 июня, около двух суток. Эскадрон не имел оружия. В подавлении восстания действительно участвовал прибывший из Оренбуржья командир 1-го Уральского полка бывший офицер П.П.Браницкий. Войска ЧОН (части особого назначения) были введены гораздо позднее — 17 апреля 1919 г. Речь должна идти о коммунистической дружине, развернутой в дальнейшем в стрелковый полк им. И.М.Малышева.

¹⁹ Из документа следует, что в 1918 г. А.А.Ардашев находился в Екатеринбурге (при «белых»), вопреки существующему мнению об его отъезде.

²⁰ Г.В.Курзенева (по мужу), вторая из трех дочерей покойного В.А.Ардашева, имела редкое имя «Галли». Некоторые авторы в публикациях называют ее Галиной.

²¹ Информация о том, что А.А.Ардашев жил в доме № 25 по Главному проспекту (в дальнейшем — пр. Ленина) неверна. Дом принадлежал семье Логиновых. Ардашев у них снимал в аренду лишь часть помещений. Сам же с семьей жил в собственном доме. На балконе дома Логиновых многие годы висела большая, броская вывеска: «Нотариус Ардашев».

«ТЕПЕРЬ МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ ПЕРИОД РЕВИЗИИ ПЛЕХАНОВА»

Р.М.Плеханова об очерке А.М.Горького «В.И.Ленин».
Начало 1930-х гг.

В фонде Р.М.Плехановой, хранящемся в секторе Дом Плеханова РНБ, есть три документа, посвященных знакомству и кратким дружеским связям выдающегося русского философа и революционера, писателя и литературного критика Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918) и известного русского писателя Алексея Максимовича Горького. Они имеют общее название — «Италия и Горький» — и совокупно дают представление о генезисе текста статьи, над которой работала Розалия Марковна. Появление этих материалов следует отнести к 1932—1933 гг. Именно тогда, на рубеже 20—30-х гг., в связи с изменением внутривполитического курса страны, означавшим также и смену действовавших в период нэпа *тактических* идеологических установок партии, в научной литературе и публицистике стали появляться работы, направленные на борьбу с различного рода «уклонами», «ошибками», «неоправданной апологетикой» и т.д. Это, безусловно, не могло не коснуться теоретического наследия Г.В.Плеханова, произведения которого, как и литература о нем, широко издавались в нашей стране с начала двадцатых годов (в качестве примера достаточно отметить, что публикация «Сочинений» Плеханова (1923—1929) шла одновременно тремя тиражами; тогда же появилась первая биография Георгия Валентиновича и более 300 статей, предметом рассмотрения которых были его философские воззрения и революционная деятельность). Как следствие указанных перемен, наметившееся к середине 20-х гг. в отечественной историографии направление — конкретно-исторический анализ творчества и деятельности Плеханова — было искусственно прервано. Одновременно в плехановедении стали преобладать тенденции, основанные на отрицании вклада Плеханова в развитие общественной мысли и теории марксизма, противопоставлении Ленина Плеханову в области философии и политики, противопоставлении их личных качеств.

В какой-то мере оказался подверженным общему настроению и А.М.Горький, воспронизведший в очерке «В.И.Ленин» свои встречи с Г.В.Плехановым в 1907 и 1913 гг. Личность Плеханова, каким его представил Горький, — человека высокомерного, не стесняющего себя особыми манерами в обращении с «простыми смертными», — выглядит особенно непривлекательно на фоне дружеской расположенности к людям и открытости Ленина.

Наследники Георгия Валентиновича, незадолго до этого передавшие архив и личную библиотеку Плеханова в дар Советскому Союзу и принимавшие деятельное участие в культурной и просветительской жизни страны, тяжело переживали разворачивавшуюся в стране кампанию. В один из таких горьких моментов Розалия Марковна писала давнему другу семье Л.И.Аксельрод: «Работаю много. Если бы не одиночество моральное, я чувствовала бы себя хорошо. Одно время меня крайне волновали грубые выходки «не помнящих родства» по отношению к памяти Ж[оржа], но теперь я стараюсь отнестись к этим выпадам как к чему-то ненормальному, временному и стараюсь не реагировать на них. Это немного трудно, но

надеюсь восторжествовать над страданиями, которые мне причиняет разгул плехановских критиков»¹. В центральной печати иногда появлялись статьи Плехановой, когда, по ее собственному выражению, она была «не в силах больше молчать» и делала «вынужденные заявления» (так назывались некоторые из газетных и готовившихся к печати откликов). Входил, вероятно, в ее планы и открытый ответ А.М.Горькому.

Первый вариант статьи «Италия и Горький» был написан Розалией Марковной, что называется «по горячим следам», т.е. сразу по прочтении книги Алексея Максимовича. Перемежающийся вставками набросок, выполненный карандашом и частично чернилами, оставляет впечатление работы, сделанной на одном дыхании². События, представленные в очерке Горького, Розалией Марковной даются в ином ракурсе и приобретают совершенно иное звучание: встреча супругов Плехановых с соотечественником А.М.Горьким названа *апофеозом* долгожданной и предпринятой по совершенно иному поводу поездки по Италии. Поездки, пережитой ими, как явствует из мемуаров, очень эмоционально. Впечатление от воодушевившего Плехановых знакомства и завязавшейся дружбы с любимым писателем, зафиксированное Розалией Марковной в воспоминаниях почти двадцать лет спустя, не утратило яркости и глубины даже после чтения реминисценций Горького.

Машинописная копия с авторской правкой³ была вновь дополнена вставками, выполненными чернилами в тетради № 3⁴. Их текст, совпадающий по смыслу с теми, что присутствуют в карандашном наброске, расширен за счет включения некоторых изменений и уточнений, введенных примечаний и ссылок. Судя по характеру вносившихся поправок, наряду с «оригиналом» (так Розалия Марковна назвала карандашный набросок) и машинописной копией, они предназначались для окончательного варианта работы. Однако статья осталась незавершенной.

Причиной могло явиться нежелание осложнять непросто протекавшие переговоры с Государственным издательством о публикации сборников «Литературного наследия Плеханова» (Сб. I—VIII. М., 1934—1940). Процесс шел весьма напряженно, и какое-то время Розалия Марковна размышляла над тем, чтобы осуществить свой замысел во Франции. Более того, ею были предприняты в этом направлении некоторые шаги⁵.

Однако к концу 1933 г. был отредактирован А.В.Луначарским и подготовлен к печати первый том «Литературного наследия Плеханова». Самостоятельный раздел сборника составила корреспонденция Г.В.Плеханова и Л.И.Аксельрод за 1898—1903 гг. В шестой сборник (1938 г.) вошла переписка Г.В.Плеханова и А.М.Горького. Хотя, как следует из текста неоконченной статьи «Италия и Горький», письма Алексея Максимовича первоначально предназначались для опубликования именно в ней. Что же заставило Р.М.Плеханову изменить планы?

В уже цитированном письме к Любви Исаковне Аксельрод Розалия Марковна отмечала, что противостоять и бороться с оскорблением памяти Плеханова необходимо теми средствами, которые находятся в руках его друзей и соратников

¹ РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 17об.

² Там же. Тетрадь № 2. Л. 22—39.

³ Там же. Ед. хр. 33. Л. 1—18.

⁴ Там же. Ед. хр. 53. Л. 2, 4—7.

⁵ 14 ноября 1933 г. Р.М.Плеханова подала в соответствующие инстанции заявление о разрешении на вывоз во Францию ряда документов и книг, необходимых для работы над литературным наследием Г.В.Плеханова (См.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 467—468).

по революционной борьбе. Организовав издание сборников документов из архива Дома Плеханова, можно *предоставить возможность понять и оценить благородство идей и целей, гуманистический смысл общественно-политической деятельности Г.В.Плеханова* (и не только его одного) самому широкому кругу читателей. Именно здесь, по ее мнению, и следовало сконцентрировать совместные усилия. В письме содержится просьба разрешить опубликовать переписку Л.И.Аксельрод и Г.В.Плеханова в готовившихся книгах⁶. Таким образом, и появление писем А.М.Горького в специальном издании — в «Литературном наследии Плеханова», — в едином ряду корреспондентов Плеханова, таких, как В.А.Венгеров и В.В.Водовозов, Н.А.Герцен и П.Л.Лавров, В.Либкнехт и К.Каутский, В.И.Ленин и Э.Маркс-Эвелинг и др., приобретало *общественное значение*.

Решение этой (частной, если иметь в виду только Плеханова) задачи позволяло постепенно осуществлять ту, главную, цель, ради которой Дом Плеханова создавался — *просвещение и воспитание народных масс* на примере жизни и деятельности их лучших представителей. Нужно отметить, что Розалия Марковна не ошиблась в своих предположениях: все издаваемые Домом Плеханова материалы очень скоро становились библиографическим раритетом, а читатели (служащие, студенты и рабочие) забрасывали издательства письмами с просьбой об их переиздании. Последнее положение не страдает преувеличением: в центральных газетах 30-х гг. эти письма-требования были совсем не редкость.

Документ печатается по авторизованной машинописи (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 33), с учетом сделанных Р.М.Плехановой в тетрадях (Там же. Ед. хр. 52. и 53) уточнений, в соответствии с нормами современного русского языка. Авторские примечания заключены в круглые скобки. В квадратных скобках обозначены не поддающиеся прочтению слова, включены отрывки, которые по каким-то причинам были зачеркнуты автором и могли бы и не войти в окончательный авторский текст, но представляют интерес именно в связи с поднимавшимися в очерке А.М.Горького вопросами.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Т.И.ФИЛИМОНОВА.

Р.М.Плеханова

Италия и Горький

Зиму 1913 года мы с Георгием Валентиновичем провели в Сан-Ремо, как и предыдущие, начиная с 1909 г. Георгий Валентинович много работал, что называется, не покладая рук, заканчивая свое введение к «Истории общественной мысли», выступил с рядом статей в петербургской «Правде», борясь с ликвидаторами, в «Современном мире» (в статье «О том, что есть в романе «То, чего не было», «Чернышевский в Сибири», «Французский утопический социализм в XIX столетии») и т.д. Здоровье его, очень поправившееся за первые годы нашего пребывания в Сан-Ремо, опять пошатнулось. Ранней весной, в апреле месяце, он заболел сильной крапивной лихорадкой, с ^т⁰, доходившей до 40 и больше. Лихорадка эта, которая, по моему мнению и мнению приглашенной мною на консилиум местной итальянской знаменитости, явилась следствием нервного переутомления, очень изнурила Георгия Валентиновича. Хотя принятые энергичные меры не дали ей долго длиться или пе-

⁶ РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 19—19об.

рейти в хроническое состояние, как только лихорадка его покинула, Георгий Валентинович, по моему настоянию, покинул берег моря и на время поднялся в горную долину над Сан-Ремо, на высоту 400 метров над уровнем моря; ему надо было отдохнуть от моря. Две недели спустя он вернулся совершенно оправившимся.

Обыкновенно мы в конце мая возвращались в Женеву, где я принималась за медицинскую практику среди ждавших меня верных клиентов, а Плеханов, решительно отклонявший совет поехать в Швейцарские горы, продолжал свою работу. Любимым местом прогулок в свободные минуты был для него сад «*Ariana*», расположенный на левом берегу Женевского озера. В этом саду, мало посещавшимся по утрам, он наметил себе укромное местечко в тени раскидистого дуба. Там он читал, делал отметки, составлял план той или другой статьи. Я его сопровождала в свободные от приемов и визитов часы. Голубая лазурь Женевского озера, снежные вершины Монблана, воздух, пропитанный ароматом деревьев, — все это нас успокаивало после возбуждающего, как шампанское, берега Средиземного моря.

На этот раз, в 1913 г., мы этого сделать не могли. В санатории моей, на вилле «*Le Repos*»¹, вводилось центральное отопление, и я не могла покинуть Сан-Ремо раньше середины июля. Русские больные тоже не спешили на родину или в Швейцарию, куда они всегда переезжали после зимнего сезона. Георгий Валентинович без меня не хотел уезжать в Женеву. Мы решили ждать, пока закончится работа, а когда она закончилась (это было в средних числах июня), мы с Георгием Валентиновичем решили отдохнуть и, по его предложению, поехали в Рим и Неаполь: «Я хочу тебе показать Помпеи. Ты увидишь, какой это сказочный город». Я давно мечтала об этой поездке и легко дала себя уговорить.

К середине июня, когда работы на вилле «*Vittoria II*» были почти закончены, мы, оставив санаторию на попечение швейцарки директрисы и сестер милосердия, отправились в Рим. Рано утром, часов в 7, мы прибыли в вечный город. С вокзала мы прямо отправились на площадь Св. Петра, чтобы еще раз полюбоваться на этот чудный памятник римской архитектуры эпохи Возрождения.

Я видела уже собор Св. Петра в 1906 г., в первую мою поездку в Рим, но этим утром, при низко стоящем солнце, лучи которого любовно озаряли храм, величие и гармония его меня поразила больше, чем в первый раз. Георгий Валентинович, несмотря на утомление от дороги, сиял от восторга. Я на этот раз, как и прежде, каждый раз, когда мы посещали с ним итальянские города с их несравненными богатствами в мире искусства, поразила его почти волшебной перемене: усталость пропала с его лица, глаза загорелись особым блеском, вся фигура его дышала любовью и энтузиазмом. [Те, которые не видели Плеханова в эти моменты, не знают Плеханова. Его большие знания, его глубокое чутье делали его несравненным чичероне^а, и я с дочерьми, как и все те, которые имели сча-

^а Чичероне (ит. *сесегоне*) — проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей музеев и т.п.

стье быть с ним в этот момент, переживали самые глубокие художественные минуты — вставка, зачеркнутая Р.М. — Публ.]

Долго мы оставались, очарованные на площади, потом направились к самому собору. По широкой лестнице перед входом поднимались на коленях несколько женщин-крестьянок, в ярких платках на головах. В соборе было несколько групп молящихся; мы обратили внимание на группу монахов, которые перебрасывались фразами на польском языке. Мы обошли собор, остановились перед гробницей Кавура², полюбовались на «Pieta» Микеланджело³ и двинулись на поиски дешевой гостиницы, чтобы отдохнуть, переодеться и двинуться на Форум. В Риме мы могли остаться только два дня. Главной целью настоящей поездки был Неаполь. Но нельзя покинуть Рим, не побывавши на Форуме, не пробежав музей Ватикана, не поклонившись шедеврам Рафаэля в его Станцах и Лоджиях⁴, не простояв хоть некоторого времени в раздумье перед «Последним судом» в Сикстинской Капелле. Все это надо видеть. Иначе нельзя покинуть вечный город. Когда мы еще вернемся сюда? Мы летели как на парах. В 1906 году мы осматривали все эти волшебства Рима долго и систематически. Теперь мы мимолетные гости.

Помечтав на Форуме и осмотревши Ватикан, мы поспешили в Неаполь, куда приехали рано, в чудное утро, и устроились на берегу Неаполитанского залива в маленьком французском пансионе. Неаполь, в котором я была в первый раз, поразил меня своим светом и звуками. Шум уличных торговцев, треск колес по мостовой, говор толпы — все это складывается вместе и, отразившись в прозрачном воздухе, воспринимается слухом как звучная, оригинальная, дикая гармония. Наш итальянский друг Noratio Raimondo (Горацио Раймондо. Известный социалист, член социалистической фракции в итальянском Парламенте (Montecitorio) говорил нам: «Vous allez `a Rome et `a Naples? Es bien! Vous allez, vois: jusqu' `a Rome c'est l' Europe apre' c'est — l'Afrique! («Вы отправляетесь в Рим и Неаполь? Вы увидите, что до Рима — это Европа, после, за Римом, начинается Африка!»). Некультурно, грязно. Неаполитанская грязь вошла в пословицу.

После этих мрачных предупреждений, я нашла Неаполь относительно чистым, народ симпатичным и вежливым — лучший признак культуры, а когда мы посетили богатый Национальный музей Неаполя, остановившись перед идеалом грации и изящества — Нарциссом и другими шедеврами, я сказала Георгию Валентиновичу, что эта «Африка» своими художественными ценностями не уступит европейскому гению.

Стояли чудные дни. Из окна нашей комнаты во французском пансионе мы любовались несравненным видом на Неаполитанский залив. Синее небо, зеркальная поверхность залива, а вдали перед нашими глазами, окруженный вуалью дымчатого цвета, заманчиво глядел на нас Капри со своими мягкими красивыми контурами. Это была сказка наяву. Очень мне хотелось на Капри. Но мой чичероне любил систему: прежде наука, а потом красота. Мы решили поехать в Помпеи, подняться на Везувий, а Капри оставить, что называется, на закуску.

Небольшой путь между Неаполем и Помпеями представлял глазу зрелище большой красоты. С одной стороны — Везувий, над которым поднимался легкий дымок, пронизанный искорками огня, с другой — Неаполитанский залив расстилал свою зеркальную, голубую ширь, прорезываемую от времени до времени быстро идущими пароходами и развернутыми белыми крыльями рыбацких лодок. Залив временами то прячется от глаз, то опять показывается, а Везувий — не грозный, легкий, грациозный, точно освободившийся от внутреннего напряжения, сопровождает нас до самой Помпеи. Апельсиновые и лимонные рощицы, группки пальм с голыми стволами, но пышными верхушками в форме развернутых зонтиков приглашают вас отдохнуть в их тени.

Мы в Помпее, городе, о котором я мечтала всю свою жизнь. Мы пробыли в нем, рассматривая руины храмов, амфитеатр, Casa dei Vettis музей с утра до вечера. Георгий Валентинович, как всегда во время посещения итальянских городов, был неутомим. Он рано вставал, безжалостно будил меня, предлагая мне, до открытия музеев или до приезда в тот или другой итальянский город, прочитать какое-нибудь произведение об искусстве, с которым нам предстоит познакомиться в этот день. Во время наших странствований по Италии у Георгия Валентиновича был всегда запас книг по истории города, куда мы направлялись. Поездки эти для Георгия Валентиновича были не приятным времяпрепровождением, а школой; он учился с увлечением, со страстью, он увлекал и меня, дочерей своим увлечением и всех, которым выпало счастье иметь Георгия Валентиновича около себя во время странствований по Италии, рассказывали о той пользе, которую выносили из этой близости. В.И.Засулич, Н. И. Иорданский⁵ с восторгом отзывались, говорили мне, что многое в Италии прошло бы для них бесследно, если бы не Георгий Валентинович.

На меня Помпеи произвели двоякое впечатление: как и на римском Форуме, я испытывала чувство грусти: сколько уничтожено культурных ценностей слепыми силами природы, которыми человечество не скоро овладеет; к этому чувству примешивалось восхищение величием и грацией остатков искусства древних греков и римлян, их постройками, улицами, от которых многие из современных городов отстают. Меня утешала мысль о том, что эти ценности не совсем пропали для потомства, так как теперь на эти руины и в римский Форум стекаются массы ученых, архитекторов и инженеров, чтобы изучить тайны постройки их сводов, изучить их цемент, который по своей крепости превосходит современный. Нет! Человеческий гений не пропадает, его приобретения не пропадают и даже в разрушенном виде возбуждают работу исследования. Гений человеческий, вооружившись старым, идет вперед к новым знаниям, к новым открытиям...

Вернулись мы в Неаполь утомленными, но бодрыми. Георгий Валентинович был доволен тем, что показал мне Помпеи. Прочитав свою корреспонденцию, он присел к письменному столу, чтобы ответить на наиболее спешные письма, вскоре улегся. С книгой по раскопкам Пом-

пей он заснул, чтобы на утро встать бодрым и готовым опять пуститься в путь.

Но я запротестовала против его намерения подняться на Везувий. После вчерашнего утомительного дня уговаривала его посидеть спокойно в нашем простеньком, но уютном пансионе, а после завтрака прогуляться по набережной, посмотреть итальянцев, работающих на набережной, в порту. Мы так и порешили. Подъем на Везувий мы отложили на следующий день. Но план наш неожиданно изменился. Вместо Везувия мы двинулись на Капри.

Как-то утром в день отдыха, после посещения Помпеи, к нам в пансион явилась Екатерина Павловна Пешкова⁶ и просила нас приехать к ним на Капри погостить. Алексей Максимович хочет повидать Георгия Валентиновича и познакомиться со мной. Мы не заставили себя просить. Георгия Валентинович, который любил и ценил Алексея Максимовича как художника, рад был случаю с ним встретиться. Я же давно мечтала давно о том, чтобы повидать Горького, певца буревестника, автора «Фомы Гордеева», «Мальвы» и других шедевров. И Капри манил к себе своим таинственным видом! На другой день, сколько мне помнится, 20 или 21 июня, мы двинулись по Неаполитанскому заливу на маленьком парходике к волшебному острову. Погода стояла восхитительная. Залив «смеялся», нежные прозрачные облака покрывали небо, дул ветерок легкий, который умерял зной. Мы наслаждались видом, вдыхали живительный морской воздух и предвкушали встречу с любимым автором. Причалив к берегу, мы наняли лодочника, который нас повез в Голубой Грот, и потом по фуникулеру поднялись к Горькому в его виллу. Отыскать виллу не трудно было, так как итальянцы хорошо знали своего любимца и охотно указывали дорогу, даже карабкались с нами, я помню, по дорожкам между виноградниками.

Алексей Максимович и Екатерина Павловна приняли нас чрезвычайно приветливо, угощали нас как истые русские хлебосолы; когда к вечеру, после долгих бесед, мы заявили, что больше не хотим утомлять хозяев, и просили указать нам гостиницу, где мы могли бы переночевать, Алексей Максимович и Екатерина Павловна решительно воспротивились нашему желанию и уступили нам одну из своих комнат. Беседа на балконе затянулась до поздней ночи. Мы все были под обаянием неаполитанского неба с мириадами блещущих звезд. Контуров гор, соседних с виллой, где жила семья Алексея Максимовича, вырисовывались ясно в прозрачной атмосфере Капри. В течение дня, во время прогулок и за столом во время обеда, и вечером во время чая лилась оживленная беседа, главным образом, между Георгием Валентиновичем и Алексеем Максимовичем об Италии, Неаполе, его художественных богатствах, о нравах итальянцев, социалистическом движении, итальянских социалистических лидерах, и я поражалась начитанности и природному уму писателя-пролетария. Я не присутствовала при всех разговорах Георгия Валентиновича и Алексея Максимовича, так как по предложению Екатерины Павловны мы с ней пошли прогуляться по острову. С Екатериной Павловной я познакомилась в Женеве. Несколько лет перед этим

меня ей представила Кончевская-Шишко⁷. Она сразу очаровала меня своим выразительным лицом и изяществом, которым веяло от всей ее фигуры. Теперь же, когда я наблюдала ее на Капри, мое впечатление еще углубилось... Умное, моментами задумчивое грустное лицо покрывалось очаровательной улыбкой, когда она заговаривала с встречающимися нам на пути итальянцами. Я заметила, какую живую симпатию она вызывает в местном рабочем населении, как глаза загораются у этих наивных детей любовью, когда она обращается к ним с приветливым словом. Екатерина Павловна была очень обеспокоена повышенной температурой Алексея Максимовича, даже настаивала на том, чтобы я его выслушала, прописала ему лекарство для понижения температуры, но Алексей Максимович наотрез отказался от моих медицинских услуг, приняв только один совет: применить к себе вытирание тела раствором соли в водке для понижения ^t⁰ и закалки тела. Как я поняла, он изверился в терапевтике, признавал физическое лечение. Ближайшее будущее показало, что он был прав: лечение под руководством Дос Манухина лучами Рентгена, почти впервые примененное к его процессу, дало поразительные результаты. Во время этой прогулки я была поражена симпатией населения к Горькому и его семье. Итальянцы останавливались, приветливо улыбались Екатерине Павловне, расспрашивали о здоровье сеньора.

Когда мы расстались поздно ночью с любезными хозяевами, Георгий Валентинович рассказал мне, что у него был разговор с Алексеем Максимовичем по поводу его полемической статьи против «богоискателей» и горьковской «Исповеди». Алексей Максимович дружественным тоном сказал Георгию Валентиновичу: «Строго Вы, Георгий Валентинович, отнеслись к моей «Исповеди». Здорово пробрали меня». На что Георгий Валентинович ответил, что, ставя высоко его художественный талант, он считал своей обязанностью восстать против того, что считал вредным в идеологических его взглядах, как социалист. Георгий Валентинович тут же прибавил: «Вы, Алексей Максимович, изменили, бросили свою мистическую точку зрения на задачи человечества и пролетариата. Если да, то развейте Вашу теперешнюю точку зрения, я напишу об этом и отдам должное Вашему теперешнему миросозерцанию».

На это Горький ответил: «Не надо, пусть так!». Был разговор о тактике большевиков и ликвидаторов. К последним он относился с большой неприязнью. Алексей Максимович находился тогда, как нам казалось, в периоде идеологического перелома: он не одобрял большевиков, был решительно против ликвидаторов и, видимо, склонялся к взглядам Георгия Валентиновича.

Было много разговоров у нас о происходившем тогда и волновавшем человечество следствии по делу Бейлиса⁸. Перед нашим отъездом нас в Сан-Ремо посетил известный адвокат Гальперин⁹ и много рассказывал нам об ужасах черносотенных происков, о Чеберячке¹⁰, которую он лично знал и допрашивал. Мы об этих подробностях сообщили Алексею Максимовичу, и он, со своей стороны, рассказывал, расспрашивал нас. По его волнению видно было, что он сильно переживал эту

трагедию, позорную для нашей страны. Позже он нам писал в Сан-Ремо: «Дело Бейлиса натянуло мне нервы так, как не было со мною. Читая отчеты «Киевской мысли», чуть не реву от стыда и со зла и т.д.» (См. письмо от октября 1913). Об оправдании Бейлиса Горький известил нас телеграммой. Телеграмма эта получилась в первых числах ноября, утром, когда больные санатории были еще в своих комнатах. Эта бумажка переходила из комнаты в комнату, из рук в руки. Санатория была охвачена чувством счастья высокого, проливались слезы радости. Натянутые отношения, которые установились между христианскими и еврейскими элементами среди больных, сразу выродились^а в дружеские. Пошли объятия, прервавшаяся дружба восстановилась. Словом, телеграмма Алексея Максимовича внесла незабываемые моменты в наш «Дом страждущих». Скоро пришла телеграмма и от Гальперина, но телеграмма Горького пришла «первая»^а.

Был разговор также относительно последних достижений науки в области естествознания и техники, за которыми Плеханов всегда следил с большим интересом, и мы с Георгием Валентиновичем были очень поражены уму и сведениям Алексея Максимовича и в этой области. Мы не знали Горького, для нас это было откровением.

Переночевали мы на вилле, которую занимал Горький и его семья. На другой день любезные хозяева устроили для нас экскурсию на гору, к развалинам дворца Тиберия¹¹. Нас хозяева усадили на ослов, а сами шли рядом с нами пешком. Не доходя до вершины горы, нас ввели в домик^а, где милый, приветливый итальянец и итальянка показывали разные вещицы, найденные при раскопках на месте дворца, и по приглашению Горького протанцевали танец тарантеллу. Танцевали грузный дядя и средних лет племянница. Гибкость и красота движений, сложные фигуры танца привели нас в восторг. Было интересно, весело, хозяева любезно предупредительны, небо сияло, небо улыбалось. Словом, мы провели очаровательные, незабываемые два дня, и долго мы припоминали с Плехановым эту поездку. Алексей Максимович проявил очень симпатичное отношение к Плеханову и на прощание сказал ему, что он очень рад был поближе узнать его, что отныне, когда ему понадобится совет по тому или другому вопросу теории и практике, он обратится к нему. Алексей Максимович и Екатерина Павловна проводили нас до дебаркадера и долго стояли на берегу, пока пароход удалился.

Я видела в первый раз Алексея Максимовича, знала его только по его произведениям, которые находила глубоко художественными и глубоко идейными, но, признаюсь, представляла себе его вроде Скитальца¹², мало знающим, мало образованным, мало культурным. Действительность показала нам другого Горького. По дороге в Неаполь я сказала Плеханову: «Самое интересное, что мы видели в Италии — это наш соотечественник Горький!».

Итак, благодаря Горькому мы осмотрели Капри раньше, чем это полагалось по нашей программе. В нашем распоряжении было всего-

^а Так в тексте.

навсего 8 дней на осмотр Неаполя и его окрестностей, Помпеи, восхождения на Везувий и посещение Капри, к Горькому мы заезжать не думали, программа была дополнена очень приятным образом, но нам остался Везувий. Быть в Неаполе и не делать экскурсии на Везувий — это все равно, что «быть в Риме и не видеть папу». Папу мы не видели, несмотря на наше троекратное посещение вечного города, и я об этом, признаюсь, нисколько не жалела, но не подняться на Везувий — это было бы большим лишением.

Был уже конец июня. Срок нашей экскурсии кончался. Меня ждали в Сан-Ремо. Надо было спешить. Отдохнув после Капри часть дня и ночь, мы опять двинулись по направлению к Помпее, чтобы с какой-то станции, не помню, с какой именно, по проторенному пути, который берут обыкновенно туристы, подняться на манящий нас Везувий. Но тут случилась с нами совершенно неожиданная авантюра¹³.

По дороге из Неаполя до станции, где мы должны были пересестись на поезд, поднимавшийся к подножью Везувия, к нам пристал какой-то итальянец с лукавой внешностью и советовал не ехать в Помпеи, а сойти на промежуточной станции, оттуда он нас доведет до деревушки, откуда нас в карете за небольшую плату повезут на гору. Дорога интереснее, живописнее и гораздо дешевле другой, проторенной, по которой ездят все. Мы дали уговорить себя и пошли за лукавым итальянцем.

В ближайшей деревушке, у подножья Везувия, нас усадили в скверную бричку, в которую впряжена была худенькая маленькая лошаденка. Но она оказалась сильной, привычной и довольно быстро понесла нас вверх. Рядом с бричкой шел наш хозяин и соблазнитель, наш лукавый итальянец.

Нельзя сказать, что нам комфортабельно сиделось, и от времени до времени нас здорово встряхивало. Но мы были вознаграждены после получаса тряски божественным зрелищем, представившимся нашим глазам: безоблачное голубое итальянское небо сливалось на горизонте с тихой лазурью Неаполитанского залива, там вырисовывались нежные контуры Капри. Окружавшая нас красота обхватывала душу каким-то неизъяснимым ощущением счастья.

Мы доехали до половины пути и остановились около одинокой постройки, нечто вроде фермы. К нам вышла приветливая толстая итальянка и пригласила нас в дом. Мы вошли в просторную комнату, уставленную столиками. За ними сидело несколько рабочих итальянцев, которые ели и пили. Нам тоже предложили выпить «Лакрима Кристи» (Христовы слезы). Хозяйка с гордостью заявила нам, что это вино выделывается тут же, из ее собственных виноградников. Мы с удовольствием вкусили сами этого свежего напитка, а также угостили нашего возницу и лукавого итальянца, который нас не покидал. Тут же нам объявили, что мы больше в бричке не нуждаемся и что дальнейший путь совершим верхом на лошадях.

Во дворе уже стояли оседланные две лошади: серенькая, которая носила довольно матерьяльное прозвище «макарони», предназначавшая-

ся для меня, и темнокоричневая, носившая еще менее поэтичное название «бифштекс», — для Георгия Валентиновича.

На наш вопрос, придется ли еще раз менять средство передвижения, нам сказали, что нет, что мы доедем до самой верхушки. Мы уселись на лошадаках. Рядом с нами шел собственник и не покидавший нас лукавый итальянец, а, кроме того, к каждому из нас был приставлен маленький грум — итальянский мальчик-подросток, обязанность которого заключалась в том, чтобы покрикивать на лошадаков, когда эти последние от усталости останавливались. Мальчики держались за хвосты лошадаков. Поднимались по узким дорожкам, покрытым глубоким слоем песка. Солнце жгло, люди изнемогали, ноги утопали в песке, трудно было подниматься. Лошадки наши шли уверенным шагом по скользкому песку, часто по краям пропасти или скользкой покатоги. Не знаю, на кого я походила. Наши гиды уверяли, что я держалась на коне, как настоящая амазонка, но итальянцы любят говорить дамам комплименты! Плеханову же я заявила, что он похож на Дон-Кихота, и сходство это еще усугубилось тем, что гид, сопровождавший его, маленький и толстый, очень походил на Санчо Пансу. Мы были веселы и счастливы. Перед нами все шире раскрывался божественный вид на Неаполитанский залив и чудные его берега. Капри звали — точно видение. Георгий Валентинович не мог налюбоваться, часто меня окликал и выражал свой восторг: «Ну что, Роза, хорошо, ты довольна?»

На лошадах мы поднимались часа два. Нам казалось, что скоро достигнем вершины. Но, к нашему удивлению, лошадки наши остановились и сопровождавшие нас итальянцы предложили нам слезть и заявили, что до вершины донесут нас гиды, спускавшиеся с горы. И действительно, нам навстречу спускались какие-то старички. «Как же, ведь вы сказали, что мы на лошадах доедем до вершины». — «Нет, нельзя. Тут слишком круто и скользко, лошади по такому пути идти не могут». Нечего делать. Надо подчиниться. Двое стариков подошли ко мне, схватились наперекрест сложенными руками, предложили мне сесть и обхватить их шеи. Я все это исполнила. То же самое было предложено Георгию Валентиновичу. Но он наотрез отказался от такого способа путешествия. Как я ни уговаривала, ни просила, но ничего не помогло.

«Ты хочешь, чтобы меня носили эти столетние старики? Ни за что! Я поднимусь сам, я достаточно силен, чтобы дойти. Ведь совсем недалеко». Все это было сказано таким безапелляционным уверенным тоном, что я успокоилась. Но едва Георгий Валентинович сделал шагов двадцать, как он остановился и со словами «мне дурно» опустился на землю. Лицо его было смертельно бледно. Он попросил воды. Я соскочила и подбежала к нему. Пульс был редок, но не слаб. Воды не оказалось, но, к счастью, карманы наших стариков-гидов и не покидавшего нас лукавого итальянца оказались наполнены бутылками «Лакрима Кристи». Выпив немного этой живительной влаги, мой самоуверенный турист пришел в себя, почувствовал себя лучше. Я стояла за то, чтобы не продолжать подъема, а сейчас спуститься в долину, но Георгий Валентинович решительно заявил, что хочет подняться посмотреть кратер. «Как же, быть почти на вершине и не дойти. Раз решили достичь из-

вестной цели, надо ее достичь. Да, я хочу, чтобы ты посмотрела кратер, а без меня ты не поднимешься». — «В таком случае, сядь на руки стариков». Тут и эти добрые старички начали его уговаривать. Плеханов уступил, его усадили, и мы начали подниматься. Подъем был труден и опасен. Наши старые провожатые тяжело дышали. Пот с них лил ручьями. Нас очень мучила совесть, но добрые старички нас успокаивали, говоря, что это им не впервые, что некоторые из них лет сорок занимаются этим делом. Чтобы утешить нас, они очень часто останавливались и просили позволения выпить за наше здоровье, на что мы охотно соглашались, от души их благодарили, и бутылки с «Лакрима Кристи» опустошались с невероятной быстротой. Наконец, мы у кратера!

«Все ничто, — говорил Георгии Валентинович, — перед величием этого зрелища». Кратер дымит во многих местах, желтые ручейки расплавленной серы показывались то здесь, то там. Казалось, какая-то адская работа происходит в стенах этой зияющей огненной пасти.

«Видишь, Роза, стоило подняться». Мы долго стояли над кратером, очарованные. Потом как-то сразу почувствовали усталость от пережитых впечатлений в течение дня и начали спускаться вниз, поддерживаемые нашими гидами. С последними и нашим лукавым итальянцем мы самым дружеским образом простились, не сетуя на то, что эта дешевая дорога нам обошлась вдвое больше проторенной и что «выпиванье» за наше здоровье «Лакрима Кристи» сильно облегчило нам дорожный запас! Но что это! Мы видели Везувий, и Плеханов здоров!

Срок нашего возвращения в Сан-Ремо наступил. Там меня ждали больные, а Георгия Валентиновича — спешная литературная работа. Посвятивши еще один день на Национальный музей, мы на этот раз осмотрели его более тщательно. Георгий Валентинович остановил мое внимание перед его шедеврами: мы долго стояли перед группой «Гармодиус и Аристокитон», воспроизведением архаической статуи, изображающей двух молодых греков атлетической силы, убивших афинского тирана... В этой группе поражает выражение фанатизма и физической энергии и, вместе с тем, какая-то моральная тупость. Словом, безжалостная фанатическая страсть. Пораженные силой изображения этих двух героев древности, мы приобрели фотографический снимок статуи, чтоб преподнести ее одному нашему приятелю, ярому террористу, члену боевой организации соц[иалистов]-революционеров, в расчете, что доставим ему этим удовольствие: он познакомится со своими античными единомышленниками; но приятель наш почти обиделся за этот подарок: вид античных собратьев, по-видимому, не льстил нашим современным террористам.

Сколько мне помнится, в этом же зале Национального музея меня тронула проникнутая глубокой жалостью и грустью, полная чувства симпатии к страданиям героев, группа «Орест и Электра». Последняя — сама грация по стройности и живости.

Я долго созерцала также гигантскую группу, полную движения и трагического содержания [...] ^a Farneze¹⁴. Своим художественным выяв-

^a Слово неразборчиво.

лением человеческих страстей он составляет контраст с чудными по красоте форм, но мертвыми изваяниями богов и богинь древности. Богатства Национального музея оставили во мне неизгладимое впечатление и желание еще раз посетить Неаполь на более длительное время, чтобы лучше изучить, лучше понять. Но, увы, это мое посещение чудного города было первым и последним. Несколько часов накануне выезда мы посвятили отдыху в загородной местности на мысе Позилипио и, сильно облегченные в финансовом отношении нашим восхождением на Везувий, поспешили в Сан-Ремо, оставив мысль об остановке на обратном пути в вечном городе, вопреки нашему первому намерению.

Наше маленькое путешествие по Италии окончилось неожиданным для нас результатом: временным сближением с Горьким. Георгий Валентинович очень любил и ценил его раньше как талант-самородок. А богатые русские натуры-самородки вызывали в Георгии Валентиновиче нежность и гордость, он видел в них великие возможности для нашей родины. В 1912 году мы впервые познакомились с другим гениальным самородком нашей великой страны, Федором Шаляпиным. Плеханов очень увлекался его игрой, блеском его рассказов, но не мог вынести его коленопреклонения перед Николаем II, и тут он был беспощаден¹⁵.

В Горьком он сразу почувствовал большого инстинктивного революционера и поэтому был особенно требователен к его революционному миросозерцанию. Увлечение Горького мистикой, «богоискательством», сильно волновало Георгия Валентиновича, вызывало с его стороны строгую критику «Исповеди», произведения, в котором мистический элемент в миросозерцании Горького дошел до кульминационного пункта. Но эта строгая критика не мешала Плеханову питать к талантливому самородку нежное чувство. В 1907 г. во время Лондонского съезда¹⁶ Георгий Валентинович писал мне следующее:

«14 мая 1907 г.

Вчера состоялось открытие съезда. Я открыл его. Говорят, на хорах присутствует Горький, но я его не видал, иначе сказал бы ему несколько приветственных слов.

16 мая 1907 г.

Вчера ко мне подошел Максим Горький, который тоже здесь. Я с ним поговорил довольно долго. Он очень интересный человек. Мне он наговорил много комплиментов, назвал своим учителем и т.д., просил провести с ним вечер, чтобы поговорить. Я, конечно, согласился. Когда будет наш разговор, еще не знаю...».

С большим юмором рассказывал мне по приезде из Лондона Георгий Валентинович о том, как он вместе с Алексеем Максимовичем посетил мастерскую английского художника (друга Степняка)¹⁷, нарисовавшего целую галерею типов из «Дна» Горького. Рисунки были неудачные, художник не понял российского «дна»...Но у него был такой взволнованный вид, точно он ждал своего смертного приговора. Жить или не жить! Так как Алексей Максимович не говорил по-французски, — язык, на котором объяснялся художник с Плехановым, — то последний взял на себя роль переводчика. Алексей Максимович не мог удержаться от выражений: «Это черт знает что такое», «это безобразие», и на впе-

чатлительном лице его сказывалось это неодобрение, а художник вопро- сительными глазами, почти с мольбой смотрел на Плеханова, ожидая перевода слов Горького. Положение было крайне щекотливое. Как ска- зать художнику, что автор «Дна» находит изображение его типов никуда не годными. По деликатности и жалости Плеханов смягчал выражения Алексея Максимовича, говоря: «Хорошо, недурно». Художник был в не- доумении: «Какие странные русские, одобряют, а выражение их лиц по- казывает противоположное! Какое же делают они лицо, когда хотят вы- разить недовольство? Должно быть, очень веселое, восторженное! Что за оригиналы эти русские!» Георгий Валентинович с большой нежностью говорил о прямоте, немного примитивной, своего любимца!

Тут я не могу не подчеркнуть, что Георгий Валентинович отнесся великодушнее к малой культурности нашего великого художника, чем последний к его «западничеству». «Сюртук» Плеханова вызвал крайнее неодобрение М.Горького¹⁸.

Наверное найдутся юнцы, которые скажут: «Напрасно Георгий Ва- лентинович пощадил английского художника, лучше ему было бы знать правду, это было бы ему полезно! Что обязывало его исказить слова Горького?» На это отвечу словами нашего великого критика В.Г.Белинского¹⁹, сказанные им в его замечательном разборе произведе- ния Пушкина «Евгений Онегин»: «Как, что? Чувство человечности, чув- ство деликатности! Если, почему бы то ни было, вам нельзя не прини- мать к себе человека, который для вас тяжел и скучен, разве вы не обя- заны быть вежливы и любезны, хотя внутренне и посылаете к черту!» (Собрание сочинений Белинского в трех томах. Юбилейное издание. (Стр. 371). В нашем великом критике говорила реакция против грубости нравов разночинца ... Грубость эта, к сожалению, царствует и нынче.

Теперь скажу несколько слов о письмах Горького и кратком време- ни сношений между ними Георгием Валентиновичем.

Георгий Валентинович получил 4 письма, которые мы приводим ниже²⁰. Из этих писем читатель увидит, какую симпатию Алексей Мак- симович питал к тому, кого он называл своим учителем.

После письма из Мустамяк от 7 июня 1914 г. переписка между ни- ми замерла.

В июле 1914 г. мы с Георгием Валентиновичем отправились в Брюссель, чтобы принять участие в заседании бюро Интернационала, оттуда поехали в Лондон. Плеханов решил поработать в Британском му- зее, собрать материал для «Истории русской общественной мысли». Когда мы оставляли Францию и Париж, там чувствовалась большая тревога; в воздухе, что называется, пахло порохом. Но мы надеялись, что человечество «минет чаша сия». Но работать нам долго не удалось; недели через две после нашего приезда в Лондон, 2-го августа 1914 г., в полдень, покинув Британский музей, мы узнали из газет, что Жорес²¹ убит и что Германия объявила Франции войну. Плеханов, прочитав это известие, смертельно побледнел, мне казалось, что он потеряет созна- ние. «Что с тобой? — Спросила я его. — Почему это известие тебя так взволновало?» — «Ты себе не представляешь, что это будет за война!

Это будет избиение народов и жестокостью своей превзойдет все то, что испытало человечество до этих пор. Наш Интернационал опозорился!» Плеханов испытывал муки ада. В этот же день мы оставили Лондон и двинулись через Дувр в Париж. Город — «светоч», который мы оставили блестящим, веселым, хотя слегка уже тревожным, был погружен во мрак, в траур и слезы.

Первым движением Плеханова по приезде в Париж было побегать к Геду²², посоветоваться с ним, как, что сделать, чтобы созвать Бюро Интернационала и остановить ужас братоубийственной войны. Было уже поздно! Немцы уже раздавили Бельгию и находились у ворот Парижа. Франции грозит смертельная опасность. Дать немецкому империализму раздавить Францию — Францию Великой Французской революции — это невозможно. Русский революционер на это не пойдет. Подобно Герцену²³, Плеханов считал, что у русского революционера два отечества: Россия и Франция — Франция, давшая миру великую революцию. И за эту Францию мы все должны стать горой. Торжество немецких юнкеров — это будет торжеством реакции в Европе, торжеством мрака над идеями освобождения от европейских деспотий и над идеями социализма. Так смотрели в начале войны большинство социалистов на Западе и наши в России. Так смотрели наши американские товарищи. Из России нам писали, что большинство соц[иал]-дем[ократов] стоит на точке зрения борьбы с немецким империализмом и защиты родины. Писали нам также, что Максим Горький разделяет эту точку зрения. Наша старшая дочь откуда-то слышала, что в Москве основался госпиталь имени Горького. Стремясь всей душой и всю свою жизнь в Россию, она написала Алексею Максимовичу, чтоб узнать подробности о заведующем им госпитале. Ответ не замедлился. Ни к какому госпиталю он отношения имел. В это тревожное, трагическое время мир наполнялся слухами всякого рода.

В 1915 г. до нас дошла недостойная заметка анонима, помещенная в № 1 журнала «Летописи»²⁴. Георгий Валентинович отнесся к ней с глубоким презрением... Меня, семью нашу и наших друзей эта заметка глубоко возмутила. Со всех сторон России шли письма с настоятельными увещеваниями ответить. Журналы и газеты предлагали ответить на их столбцах... Плеханов не хотел отвечать, говоря, что для того, чтобы ответить на пасквиль, появившийся на столбцах «Летописи», нужно опуститься до авторов его.

Приехавший к нам в 1915 г. Н.И.Иорданский сказал мне в отсутствии Георгия Валентиновича, что носятся слухи, будто написали неприличную заметку Базаров²⁵ при близком участии Максима Горького. Причем, Н.И.Иорданский прибавил, что среди литературных кругов говорят, что Базаров мстит Плеханову за его полемические выходы против него, а Алексей Максимович пристал к Базарову по слабости характера. Ну, понятно, что это были россказни! Я, признаться, очень была взволнована рассказом Иорданского, отказалась верить в такой неделикатный поступок Горького, просила его не говорить об этих слухах Георгию Валентиновичу. Но до Георгия Валентиновича все-таки дошел этот слух.

Георгий Валентинович ничего не сказал — повел только густыми бровями. Зная его, я угадала, что ему это известие доставило страдание («И ты, Брут!»), и с тех пор имя Горького не произносилось в нашем доме.

Позже, в № 1 «Дневника социал-демократа», вышедшем в России, Георгий Валентинович коснулся этого анонима при следующих обстоятельствах: возражая на речь Чхеидзе²⁶, произнесенной в Государственной думе «о мире и его желательных условиях», Плеханов говорит: «Я наперед знаю, что возражения эти не понравятся кое-кому из людей, `a tort ou `a raison^a считающих себя принадлежащими к крайнему левому лагерю. Возможно даже, что за них какой-нибудь «неграматикальный» аноним опять выругает меня ... при ближайшем или просто близком участии Максима Горького. Если эта вторая *возможность* перейдет в *действительность*, то мне будет больно ... за Горького, художественный талант которого я очень уважаю. Но делать нечего! Назвался груздем, полезай в кузов. Покойный глава женевского радикализма Жорж Фавон сказал мне однажды: «Кто занимается политикой, тот всегда должен быть готовым получать удары». Немного помолчав, он прибавил: «И, разумеется, давать сдачи». Думаю, что это верно. Не со вчерашнего дня занимаясь политикой, я тоже готов получать удары и отвечать на них, если, однако, для этого не надо было нагибаться слишком низко...»²⁷.

В 1917 г., в апреле месяце, через несколько дней после возвращения Георгия Валентиновича на родину [что] получилось от Горького последнее письмо, в котором он пишет Георгию Валентиновичу, искал его в Европейской гостинице, звонил Иорданскому, но безуспешно и т.д. Признаться, и я и Георгий Валентинович были довольны, что Алексей Максимович к нам не пришел: с него не было снято подозрение, как одного из авторов недостойной заметки, и видеть его мы не могли. Плеханов умер с горячей верой в торжество дела, которому отдал жизнь, но разочарованный в людях, и этому разочарованию в людях немало способствовал неприличный аноним.

Прошло пятнадцать лет. В [19]31 г. я читаю в «Известиях» о том, что появилась брошюра М. Горького под названием «В.И. Ленин» и в брошюре этой нарисован художественный портрет Плеханова. Я захожу в первый книжный магазин, покупаю брошюру, кидаюсь, так сказать, на художественный портрет Плеханова и прихожу в ужас! Никто никогда из злейших врагов Плеханова не создал такой карикатуры!

Горький говорит о своей встрече с Плехановым следующее: «Когда меня «подводили» к Г.В. Плеханову, он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика. Он сказал мне весьма обычную фразу: «Я поклонник Вашего таланта». Кроме этого он не сказал ничего, что моя память удержала бы. И на протяжении всего съезда ни у него, ни у меня не явилось желание поговорить по душам»²⁸.

Алексей Максимович описывает выступление Плеханова на Лондонском съезде партии. И тут что ни слово, то искажение внешности

^a Справедливо или нет (фр.).

Плеханова, его манеры говорить, манеры слушать, манеры держаться во время восклицания противников. Верно, что со времени съезда ушло уже 23 года, и Алексей Максимович мог забыть образ Плеханова, смешать его с кем-нибудь другим. Не допускаю мысли, чтоб Горький сознательно исказил образ Плеханова. Он его не понял, подошел к нему с предвзятой мыслью, смотря на него сквозь «фракционные» очки.

«Очень искусно он развешивал в воздухе над головами съездовцев красиво закругленные фразы, и когда на скамьях большевиков кто-нибудь шевелил языком, перешептываясь с товарищем, почтенный оратор, сделав маленькую паузу, вонзал в него свой взгляд, точно гвоздь. Одна из пуговиц на его сюртуке была любима Плехановым больше других, он ее ласково и непрерывно гладил пальцем, а во время паузы прижимал ее точно кнопку звонка, — можно было подумать, что именно этот нажим и прерывает плавное течение речи. На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко, презрительно произнес:

— Х-хе!

Это вызвало смех среди рабочих-большевиков, Г.В. поднял брови, и у него побледнела щека...»²⁹ Какая злостная карикатура!

Вот как рисует первое впечатление от выступления Плеханова человек, близко знавший его: «Чарующий тембр голоса, чудесное произношение, ясная и отчетливая дикция, сдержанные^a движения — словом, классическая форма ораторского искусства приковывали слушателя. Огромная эрудиция, полное господство над предметом, широкое мирозерцание, железная, ясная, и в то же время гибкая и оригинальная мысль, плюс бурная революционная страсть, плюс тонкое образное остроумие, — все эти слагаемые, сосредоточенные в одном избраннике природы, приводили слушателей, всех слушателей без всякого исключения, в восторженное состояние, вызывая высокий духовный подъем и усиленную работу мысли» (Л.И.Аксельрод Из моих воспоминаний о Плеханове. «Под знаменем марксизма» № 5—6)³⁰.

Позволю себе привести еще одну цитату, на этот раз из лагеря противников Плеханова: «Плеханов был совершенно несравненным собеседником по блеску остроумия, богатству знаний, по легкости, с которой он умел мобилизовать для любой беседы огромное количество духовных сил. Немцы говорят: Geistreich — богатый духом. Вот именно таким и был Плеханов». (А.В.Луначарский. Несколько встреч с Плехановым. «Под знаменем марксизма» № 5—6. Май—июнь 1922 г.)³¹.

Еще несколько слов и я покончу с «художественным» портретом Плеханова. После описания «сюртука», манеры говорить Георгия Валентиновича, следует какая-то, я сказала бы, «инсинуация», если бы не писал этого Максим Горький.

«Несколько эмигрантов каприйской колонии: литератор Н.Олигер³², Лоренц-Метнер, присужденный к смертной казни за организацию восстания в Сочи, Павел Вигдорчик и еще, кажется, двое хотели побеседо-

^a Подчеркнуто Р.М.Плехановой (Публ.).

вать с Плехановым. Он отказался. Это было его право, он — больной человек, приехал отдохнуть. Но Олигер и Лоренц говорили мне, что он сделал это в форме, обидной для них. Нервозный Олигер настаивал, что Г.В. сказано было нечто об «усталости от обилия желающих говорить, но не способных делать». Он, будучи у меня, действительно не пожелал никого видеть из местной колонии» [С. 22]. Тут кроется какое-то недоразумение. А[лексей] М[аксимович] смешивает, путает. Ведь ушло столько лет. Я не рассталась с Плехановым ни в Неаполе, ни на Капри. В Неаполе никакого свидания никто не просил, и никого мы из полит[ических] эмигрантов не видали. Возможно, что память мне изменяет, но что такого ответа, какой приводит М.Горький, на просьбу о свидании Плеханов не дал и не мог дать — за это ручаюсь головой. Такой ответ — грубый и невежливый — был не в духе вежливого, чуткого Плеханова. Страстный полемист в литературе, боец на трибуне и в жизни, он был — сама вежливость в личных встречах, отношениях.

Наконец, Горькому не нравятся остроты Плеханова: «Не в меру умеренный Меринг», «Самозванец» Энрико Ферри, в нем нет железа ни золотника» — тут каламбур построен на слове ферро-железо. И все в этом роде»³³.

Когда я прочитала эти строки друзьям, знавшим лично Георгия Валентиновича, они искренне расхохотались... Так чудовишно исказил Алексей Максимович и эту сторону личности Плеханова!

Чему приписать это ложное изображение образа Георгия Валентиновича? Я думаю, богатой фантазии, искаженной «фракционностью». Плеханова нужно из каких-то высших соображений умалить. Это нужно! И готовность является со всех сторон: тут и Митины, и Таксеры, и Вейнборги³⁴ — ведь это так легко: Плеханов спит непробудным вечным сном,... и каждый, кому не лень, может безнаказанно его ударить!

Теперь мы переживаем период ревизии Плеханова. Как во всем и повсюду, и в этой области проявляются «перегибы», «упрошенчество», на которые, наконец, обратил внимание главный периодический журнал коммунистической партии «Под знаменем марксизма» (См. №№ 6—7 за 1932 г.)³⁵. Заслуги Георгия Валентиновича перед революционным движением нашей страны и перед всемирным движением пролетариата забываются, отбрасываются.

«Теперь идет борьба», — сказал мне один мой приятель, убежденный и не глупый член коммунистической партии, когда я ему с горечью выразила свои тяжелые испытания в связи с неблагодарной, неделикатной критикой Плеханова. Подобные явления, сказала я, немыслимы в Европе, и там идет ожесточенная борьба между коммунистами и социалистами, но никто из первых не оскорбил памяти Геда, Vaillant'a³⁶, Либкнехта³⁷. Поколения идут вперед, опережают своих учителей, но имя учителя для них свято и никому из них не приходит в голову пачкать это имя. Нет, война войне рознь, ответила я моему приятелю, воюют люди культурные, воюют и дикари. В нас еще много азиатчины... Пора заменить, в моральном отношении, зипун «сюртуком», который так не

любит М.Горький. Пора проникнуться моральным «аристократизмом» и отбросить грубость и невежливость.

Новой жизни должны соответствовать новые нравы^а.

РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 1—18; Ед. хр. 52. Л. 22—39; Ед. хр. 53. Л. 2, 4—7. Машинопись.

Примечания

¹ Г.В.Плеханов с 1887 г. страдал туберкулезом и по состоянию здоровья не мог проводить зимние месяцы в Швейцарии. В 1909 г. Р.М.Плеханова осуществила свою давнюю мечту и вместе со старшей дочерью Л.Г.Плехановой, врачом-невропатологом, организовала зимний санаторий в Сан-Ремо. Часть средств на организацию работы санатория собирали среди русских эмигрантов. Личные взносы, о чем свидетельствуют архивные документы, делали и члены семьи Плехановых, включая самого Георгия Валентиновича и Розалию Марковну.

² *Кавур Камилло Бенсо* (1810—1861) — государственный деятель Италии, один из идеологов и видных организаторов ее объединения. После провозглашения в марте 1861 г. единого Итальянского королевства занял пост премьер-министра.

³ «Оплакивание Христа» — мраморная скульптура, украшающая интерьеры собора Св. Петра.

⁴ Станцы и Лоджии — часть дворцового ансамбля в Ватикане, расписанные Рафаэлем и его учениками.

⁵ *Засулич В.И.* (1851—1919) — участница народнического движения, одна из основателей группы «Освобождение труда» и Российской социал-демократической рабочей партии, видный деятель РСДРП, переводчик, писатель, публицист.

Иорданский Н.И. (1876—1928) — социал-демократ, сотрудничал в газетах «Искра», «Начало», «Образование», «Современный мир» и др. После Февральской революции 1917 г. в качестве комиссара выезжал на фронт. Работал в Наркомате иностранных дел, Госиздате.

⁶ *Пешкова Е.П.* — жена А.М.Горького.

⁷ Жена известного революционера, одного из теоретиков партии социалистов-революционеров Л.Э.Шишко. В архиве Р.М.Плехановой хранятся четыре письма Н.В. Кончевской-Шишко (Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 223).

⁸ *М.Т.Бейлис*, приказчик кирпичного завода Зайцева в Киеве, еврей по национальности, в 1911 г. был ложно обвинен в совершении ритуального убийства христианского мальчика. Дело, сфабрикованное правительством, антисемитскими и черносотенными организациями, тянулось более двух лет. Процесс состоялся в сентябре—октябре 1913 г., и суд присяжных, несмотря на давление со стороны правительства, вынес Бейлису оправдательный приговор. По завершении судебного разбирательства семья Бейлисов эмигрировала в США.

⁹ Гальперин — адвокат, вел некоторые дела семьи Плехановых. Переписка Гальперина и Плехановых хранится в Институте социальной истории (Амстердам) в фонде Г.В.Плеханова.

¹⁰ Одна из привлеченных к делу М.Т.Бейлиса лжесвидетелей.

¹¹ *Тиберий Клавдий Нерон* (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.) — римский император.

¹² Псевдоним *Петрова С.Г.* (1868—1941) — писателя; вместе с А.М.Горьким сотрудничал в издательстве «Знание», принимал участие в революционном движении России.

^а Подчеркнуто Р.М.Плехановой (Публ.).

¹³ В тетради № 52, вслед за этим предложением, стоит приписка Р.М.Плехановой: «NB. Списать с тетради воспоминания о подъеме на Везувий (С. 16—18 — до слова «гидами»).

Вариант этой части статьи, посвященный подъему Плехановых на Везувий, опубликован. См.: Плеханова Р.М. Год на родине // Диалог. 1991. № 11. С. 89—91.

¹⁴ Имеются в виду установленные на площади перед Национальным музеем скульптурные изображения правителей Неаполя, среди которых есть памятник представителю семьи Фарнезе, сыгравшим важную роль в истории Италии.

¹⁵ Имеется в виду получившее широкую огласку в России и за рубежом недоразумение, жертвой которого стал великий русский певец Ф.И.Шаляпин (1873—1938). В 1911 г. Шаляпин участвовал в оперном спектакле Мариинского театра «Борис Годунов». Хористы театра, в течение длительного времени безуспешно добивавшиеся повышения заработной платы, решили воспользоваться присутствием на спектакле Николая II с тем, чтобы воздействовать на администрацию театра. После одной из сцен, в которой был занят Федор Иванович, хор в полном составе опустился на колени и запел «Боже, царя храни!». По воспоминаниям Шаляпина, нелепость ситуации усугублялась не только тем, что артисты не предупредили его о том, что собираются сделать. У него не оказалось и возможности скрыться за кулисами, так как в проходе стояли певцы, шепотом умолявшие его «не покидать их». И Шаляпину ничего не оставалось делать, кроме как встать на одно колено и растерянно слушать гимн российской империи. Печать тотчас же отреагировала на случившееся, раскрасив «подробностями» «факт лакейства» Ф.И.Шаляпина. Некоторое время спустя Плехановы, не звавшие истинной подоплеку происшедшего, вернули Федору Ивановичу подаренную им и подписанную «Милейшим супругам Плехановым на память о свидании и в знак искренней симпатии. Федор Шаляпин. 26.III.909. M.Carlo» фотографическую карточку певца. В мемуарах «Душа и маска» Шаляпин отмечает, что к сделанной им надписи была добавлена приписка: «Возвращаем за ненадобностью. Г.Плеханов. Р.Плеханова. 1 марта 1911 г.» // Шаляпин Ф.И. Душа и маска. Мои сорок лет на театрах. М., 1991. С. 260—261.

Николай II (Романов) (1868—1918) — последний русский император. Вошел в историю под прозвищем «Кровавый». Расстрелян в Екатеринбурге по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов.

¹⁶ Имеется в виду V съезд РСДРП, состоявшийся в Лондоне в мае 1907 г.

¹⁷ *Кравчинский (псевдоним Степняк) С.М.* (1852—1895) — революционер-народник, писатель. С начала 1880-х гг. находился в эмиграции в Англии. Один из организаторов Фонда вольной русской прессы. Близкий друг Г.В.Плеханова.

¹⁸ См. примеч. № 24.

¹⁹ *Белинский В.Г.* (1811—1848) — литературный критик, публицист. Виссарион Григорьевич был одним из любимых писателей Г.В.Плеханова, анализ философских взглядов и творчества Белинского нашел глубокое отражение в произведениях Плеханова // *Избранные философские произведения.* М., 1956—1958. Т. I—V.

²⁰ Переписка А.М.Горького и Г.В.Плеханова опубликована в сборнике «Литературное наследие Г.В.Плеханова». Т. 6. С. 398—407.

²¹ *Жорес Жан.* (1859—1914) — видный деятель французского и международного социалистического движения, один из основателей Объединенной французской социалистической партии, член палаты депутатов нескольких созывов. Основатель и редактор газеты «L'Humanité». Убит накануне Первой мировой войны.

²² *Гед Жюль* (1845—1922) — видный деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской коммуны. Один из основателей Французской социалистической партии. После начала Первой мировой войны вошел в состав французского правительства. Друг Г.В.Плеханова и его семьи.

²³ *Герцен А.И.* (1812—1870) — философ, революционер, писатель, публицист. Творчество и деятельность А.И.Герцена нашли отражение во многих философских произведениях Плеханова // *Избранные философские произведения*. М., 1956—1958. Т. I—V.

²⁴ Имеется в виду статья в декабрьской книжке журнала «Летопись» (№ 1. С. 323—328) «Нужны ли убеждения? (Письмо в редакцию)». Автор, скрывшийся за псевдонимом «Один из недоумевающих», рассуждает о работе Г.В.Плеханова «О войне» и сравнивает его с известными героями Чехова и Достоевского Фирсом и Смердяковым.

В своей брошюре Плеханов вскрыл социально-экономические причины Первой мировой войны (1914—1918 гг.) и поставил вопрос о необходимости объединения усилий всех стран для отражения и обуздания германской агрессии. Впервые в практике международных отношений Плехановым был поднят вопрос о *нравственной* ответственности не только народа-агрессора, ввергнувшего мир в войну, но и стран, занявших позицию *невмешательства*. Их нейтралитет Плеханов уподобил «нейтралитету» прохожего, ставшего свидетелем грабежа и ограничившегося *призывом* к обеим сторонам — *грабителю и потерпевшему* — *прекратить «конфликт»*.

²⁵ Базаров В., псевдоним *Руднева В.А.* (1874—1939) — экономиста и философа, одного из переводчиков «Капитала» К.Маркса. В.А.Руднев принимал активное участие в социал-демократическом движении России. В годы, последовавшие за революцией 1905—1907 гг., выступил с работами, направленными против марксистской философии. В целом ряде статей Плеханов упоминает В.Базарова среди тех, «которые под самыми разноцветными идеалистическими знаменами ведут атаку против марксизма» // Плеханов Г.В. Соч. М., 1923—1927. Т. 5. С. 206; Т. 13. С. 375; Т. 23. С. 229, 230, 233, 299.

²⁶ *Чхеидзе Н.С.* (1864—1926) — один из лидеров меньшевистского крыла РСДРП, депутат Государственной думы III и IV. Входил в состав Временного комитета Госдумы, председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; председатель Учредительного собрания Грузии. В 1921 г. эмигрировал во Францию.

²⁷ Плеханов Г.В. Вместо предисловия // *Дневник социал-демократа*. Петроград. 1916. № 3. С. 6—7.

Жорж Фавон — лидер партии радикалов, занимался делами юстиции и полиции в Женевском кантональном правительстве.

²⁸ Горький М. В.И. Ленин. М.—Л., 1931. С. 5.

²⁹ Отрывок цитируется по имеющемуся в Доме Плеханова личному экземпляру Р.М.Плехановой издания: Горький М. В.И. Ленин. М.—Л., 1931. С. 9. Сохранились сделанные простым карандашом пометки Р.М.Плехановой. На полях, напротив обозначенного выше отрывка, стоит: «Это карикатура». Несколькими страницами ниже словами «Так точно делает и сам Горький» Р.М.Плеханова прокомментировала следующие два абзаца на с. 28: «Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, я не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы. Я знаю, клевета и ложь — узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью. Это — всем известно.

Кроме этого, у всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали "обыденной жизнью".

³⁰ Цит. по: Аксельрод Л.И. Из моих воспоминаний о Г.В.Плеханове // Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда. 1883—1903. М., 1984. С. 271—272.

Аксельрод Л.И. (псевд. Ортодокс) (1868—1947) — философ и литературовед. С 1884 г. принимала активное участие в революционной жизни России, с 1892 г. входила в группу «Освобождение труда». После Октябрьской революции занималась преподавательской и научной деятельностью.

³¹ Цит. по: Луначарский А.В. Георгий Валентинович Плеханов. Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С.262.

Луначарский А.В. (1875—1933) — социал-демократ, с августа 1917 г. большевик, после Октябрьской революции (до 1929 г.) — нарком просвещения; писатель, литературовед, искусствовед, публицист.

³² *Олигер Н.Ф. (1882—1919) — русский писатель, автор рассказов и повестей; в 1911—1917 гг. вышло 10-томное Собрание сочинений.*

³³ Горький М. Указ. соч. С.23. В качестве сравнения было бы интересно познакомиться с отрывком из воспоминаний И.Хородчинской (Каторга и ссылка. 1930. № 2. С.159—168), работавшей в течение двух лет (1912—1913 гг., т.е. в те же годы, когда состоялась каприйская встреча Алексея Максимовича и Георгия Валентиновича) секретарем Г.В.Плеханова: «О личности Г.В., о быте и домашнем обиходе его семьи говорилось в женевских студенческих кругах очень много. И рядом с благоговейными, тут и там раздавались критические неодобрительные слова: Г.В. держится обособленно, недоступно, в его отношениях к товарищам нет простоты, к нему нельзя прийти запросто посидеть и поговорить. Настроенная таким образом, несколько предубежденно, я первое время зорко всматривалась в Г.В., мысленно примеряла к нему то, что слышала, проверяла свои впечатления и в конце концов пришла к тому выводу, что Г.В. не знает, что здесь кроется какое-то недоразумение или недомыслие. Г.В. болел в течение долгих лет, иногда его болезнь обострялась, иногда он чувствовал себя сравнительно хорошо, но постоянно он нуждался в особом уходе и покое. Его приходилось оберегать и от многочисленных посещений, и от пагубных для его здоровья выступлений и диспутов, и от утомительных споров и бесед с товарищами. Этим объясняется та «замкнутость», та «недоступность», о которой говорилось в студенческих и эмигрантских кругах. Кроме того, нужно еще сказать, что Г.В. работал очень много, работал систематически, непрерывно, неустанно, не отрываясь даже в болезни. Его рабочий день был заполнен до отказа, и он не любил, когда его отвлекали от работы, не любил менять без серьезного к тому повода твердо установленный порядок дня. Он ценил свое время, и он не любил праздных разговоров. В дальнейшем я убедилась, что для людей, приходивших к нему по серьезному делу, он находил и время и силы, на серьезно поставленный вопрос давал обстоятельный ответ, на собрание, которое он считал нужным и важным, он приходил после утомительной работы, иногда недомогающий, не обращая внимания на предписания врачей; выступал и говорил тогда, когда врачи запрещали это делать. Об этих обстоятельствах женевские товарищи, судившие о Г.В. вкрявь и вкось, не знали ничего или не придавали им того значения, какое они заслуживают.

Это предубеждение, созданное толками и слухами, исчезло бесследно и навсегда в то самое мгновение, когда я увидела Г.В. в первый раз, когда он встал

быстрым легким движением со своего кресла и пошел ко мне навстречу с приветливой улыбкой на лице, с радушными, такими простыми и теплыми словами своего первого приветствия.... Трудно было отдать себе отчет, что именно придает этому человеку то обаяние, которое испытывали на себе все знавшие Плеханова. Прежде всего чувствовалось, что перед вами большой человек и этот большой человек обладал такой приятной манерой говорить и обращаться с людьми; в нем было много мягкости. Плеханов — боец и революционер, беспощадный полемист и резкий спорщик — был необыкновенно мягок и изысканно вежлив в личных отношениях. И эта светская вежливость соединялась в нем с большой простотой» (С. 160).

О непростой атмосфере, царившей в русских эмигрантских кругах Швейцарии, об отношении к Плеханову можно прочесть в воспоминаниях В.К.Икова «Листопад» (Вопросы истории. 1995. №№ 8—10).

Меринг Ф. (1846—1919) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии; член редколлегии журнала «Die Neue Zeit» и газеты «Leipziger Volkszeitung». Видный деятель II Интернационала. Переписка Ф.Меринга и Г.В.Плеханова опубликована // Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. II. С. 136—137.

Ферри Э. (1856—1929) — видный итальянский социалист, член палаты депутатов, один из редакторов центрального органа Итальянской социалистической партии газеты «Аванти» и редактор двухнедельного обозрения «Il socialismo. Rivista quindicinale diretta da Enrico Ferri. Roma», для которого писал Г.В.Плеханов. Сохранились и опубликованы письма Э.Ферри к Г.В.Плеханову // Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. II. С. 199—201.

³⁴ Р.М.Плеханова имеет в виду направленные против «ошибок» Плеханова критические статьи, которые стали появляться в нашей стране в конце 20-х — начале 30-х гг. Среди авторов были и названные лица. Горечь Р.М.Плехановой вызвана и тем, что еще некоторое время тому назад эти же люди, как и не перечисленные другие, с гордостью, в печати и устно, отзывались о себе как об учениках Г.В.Плеханова.

Митин М.Б. (1901—1987) — советский философ и общественный деятель. В 1930—1944 гг. являлся редактором журнала «Под знаменем марксизма». В 1930 г. в двух №№ газеты «Правда» была опубликована его статья «За подлинную разработку ленинского философского наследства», в которой, не оспаривая высокой ленинской оценки вклада Плеханова в развитие философской мысли, высказал мнение о «недостаточном проникновении Плеханова в глубины марксистской диалектики» по сравнению с Лениным. Автор подверг резкой критике работы Л.И.Аксельрод-Ортодокс и А.М.Деборина за «недостаточно критическое отношение к ошибкам Плеханова».

Фамилия *А.Таксера* упоминается в связи с публикацией в журнале «Летописи марксизма» (1932. № 1—2. С. 165—199) его статьи «Проблема общественно-экономической формации», в которой идеи Г.В.Плеханова по вопросам общественного развития трактовались как ошибочные с точки зрения марксизма (С. 177—179).

Фамилия «Вейнборг», вероятно, указана ошибочно. В журнале «Проблемы марксизма» за 1931—1932 гг. были опубликованы 3 статьи *И.Вайсберга*: «Формальная логика и диалектика. Плеханов как критик формальной логики» (1931. №№ 5—6. С. 167—192), «Меньшевистская логика и политика. Ленин и Плеханов» (1913. №№ 8—9. С. 116—135) и «Меньшевистский идеализм, механицизм и законы формальной логики» (1932. №№ 9—10. С. 71—97). Их автор указывал на непонимание Плехановым законов познания, в частности, закона единства и борьбы противоположностей, ошибочное разграничение сфер применения фор-

мальной логики и диалектики и ряда других. В статьях жестко увязывались ошибочные (как полагал критик) взгляды Плеханова-философа и Плеханова-политика. Возможно, именно работы Вайсберга и имела в виду Р.М.Плеханова.

³⁵ Р.М.Плеханова имеет в виду передовую статью, озаглавленную «Диалектический материализм, естествознание и борьба с упрощенчеством», опубликованную в № 5—6 (1932) журнала «Под знаменем марксизма». В ней, в частности, указывалось на опасность, которую несет вульгаризация истории философии марксизма некоторыми исследователями, так, в работе говорилось о необходимости «вести борьбу с попытками «огульного метафизического отрицания исторических заслуг Плеханова» — его философских работ, высоко оцененных Лениным, с недооценкой положительного содержания многих его философских работ...» (С. 9).

³⁶ *Вайан Эдуард Мари* (1840—1915) — видный деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской коммуны, член ее Исполнительного комитета, один из основателей Французской социалистической партии. В качестве ее представителя являлся членом палаты депутатов.

³⁷ *Вильгельм Либкнехт* (1826—1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения. Один из основателей и вождей Германской социал-демократической партии. В качестве ее представителя неоднократно избирался в германский рейхстаг. Участник I и II Интернационала. Редактор центрального органа германской социал-демократической партии «Vorwärts», на страницах которого широко печатались работы Г.В.Плеханова.

«НЕТ РАЗУМУ СВОБОДНОМУ ПРЕДЕЛА, И СМЕЛОСТИ ВЫСОКОЙ НЕТ ГРАНИЦ...»

К 40-летию полета Ю.А.Гагарина
на космическом корабле «Восток»

Увидеть Землю с космической высоты, узнать, что там, за синевой небосвода, было тысячелетней дерзновенной мечтой землян. Эта мечта стала реальностью после полета Ю.А.Гагарина. Сорок лет отделяет нас от первого витка вокруг планеты, совершенного нашим соотечественником. Этому историческому событию, вошедшему в летопись великих свершений человечества как одна из самых ярких ее страниц, предшествовали десятилетия напряженного труда ученых, теоретически и практически обосновавших возможность полета человека за пределы земной атмосферы.

После полета первых искусственных спутников Земли стало ясно, что не за горами и полет человека. Но для этого надо было создать надежный корабль. Множество научно-технических коллективов вложили свой труд и талант в преодоление трудностей на пути человека в космос и его возвращения на Землю. Потребовалось решить сложнейшие технические задачи, связанные с созданием мощной ракеты-носителя, космического корабля, систем жизнеобеспечения, средств управления, систем наземного командно-измерительного комплекса. Одной из наиболее сложных было решение задачи возвращения космонавта на Землю. Когда аппарат, летящий со скоростью 8 км/с, при спуске входит в плотные слои атмосферы, перед ним возникает мощная ударная волна. Воздух в ней превращается в раскаленную плазму, температура которой 6—10 тысяч градусов. Нужно было сделать так, чтобы космический аппарат не был поврежден и космонавт остался целым и невредимым. Для этого было решено поместить аппарат в специальную оболочку, которая, испаряясь и сгорая по мере спуска, предохраняла бы аппарат от сильного нагревания. Специалистами был создан специальный материал для оболочки — асботекстолит.

Расчеты показали, что вариант баллистического торможения и спуска на последнем участке приземления с помощью парашютной системы с технической точки зрения наиболее доступен и прост. Затем возникла идея разделения корабля на спускаемый аппарат, в котором будет находиться космонавт, и приборно-агрегатный отсек для размещения в нем системы управления и других систем, тормозной двигательной установки с топливными баками. Такая конструкция корабля предполагала необходимость теплозащиты только для спускаемого аппарата.

Рождение космического корабля «Восток» шло в непрерывном процессе его испытаний и совершенствования. Само название корабля было придумано в конструкторском бюро С.П.Королева. Сотрудники бюро предложили несколько вариантов названий, но потом все единогласно решили, что «Восток» — самое лучшее из них, так как оно было достаточно емким и имело определенный политический подтекст: в те годы шло активное соревнование с США за право быть первыми в космосе.

Внешне корабль «Восток» выглядел следующим образом: кабина космонавта, представляющая собой шарообразную конструкцию, и состыкованный с ним при-

борно-агрегатный отсек. Они были соединены между собой четырьмя металлическими лентами, закрепленными на «макушке» спускаемого аппарата. Благодаря пиротехнике ленты рвались перед входом в атмосферу, приборно-агрегатный отсек сгорал в атмосфере, а спускаемый аппарат, снабженный теплозащитой, продолжал движение к Земле. Общая масса корабля составляла 4,73 тонны.

Параллельно с испытаниями и доработками конструкций и систем корабля «Восток» шли предполетные тренировки первого отряда космонавтов. Решение о наборе и подготовке первой группы космонавтов было принято в 1959 г., весной 1960 г. группа была уже сформирована, и будущие космонавты приступили к занятиям. Для осуществления задачи полета человека в космос было отобрано двадцать человек. Одним из них был Юрий Алексеевич Гагарин. Мы все давно привыкли к этому имени, оно стало для нас символом мужества, патриотизма, безграничной смелости. А тогда, в далеком 1960 г., это был молодой летчик-истребитель, приехавший в отряд с одного из заполярных аэродромов. За плечами остался родной город Гжатск (теперь Гагарин), Люберецкое ремесленное училище, Саратовский индустриальный техникум, Оренбургское авиационное училище.

В марте 1960 г. первый отряд космонавтов обосновался в Подмоскowie. Теперь это место носит название Звездный городок. Подготовку космонавтов возглавил летчик, Герой Советского Союза Николай Петрович Каманин. Будущие космонавты тренировались упорно и вдохновенно, проявляя мужество еще до полета в космос. Разве нельзя назвать мужеством тренировки на центрифуге и в барокамере, или долгие недели, проведенные в одиночестве, в сурдокамере? Большой силы воли требовали парашютная подготовка, тренировки в невесомости, на выживаемость и многое другое.

Когда работа ученых и конструкторов над космическим кораблем «Восток» была полностью завершена, встал вопрос: кто же будет тот человек, от профессиональных и моральных качеств которого зависит успех полета? Кто будет первым?

Впоследствии друзья-космонавты перечисляли те качества Юрия Гагарина, его неоспоримые достоинства, которые дали ему право быть первым из землян, поднявшимся в космос. Среди них: непреклонная вера в успех полета, беззаветный патриотизм, гибкость ума и любознательность, отличное здоровье, неистощимый оптимизм, смелость и решительность, аккуратность, выдержка, трудолюбие, скромность и простота.

Очень показателен в этом отношении следующий случай. Однажды С.П.Королев пригласил будущих космонавтов осмотреть космический корабль «Восток». Они с восхищением смотрели на небывалую космическую технику. Тогда Сергей Павлович предложил желающим посидеть в кабине корабля. Все слегка растерялись. Ведь раньше им приходилось сидеть только в макете, а не в настоящем корабле. Вышла заминка. И тут Гагарин обратился к Королеву: «Разрешите мне?» Затем снял ботинки и, подтянувшись на руках за край люка, опустился в кресло. При этом его лицо было серьезным и сосредоточенным. В этот момент сказались решительность и прирожденное лидерство Гагарина. Королеву очень понравился этот поступок, и он шепнул стоящим рядом: «Вот этот, пожалуй, пойдет первым в полет...»

Окончательный выбор был сделан Государственной комиссией на космодроме Байконур: космонавтом номер один был назначен Юрий Алексеевич Гагарин, его дублером — Герман Степанович Титов.

Орбитальный полет первого пилотируемого космического корабля «Восток» продолжался всего 108 минут, в состоянии невесомости космонавт находился в течение 55 минут. Совершив облет планеты, «Восток» благополучно приземлился в точно заданном районе. Достоянием землян стало одно из величайших достижений века — человек может жить и работать в космосе.

Люди старшего поколения помнят ту огромную радость и чувство гордости, которое они испытали после полета их соотечественника в космос. Страна ликovala. Резонанс во всем мире был огромным. Люди всей Земли восхищались подвигом Юрия Гагарина, ставшего Колумбом космической эры.

В ознаменование этого эпохального события в истории нашей страны и всего человечества на пути освоения космоса день 12 апреля стал Днем космонавтики.

Уникальная коллекция документов по истории подготовки и проведения первого космического полета хранится в Российском государственном архиве научно-технической документации (РГАНТД). В его фондах собраны фотографии Ю.А.Гагарина и других космонавтов, ученых, конструкторов, кинофильмы, посвященные запуску и полету космического корабля «Восток», чертежи «Востока», выступления Ю.А.Гагарина, другие документы, сохранившие для потомков образ первого космонавта планеты. В публикуемую подборку документов включены воспоминания Ю.А.Гагарина о 12 апреля 1961 г., отражающие его эмоциональное состояние в тот знаменательный день (док. № 1); отчет Ю.А.Гагарина о полете на корабле-спутнике «Восток», сделанный им 13 апреля 1961 г. в городе Куйбышеве (док. № 2). Отчет интересен тем, что это первое выступление Гагарина после приземления. С большими сокращениями он был опубликован в 1987 г.¹ В журнале мы публикуем его полностью, ранее неопубликованные места выделены курсивом. Несомненный интерес представляют воспоминания матери Ю.А.Гагарина — Анны Тимофеевны Гагариной (док. № 3) и его друга — космонавта Бориса Валентиновича Вольнова (док. № 4). Воспоминания проникнуты большой теплотой и любовью, основное внимание в них уделяется человеческим качествам Гагарина.

Архивные документы сохранили для потомков незабываемый образ первого землянина, побывавшего в космосе. На фотографиях Ю.А. Гагарин запечатлен в моменты предполетной подготовки, в минуты отдыха, в кругу семьи. Публикуемые фотодокументы поступили на хранение в РГАНТД из Центра подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина, Фотохроники ТАСС и АПН.

Публикацию подготовили Е.Ю.БАШИЛОВА и Т.А.ГОЛОВКИНА.

№ 1

Из воспоминаний Ю.А.Гагарина¹

О дне 12 апреля 1961 года

[...] Была степь от края и до края, сколько можно видеть, причем степь уже была красивая, цвели маки. От этого обилия цветов она была какая-то даже красноватая.

Выстроилась команда стартовая, которая подготовила ракету, корабль к полету. Мы вышли с Германом из автобуса, он пожелал мне счастливого полета, расцеловались на прощание, расцеловались с товарищами, которые провожали нас.

Я подошел, доложил председателю Госкомиссии, что к полету готов. Конечно, все волновались, и вот тут и я, конечно, растрогался, и все растрогались. Полет первый, полет во что-то такое неизведанное пока, неясное. Затем поехали на лифте. Слесаря, которые должны были закрывать крышку люка и проверять его герметичность, были последними людьми, с которыми я попрощался перед своим взлетом. Они все

¹ См.: Первые в мире. М., 1987.

пожелали мне доброго пути, похлопали по шлему скафандра, закрыли крышку люка.

Я тоже был готов к старту. Было необыкновенное волнение. Мне захотелось как-то помочь этим людям, как-то сбросить то большое напряжение, которое у них было. И когда включились двигатели, когда ракета начала подниматься со стартового стола, я, чтобы разрядить обстановку, постарался таким бодрым, обыкновенным голосом сказать: «Поехали!»

РГАНТД. Арх. № 553. Фоно (воспоминания).

№ 2

Отчет Ю.А.Гагарина о полете на корабле-спутнике «Восток»

Гор. Куйбышев

13 апреля 1961 г.

Последняя, предстартовая подготовка производилась утром. Производились проверка наклейки датчиков для записи физиологических функций, запись самих физиологических функций на медицинской аппаратуре, медицинское обследование. Все это прошло хорошо. По мнению врачей, которые осматривали и записывали данные, самочувствие было хорошее. Перед этим хорошо отдохнул, выспался, чувствовал себя хорошо. *После этого штатной командой, которая была введена в боевой расчет, производилось надевание скафандра.*

Скафандр надели правильно, подогнали. Затем положили в технологическое кресло. В технологическом кресле пробовали, как на скафандре лежит подвязная система, вентиляцию скафандра, проверили связь через скафандр. Все действовало хорошо.

Затем состоялся выезд на стартовую позицию в автобусе. Вместе с товарищами, моим заместителем Титовым Германом Степановичем² и друзьями — космонавтами поехали на старт. Вышли из автобуса, и тут немножко я растерялся: доложил не председателю Государственной комиссии, доложил Сергею Павловичу³. Был какой-то момент, когда я просто растерялся. Потом извинился, заметив свою оплошность. *Вышло неудобно.*

Затем подъем на лифте, посадка в кресло. Посадка в кабину прошла нормально, хорошо. Подсоединили, подключили — все хорошо. Проверка оборудования прошла хорошо. При проверке связи получилось так, что я сначала слышал хорошо, а меня не слышали, потом стали слышать хорошо. Когда включили по КВ-каналу музыку, эта музыка стала забивать КВ-канал. Я попросил ее выключить. При вторичном включении все работало хорошо. Связь была двусторонняя, устойчивая, хорошая, настроение в это время было хорошее, самочувствие хорошее. Доложил о проверке оборудования, о готовности к старту. О своем самочувствии. Все время была непрерывная связь.

Затем произвели закрытие люка номер 1. Слышно, как его закрывают, стучат ключами. Потом что-то начинают отворачивать, присняли люк. Я понял, что-нибудь не в порядке, *через зеркало смотрю.* Сергей

Павлович говорит: «Один контакт не прижимает, все будет нормально. Вы не волнуйтесь».

Вот они переставили эти платы, на которых кольцевые выключатели ставятся, подправили, закрыли крышку люка, все нормально. Объявили часовую готовность, получасовую. Все проходило нормально, самочувствие было хорошее, настроение тоже. Затем объявили 15-минутную готовность, надел гермоперчатки, закрыл шлем. Пятиминутная готовность, минутная готовность и старт. Со старта слышно, когда разводили фермы, когда отходил установщик — это слышно. Получаются какие-то мягкие удары, прикосновение чувствуется: слышно по конструкции, по ракете идет. Немножко покачивается. Потом началась продувка, захлопали клапаны, слышно, как работают клапаны. Запуск на предварительную ступень. Слышно, как заработали двигатели, как дали зажигание, шум. Затем промежуточная ступень. Шум усилился несколько. И когда вышли двигатели на главную, основную ступень, тут уже шум больше, но я бы не сказал, что слишком резкий, который оглушает, мешае работе. Шум приблизительно такой, как в кабине самолета. Во всяком случае, я готов был к большему шуму. И так плавно, так мягко снялась ракета, что я и не заметил, когда она пошла. Потом чувствую, мелкая дрожь по ней идет, мелкая вибрация. Частота стала увеличиваться, амплитуда небольшая. Затем пошла подготовка к катапультированию, и тут Сергей Павлович информирует: «70-я секунда». Здесь, в районе 70-й секунды, плавно меняется характер вибрации на данной конструкции. Частота вибрации падает, меньше частота, а амплитуда растет. Потом постепенно тряска затихает, а к концу работы первой ступени примерно такая же вибрация, как в начале работы.

Перегрузка плавно растет. Перегрузка вполне переносимая, нормально переносимая, как на обычных самолетах — примерно 5g. При этой перегрузке я вел все время доклады, вел связь со стартом. Правда, немного трудно разговаривать, ведь стягивает мышцы лица. Потом перегрузка достигает своего пика и начинает плавно уменьшаться, и затем резкое выключение этих перегрузок, резкий спад перегрузок — и как будто что-то отрывается от ракеты, чувствуется такой хлопок, и перегрузка резко падает, резко падает уровень шума в ракете. После этих перегрузок — как будто состояние невесомости. Там перегрузка, наверное, единица с небольшим. Потом начинается опять перегрузка расти, начинает прижимать, уровень шума уже меньше.

На 150-й секунде слетел головной обтекатель. Процесс очень яркий — сход головного обтекателя. Получился толчок, хлопок и одна половинка этого обтекателя как раз против «Взора»^а. Обтекатель медленно пошел от «Взора». Видно — он раскрылся, видно конус, и он пошел медленно вниз, за ракетой.

^а «Взор» — специальный прибор для визуальной ориентации корабля «Восток». При правильной ориентации корабля космонавт мог видеть через центральную часть этого прибора «бег Земли», т.е. контролировать курс, а через кольцевое зеркало — горизонт, что позволяло управлять кораблем по тангажу и крену.

Ю.А.Гагарин в скафандре.
Байконур. Апрель 1961 г.
РГАНТД. Арх. № 0-1796

Встреча Ю.А.Гагарина
во Внуковском аэропорту
после успешного полета
на КК «Восток».
Ю.А.Гагарин и Н.С.Хрушев.
Москва. 14 апреля 1961 г.
РГАНТД. Арх. № 1-11372

Москвичи встречают
Ю.А.Гагарина после
успешного завершения
космического полета.

14 апреля 1961 г.

РГАНТД. Арх. № 1-13559

Ю.А.Гагарин в окружении земляков читает указ о награждении ученых,
принимавших участие в создании КК «Восток». Гжатск. 1961.

РГАНТД. Арх. № 0-1988

В это время прямо во «Взоре» видна была Земля. Очень хорошо — как раз не было облачности. Складки местности, видимо, гористый район, лес видно, реки видно, реки большие. По-моему, Обь была в этом районе или Иртыш. Большая река, видно хорошо острова на этой реке. Складки местности такие крупные, овраги — все видно. Я вел репортаж.

Потом на 211-й секунде перегрузки растут, растут; примерно так же, как и первая ступень, выключается вторая ступень. Тоже резкий спад перегрузок, резкое падение шума и тут уже состояние невесомости. Причем, по «Взору» можно наблюдать, идет ракета, или нет. Она живет. К концу работы первой ступени, когда слетел головной обтекатель, во «Взоре» горизонт немного до верхнего края не доходил, то есть ракета шла с углом тангажа^а. Затем к концу работы второй ступени она легла по горизонту и даже несколько ниже горизонта.

Выключилась вторая ступень, спали перегрузки, невесомость после выключения, по моим ощущениям (по времени я не заметил), примерно секунд 10—15 до включения третьей ступени. Затем был слышен глухой хлопок, и включилась третья ступень, причем, так плавно-плавно, как будто она так подошла и нежненько повела от нуля, плавно стала набирать перегрузку. Затем начал увеличиваться угол тангажа, и к концу работы третьей ступени примерно только половина «Взора» была занята горизонтом внешнего кольца; увеличивался угол тангажа.

Все время я наблюдал, вел репортаж. Видна была облачность, тень от облаков на Земле. Землю видно очень хорошо, предметы на Земле очень хорошо различимы во «Взоре». Продолжается полет. Кончила работу третья ступень. Выключилась третья ступень также резко. Тут уже перегрузка немножко возросла, и резко, таким хлопком, резкое выключение. Затем, примерно секунд через 10, произошло разделение. Почувствовал я толчок на корабль, и началось медленное вращение. Стала Земля уходить влево вверх. Тут я увидел горизонт. Все время вел репортаж. Звезды, небо, совершенно черный цвет неба. Звезды немножко четче на этом черном фоне, такие светящиеся точки, причем, их перемещение очень большое в иллюминаторе «Взора», очень большое перемещение этих звезд. Очень красивый горизонт. Видна окружность Земли. Вокруг Земли, у самой поверхности нежный-нежный голубой цвет, затем постепенно темнеет, немножко фиолетовый оттенок приобретает и переходит в черный цвет. Такой нежный-нежный ореол вокруг Земли, голубой. Красивый очень.

Примерно градусов около 30 северной широты я услышал «Амурские волны» — передавал Хабаровск. И на этом фоне — телеграфные позывные «Весны»^б. *Я начал связь с «Весной», но никто не отвечал мне.*

^а Угол тангажа характеризует угловое отклонение одной из осей искусственного спутника от плоскости, перпендикулярной направлению на центральное тело.

^б «Весна» — позывной Земли.

Записи свои производил в боржурнал. Над морем общая поверхность какая-то серая, неровная. За счет этих неровностей видно перемещение, и мне кажется, что сориентироваться над морем вполне возможно, осуществить ориентировку: привязаться к местности и сориентировать корабль для включения тормозной установки.

Затем продолжал полет уже без связи, связи не было. По заданию у меня были доклады. Доклады производил и телеграфом, и в телефонном режиме. Произвел прием воды и пищи. Воду и пищу принял нормально, затруднений никаких не наблюдал.

Чувство невесомости немножко непривычное. В земных условиях мы привыкли к какому-то определенному положению. Если сидишь, то спиной прижимаешься, а здесь получается такое ощущение, как будто висишь в горизонтальном положении на ремнях, на лямках. Тут ясно, что плотно подогнана подвесная система, а она оказывает давление на грудную клетку и поэтому, очевидно, создается такое впечатление, что висишь. Немножко необычно, но потом привыкаешь, приспособливаешься, никаких плохих ощущений не было, во всяком случае.

Производил я и записи. На вопросы хотел ответить. Взял планшет, карандаша нет — улетел куда-то. Было ушко к карандашу привернуто шурупчиком. Шуруп вывинтился, и карандаш улетел, осталось на шнурке одно ушко от карандаша.

В это время был уже в тени Земли. *Перед входом в тень Земли кончилась вся лента в магнитофоне. Я думал, может быть, не кончилась, при ручной записи будет протяжка ленты, перекрутил на ручное, но магнитофон не работал, кончилась лента.* Вел репортаж по УКВ-каналу^а весь старт и выход на орбиту. Все записано, все хорошо приняли, связь устойчивая была.

Я принял решение перемотать сам магнитофон, чтобы вести дальнейшие записи на него. По-моему, я не до конца немного его перемотал. И затем, когда производил доклады, то записи на магнитофон производил вручную, так как при автоматической работе магнитофона он почти все время работает и много расходует ленты.

Вход в тень Земли очень резкий, переход от света к тени. Причем, такое ощущение, что Солнце заходит то в один иллюминатор, то в другой — приходится отворачиваться или прикрываться как-то, чтобы не попадало в глаза. А тут смотрю в один иллюминатор — ни горизонта, ничего не видно, в другой — тоже темно. Думаю, что же это такое? Заметил по времени — вошел в тень. Объект все время вращался, примерно градуса 2—3 в секунду, с угловой скоростью он вращался. Горизонта Земли не видно, звезд тоже не видно. Тут я сообразил, что, очевидно, иллюминатор был обращен на Землю. Но на Земле ничего не видно, а потом, когда иллюминаторы выходили на небо, то на черном фоне неба видны звезды. Иногда попадали в иллюминатор 2—3 звезды. Но созвездия определить очень трудно, невозможно, потому что проходит все очень быстро и не все созвездие попадает в иллюминатор.

^а УКВ-канал — канал ультракоротковолновой связи.

Включилась солнечная система ориентации, я доложил по КВ- и УКВ- каналам и продолжал полет. Начал расходоваться воздух, причем, при работе солнечной ориентации он расходовался из обеих систем — первой и второй систем одновременно. Примерно к моменту выхода из тени Земли давление в обеих системах ориентации было: в одной 152 атмосферы, в другой — около 150 атмосфер. Я почувствовал, что когда система ориентации включилась, угловые перемещения корабля изменились, стали очень медленными, почти незаметными. В это время также производил доклад по КВ-каналу и через систему сигналов.

При подлете примерно к 40 градусам южной широты я не слышал Землю, абсолютно ничего не слышал, а к 40—45 градусам южной широты — слабо, на несколько секунд, пробивала музыка, и иногда удавалось слышать позывной «Весны». Меня телефоном вызывали: «Кедр»^а. — Я «Весна», и еще что-то говорили, но остальных слов я разобрать никак не мог. Только понял: «Кедр» — Я «Весна» — три раза они повторяли. Я сразу включился на передачу, стал передавать им связь. И потом, чем ближе к апогею^б подлетал, тем слышимость все улучшалась. И когда проходил мыс Горн в апогее, тут было очередное сообщение: меня поняли, и я очень хорошо понял. Мне сообщили, что иду правильно, орбита расчетная, все системы работают хорошо. И я соответственно производил доклады.

Перед выходом из тени я более внимательно смотрел. Тут была такая вещь: иллюминатор был как раз под углом к горизонту, и перед самым выходом очень интересно был виден горизонт. По самому горизонту такая радужно-оранжевая полоса, цвет примерно, как на скафандре, потом она немного темнеет, темнеет и цветами радуги переходит в другой — голубой цвет. И этот голубой цвет опять переходит в черный, совершенно черный цвет.

Тут объект начал работать, плавно падает давление в системах ориентации. Чувствуется, что начинается более упорядоченное движение вокруг продольной оси и по тангажу. Затем он начал ходить несколько по рысканию^в. В начале ориентации он остановился, довольно устойчиво идет. В это время была идеальная ориентация по «Взору»: во внешнем кольце весь горизонт был вписан совершенно равномерно. Объект двигался по стрелке по «Взору», все предметы двигались строго по стрелкам, затем плавно начали уходить в левый угол вперед. Опять горизонт было видно.

В это время производил доклады о системе ориентации. В системе ориентации давление постепенно падало, и к моменту запуска тормозной двигательной установки давление в системе ориентации упало примерно до 110 атмосфер. Производил записи на магнитофон, докладывал

^а «Кедр» — позывной Ю.А.Гагарина.

^б Апогей — наиболее удаленная от центра Земли точка орбиты космического корабля.

^в Угол рыскания — угловое отклонение этой же оси от плоскости орбиты.

по телеграфу и телефону. Тут уже по КВ связь была хорошая; я слышал хорошо Землю, и, как я понял, меня хорошо слышали.

На 56-й минуте проходит первая команда. Ориентация уже идет четко: вращения объекта по крену и то очень-очень малые. Почти за все время — как он вышел из тени, как сориентировался и до включения ТДУ^а — он развернулся примерно градусов на 30, может быть, даже несколько меньше.

Затем проходит вторая команда. Опять доложил телефоном, телеграфом проход второй команды. Заметил давление в баллоне ТДУ, давление в системе ориентации, показания всех приборов, время прохождения этой команды, приготовился к спуску. Закрыв правый иллюминатор, притянулся, закрыл гермошлем^б и переключил освещение на рабочее.

Затем проходит третья команда, точно в заданное время. Давление заметно падает и — запуск. Как заработало, я услышал через конструкции, небольшой «зуд» передается на корабль. Я сразу засек время включения ТДУ. Приготовился перед этим, секундомер поставил на ноль. ТДУ работает, кончает работу, причем, выключается резко — шум, перегрузка немножко и потом резкая невесомость, резкое выключение ТДУ. Я засек время работы — у меня получилось точно 40 секунд.

Но тут произошла такая вещь — непредвиденная, очевидно. В момент выключения тормозной двигательной установки произошел резкий толчок, и объект начал крутиться вокруг своей оси с очень большой скоростью. Примерно проходило так — Земля шла сверху, справа, вниз, влево по «Взору». Угловая скорость была градусов около тридцати, не меньше. Вижу (над Африкой произошло это): Земля — горизонт — небо, Земля — горизонт — небо. Только успевал закрываться от Солнца.

Я ждал разделения. *Разделения нет. Положено 10—12 секунд, но по моим ощущениям, больше прошло. Я на прибор смотрел, «Приготовиться к катапультированию» не загорается, разделения не происходит. Поочередно то потухли все окошки на ПКР^в, то начинают загораться окошки на ПКР, сначала в третьей команде, второй команде и первой команде. Разделения никакого нет. Ну, тут я немножко так думаю: «Что-то не так!» Уже засек по часам, прошло минуты две — разделения нет. Я прикинул, что ТДУ-то сработало правильно, значит, все-таки сяду где-нибудь, не стоит шум поднимать. Докложил, что разделения не произошло, но тут мне показалось, что обстановка не аварийная, ключом по телеграфу я доложил: «ВН» — все нормально. По телефону доложил, что ТДУ сработало нормально, доложил давление в начале, давление в конце, время работы ТДУ.*

^а ТДУ — тормозная двигательная установка.

^б Гермошлем — герметичная каска (с теплоизоляцией), которая служит для защиты головы от повреждений при ударах, а также для крепления смотрового остекления.

^в ПКР — панель космонавта рабочая.

Лечу, смотрю — северный берег Африки, Средиземное море, четко все видно, все хорошо, все колесом крутится — голова, ноги. Жду разделения, *думаю: «Как крутится, каким же разделение будет!»* И разделение произошло на 26-й минуте. Оно должно было быть в 10 часов 25 минут 57 секунд, а произошло в 10 часов 35 минут, примерно на 10-й минуте после конца работы тормозной установки. Разделение я резко почувствовал: хлопок, затем толчок, вращение продолжалось. Тут погасли все индексы на приборе контроля работ, погас «Спуск-1», включилась только одна надпись: «Приготовиться к катапультированию!». Заметно даже на глаз, что высота все-таки ниже, чем была в апогее: здесь уже предметы на Земле различаются резче.

Я закрыл светофильтры «Взора». Начинается вхождение в плотные слои атмосферы, причем, вращается шар по всем осям с большой скоростью. Скорость была градусов 30 все время и после разделения сохранилась. Затем чувствуется, начинается торможение, какой-то слабый «зуд» идет по конструкции, слабый, чуть ощутимый. Я уже позу для катапультирования занял, жду. Начинает замедляться вращение, уже полного оборота не совершается, по другой оси точно так же. Иллюминатор «Взора» закрыт шторкой, но по краям этой шторки появляется такой ярко-багровый свет. И слышно потрескивание — или конструкции, или, может быть, расширяется теплозащитная оболочка при нагреве. Не часто потрескивает, так, раз в минуту—две. Чувствуется, температура высокая была. *Я думаю: «Гори, гори, я подожду пока».* Потом несколько слабее начинают расти перегрузки. Здесь перегрузки были маленькие — единица — полторы. Потом плавный рост перегрузок, очень плавный. Колебания шара все время продолжаются. Солнце попадало в иллюминаторы, и по этим «зайчикам» я мог определить примерно, как он вращается: примерно градусов 15 было в момент максимальных перегрузок, причем, колебания и вокруг оси, и по всем осям. Но чувствуется, идет с подрагиванием, *тормозит его здорово.* Перегрузки, по моим ощущениям, были за 10g.

Был такой момент, примерно секунды 2—3: в глазах начали расплываться приборы. И этот пик — небольшой, его продолжительность очень маленькая, затем начинается спад перегрузок. Падают перегрузки, причем, падают плавно, но более быстро, чем они нарастают. Думаю, наверное, скоро будет катапультироваться. Когда перегрузки начали «жать», Солнце било в задний иллюминатор, а затем примерно на 90 градусов я развернулся к Солнцу, когда перегрузки спали. И здесь, очевидно, после перехода звукового барьера, слышен свист воздуха, слышен свист ветра.

Настроение хорошее — ясно, что не на Дальнем Востоке сажусь, а где-то здесь, вблизи. Разделение произошло, как я заметил, и глобус остановился приблизительно посередине Средиземного моря. Думаю: все нормально — дома сажусь. Жду катапультирования. В это время на высоте примерно 7 тыс. метров происходит отстрел крышки номер 1: хлопок — и ушла крышка люка. Тихонько голову кверху повернул, и тут

хлоп — выстрел, и я быстро катапультировался. Катапультирование произошло очень мягко и хорошо. *Ничем я не стукнулся, все нормально.* Вылетел с креслом, ввелся в действие парашют стабилизирующий. На кресле сел, как на стуле — удобно, хорошо. И вращало меня в правую сторону на этом стабилизирующем парашюте.

Я сразу увидел — река большая. Ну, думая, тут больше рек других таких нет, значит, это Волга. Потом смотрю, что-то вроде города на одном берегу и на другом берегу.

Произошло катапультирование приблизительно около километра, может быть, даже меньше, от берега Волги. Думаю, ветерок сейчас меня потащит, буду приводниться в Волгу. Потом отцепляется стабилизирующий, вводится в действие основной парашют. И тут мягко так, я даже ничего не заметил, кресло ушло от меня, вниз пошло. Я стал опускаться на основном парашюте. Ну, на основном парашюте меня опять развернуло к этим городам, к Волге. Смотрю: один город большой на том берегу, здесь — поменьше.

Я еще когда учился в Саратове, знаю — прыгали мы за этим лесом, много летали. Там железная дорога, мост через железную дорогу и длинная коса в Волгу к этому мосту. Думаю, наверное, Саратов здесь. В общем, я приблизительно опознал.

Затем раскрылся основной парашют. *Раскрылся и повис вниз. Он не раскрылся, а произошёл... и он повис внизу так нехорошо. Ну, я жду отделения, уселся, сижу плотнее так, немножко вращает. Очень медленно поворачиваюсь на запасном парашюте. Открывается он, услышал я, как дернул прибор шпильки за фалы — сильный рывок — и почувствовал, что пошел самостоятельно. Я посмотрел, но не видно, куда он падает, в скафандре очень неудобно смотреть. Тут раскрылся второй парашют, наполнился, и я уже на двух спускался.*

Наблюдал за местностью, видел, где приземлился шар — спускаемый аппарат. Белый парашют, шар лежит недалеко от берега Волги. Приземлился он примерно километров около четырех от меня. Затем лечу, смотрю — справа от меня полевой стан. Там видно много народу, машины едут, дорога проходит. Я уже дорогу прошел, еще шоссе идет. Дальше такой овраг проходит и за оврагом тоже домик. Вижу женщину. Ну, думаю, сейчас я угожу как раз в этот самый овраг. Несет меня и несет, ничего не сделаешь. Купола красивые, я чувствую, все смотрят. Хорошо идет спуск. Потом я смотрю, приземляюсь как раз на пашню. Спinoй меня несет, но трудно развернуться, не развернешься.

Перед Землей, метрах в 30, меня плавно повернуло прямо лицом. Ветерок метров 5—6. После посадки ногами ткнулся, собрался, покатился, ничего не повредив. Приземление очень мягкое было — на пашню. *Пашня была вспахана, не весной, а зябь была, такая мягкая, еще не высохла. Я сам и не понял, как стою на ногах. На меня падает задний парашют, передний парашют пошел вперед. Я его погасил, снял подвесную систему, посмотрел, все цело, жив-здоров. Отсоединил колодку РК^а. Шлем открыл. Уже на Земле шлем открыл, с закрытой шторкой*

^а РК — разъем коммуникаций.

приземлялся. Трудно было с открытием клапана дыхания в воздухе. Получилось так, что когда меня одевали, этот клапан попал под демаскирующую оболочку, а она под подвесной системой так притянута — минут 6 я все старался с себя достать, а потом взял и растянул эту всю демаскирующую оболочку с помощью зеркала, вытащил тросик и открыл его.

Снял подвесную систему с себя. За пригорочком этот полевой стан оказался, думаю, может надо побыстрее сообщить — как было задание. Сказать, что приземлился нормально, чтоб не волновались. Вышел на пригорок, смотрю — женщина идет с девочкой ко мне. Метрах в 800 она была от меня. Идет она к парашютам. Посмотрел я — до стана этого километра полтора, может больше. Думаю — к женщине-то ближе, дай-ка я к ней пойду. Спрошу, где позвонить можно.

Я к ней иду. Смотрю, она шаги замедляет. Потом от нее девочка отделяется и назад пятится. Тут я начал махать, кричать: «Свой, свои, советские, не бойтесь, не пугайтесь. Идите сюда». Тогда она неуверенно, тихонько ступает ко мне. Я подошел, сказал, что я — советский человек, прилетел из космоса. Познакомились с ней. Я спросил, где можно позвонить, сообщить властям. Она ответила, что надо идти на полевой стан, и там машину взять. Я говорю: «Ну, идемте к парашютам, я попрошу вас побыть, никому не разрешайте трогать это место, а я схожу до полевого стана». Думаю, сейчас сниму скафандр и пойду туда. Только подхожу к парашютам, тут идут мужчины — трактористы, механики с полевого стана. Шесть человек подошли. Познакомились мы с ними. Я им сказал, кто я. Они говорят, что сейчас передают сообщение по радио. Мы с ними минуты три поговорили. Смотрю, подъезжает на ЗИЛ-151 майор-артиллерист, майор Галимов из дивизиона. Я ему доложил, он мне, представились друг другу. Я попросил, как можно быстрее сообщить в Москву. Поставили у парашютов часовых и поехали к ним в часть. В части он вызвал командный пункт дивизии, потом вызвали командующего округом и через него доложили в Москву. После доклада была команда возвратиться на место приземления. Мы с ними на радостях сфотографировались, скафандр я уже снял, на мне была майка голубая. Положили мы скафандр в машину. Когда уезжали, я видел вертолет. Понял, что это поисковая партия прибыла, поехали к месту приземления. Едем по шоссе. Смотрю, вертолет поднялся, идет к гарнизону военному. Мы выскочили из машины, помахали ему. Он приземлился, взяли меня на борт вертолета. Сели на место приземления, где парашюты мои лежат. Была команда — лететь в Энгельс. Мы поднялись и полетели в Энгельс.

Только вышли из вертолета, мне сразу подают поздравительную телеграмму от Никиты Сергеевича Хрущева⁴. Ну, тут я прослезился даже, такой произошел наплыв чувств.

Затем сразу вызвали Главнокомандующего ВВС — он уже ждал у телефона. Быстро пришли на КП, я доложил Главному маршалу авиации о выполнении задания, он меня поздравил, поблагодарил, поздравил с присвоением звания майора. Я ответил, как положено. Он пожелал всего хорошего и попросил подождать — сейчас меня соединят с Никитой Сергеевичем Хрущевым или Леонидом Ильичом Брежневым⁵. Соединили с Леонидом Ильичом Брежневым. Ему я также доложил о выполнении задания, о том, что

все системы сработали хорошо, приземлился в заданном районе, чувствую себя хорошо. Он меня поздравил, пожелал всего хорошего, хорошего здоровья. Он попросил подождать, сказал, что сейчас будет звонить Никита Сергеевич.

Мы приняли решение — поехали на ВЧ. По ВЧ позвонил Никита Сергеевич Хрущев. Я доложил и ему, он поблагодарил, поздравил с окончанием полета, поинтересовался моей семьей, родителями. Я сердечно его поблагодарил за отеческую заботу. И он сказал: «До скорой встречи в Москве!»

Затем были поздравления корреспондентов «Правды» и «Известий». Я благодарил за теплые и дружеские слова в мой адрес. Попросили сказать несколько слов, поздравили с подвигом, на что я ответил, что это подвиг не столько мой, сколько подвиг всего советского народа, всех инженеров, техников, всей советской науки. После этого генерал-полковником Огольцовым было принято решение лететь сюда, в Куйбышев.

С трудом пробилась через толпу, всем хотелось посмотреть, задние напирала на передних, толкучка, но продрались к машине, поехали на аэродром. Сели в самолет, прилетели сюда, в Куйбышев.

РГАНТД. Арх. № 501. Фонодокумент.

№ 3

Воспоминания матери Ю.А.Гагарина Анны Тимофеевны Гагариной⁶

Он очень любил самолеты, авиацию. Очень любил. Стишок такой был о летчиках:

Я хочу как Водопьянов⁷ быть страны своей пилотом,
Чтоб летать среди туманов, управляя самолетом.

Так вот, он этот стишок, еще в дошкольном возрасте, не умея читать, весь знал наизусть. Вот он сидит, я ему рассказываю, читаю, а он запоминает. Он очень внимательный был, два—три раза повторит за мной — и уже знает.

А когда праздники были — Октябрьские, Май, 8-е Марта — так его, дошкольника, в школу на утренники брали, и там он с удовольствием декламировал стишки. Это он очень любил.

А в школу пошел, в классе третьем—четвертом, наверное, учился, смастерил планер. И задумал его пустить. Вот кончился урок, он в форточку его и пустил, прямо на голову прохожему (*смеется*).

Приходит этот человек, этот прохожий, и говорит:

— Что это за безобразие, чем это у вас школьники занимаются? Кто это делает? Кто допускает?

Учительница говорит:

— Извините, я, конечно, узнаю, кто это сделал, и накажу.

Приходит учительница на урок, и первым делом спрашивает:

— Ну, ребята, кто это на голову человеку пустил планер?

Ну, он, Юрий, был, конечно, очень правдивый. Он не любил, ненавидел даже тех, кто неправду говорит. Встает он и говорит:

— Это сделал я, извините, я не думал, что он так быстро упадет на голову.

Ну, за чистосердечное признание его и не наказали.

Воспоминание о дне 12 апреля 1961 года

Я в это время была дома, радио у меня было выключено, потому что сын дочери, тоже Юра, сел уроки учить. Дочь собиралась на работу, муж уже ушел на работу, а яну, дела домашние делала.

Вдруг прибегает Маруся (жена брата Валентина), плачет и говорит:

— Мам! Что же вы радио не включаете?

— А что?

— Да Юрка полетел в космос!

И я тут уже всё, не могу, меня трясет, и я им говорю:

— Всё, вы как хотите, а я не могу больше дома находиться. Я поеду к Вале. Она там одна, а ведь двое таких маленьких детей! Я не могу, я поеду.

И вы знаете, в дороге мне как будто легче было переживать.

Рассказ о характере сына

Тогда жизнь была тяжелая, трудная, в особенности, когда он начал учиться. Всю войну перенес на своих плечах семилетним ребенком. По дому всегда помогал, главное, всегда старался сам все сделать, чтобы ему не подсказывали. Приходишь с работы — в колхозе я работала — смотришь, а у него и вода, и дрова принесены — все сделано, все приготовлено. Никогда труда не боялся, он на этом труде воспитывался.

Родителям всегда старался помочь, как мог. Родители у него всегда были на первом месте. Хотя самому нелегко приходилось — как окончил военное училище, попросил послать его на самый трудный участок, на Север — родителей не забывал. Сразу, с первой полочки стал нам помогать. И когда приезжал, помогал и по дому, и по огороду.

И когда космонавтом стал, очень часто к нам приезжал. На мой день рождения, на день рождения отца — всегда к нам приезжал, уж это обязательно было.

Еще очень любил в огороде копаться — уж это его любимое дело было. Здесь, в городе, построили мы домик, который из деревни привезли. Там у нас на огороде росли кустики сирени, надо было их выкапывать, выбрасывать. Так он хороший кустик выбрал и посадил здесь, возле дома.

РГАНТД. Арх. № 549. 498. Фоно (воспоминания).

№ 4

Воспоминания командира отряда космонавтов

Б.В.Волынова⁸ о Ю.А.Гагарине

О Ю.А. Гагарине много написано, много создано фильмов. Каждый человек знает имя Юрия Гагарина, и где бы мы, космонавты, ни были, нам часто доводилось слышать в любом уголке земного шара, как произносилось имя Юрия Гагарина — с большой теплотой, большой

любовью. С большой гордостью за всех землян, которые были свидетелями этого исторического полета Юрия Гагарина в космос, потому что он первый из всех землян открыл путь, проложил орбиту в неведомое.

С Юрием я познакомился в 1960 году, когда первый отряд космонавтов был собран в Москве, в только что созданном Центре подготовки космонавтов. В то время это было что-то необычное, потому что, наверное, ни один человек на Земле не знал, как готовить космонавта, человека к полету в космические дали.

Это был удивительный человек. Что сразу бросалось в глаза — это его оптимизм. Яркий, очень человечный человек. Он излучал какое-то тепло, какую-то добрую энергию, и поэтому все тянулись к нему. Как только выпадало время, свободное от занятий, всегда его окружали товарищи. Всегда было приятно слышать, как он что-нибудь импровизировал. В результате его рассказа всегда возникал смех, повышалось настроение.

По-разному складывались наши судьбы, наши жизни. Были, безусловно, и трудные минуты. В самые критические моменты одним из первых, кто всегда разряжал обстановку, был Юрий Гагарин.

Мне хотелось бы вспомнить годы первого полета в космос. Это было необычно. Многие люди Земли, хотя фантастики было написано много, практически не представляли этого полета.

Я был во время полета на одном из пунктов радиосвязи на юго-востоке нашей Родины. Вот мы принимаем информацию. Прозвучала фраза. Ее записали на магнитофон — кстати говоря, не один магнитофон работал, было дублирование. Все, что выдал Юрий во время полета, было понятно. Но одну фразу мы никак не могли расшифровать, хотя расшифровывали очень долго. Вновь и вновь воспроизводили записи на магнитофоне и никак не могли понять, в чем же дело, что же он такое сказал?

Я знал, чувствовал Юрия Гагарина, как близкого человека, много времени мы были вместе, и тем не менее я никак не мог понять в шутках, шорохах и помехах его голос, который произнес эту фразу: «Вхожу в тень Земли».

В то время для нас, землян, само понятие «вход в тень Земли» было очень сложным для понимания, поэтому мы не могли никак расшифровать эту фразу. Этот голос с той первой орбиты, по которой прошли потом многие и многие космонавты, запомнился. Выполнялись все более сложные и сложные задания, последний наш полет был 237 суток, экипажи неоднократно выполняли выход в открытый космос, но первое «вхожу в тень Земли» — все звучало...

Мне хотелось поговорить об этом человеке как бы в нерабочее время. Во-первых, по работе: этот человек был очень аккуратен, требователен к себе и здесь, на работе, был предан своим товарищам. Он не любил, когда опаздывают на совещания, к отъезду автобуса, на какие-то мероприятия. Он был сам точным и требовал того же от других. Был собранным. Были у него и трудные минуты. Я видел Юру, когда ему было трудно. И тем не менее он не падал духом. Он не всегда улыбался, как мы видим на фотографиях, в кинофильмах и телевизионных видео-

записях. У него были и трудные моменты в жизни, как и у каждого человека.

Юрий Гагарин прошел очень короткий, но довольно яркий, насыщенный событиями путь. Его детство и юность прошли в послевоенные годы. Это суровые годы для нашей Родины, для нашего юношества. Мальчишкой он уже знал, что такое жить на оккупированной территории. Тем не менее он не растерял своих богатых душевных качеств, остался таким же жизнерадостным, оптимистичным, верящим в лучшее человеком. Он очень любил людей, и люди, чувствуя это, тянулись к нему.

Все мы помним его замечательную, светлую «гагаринскую» улыбку. Он являлся инициатором многих начинаний. Зарождались только традиции отряда, и он был их участником, а иногда и прямым организатором новых, доселе не известных традиций. Гагаринские традиции до сих пор живы в отряде космонавтов. Мы поддерживаем эти традиции, рассказываем о них молодым космонавтам.

Мне вспоминается такой эпизод. Однажды, возвратясь из зарубежной поездки, уставший Юрий вышел на площадку нашей квартиры (мы жили с ним на одной площадке, были соседями). Поздоровались. Я вижу, он очень устал. Открывается дверь, и на пороге — две его дочери. Раздается возглас: «Папа приехал! Папа вернулся!». И от усталости — никакого следа на лице. Он опять такой же жизнерадостный, полный сил и энергии. Он счастлив, что вернулся домой. Он рад видеть эти искрящиеся, радостные глаза дочурок. Он опускается к ним на колени (дочки в ту пору были маленькие), обнимает их. И вот этот неразрывный, единый, веселый, энергичный клубок уже катится по полу, снова веселье, снова игра. Папа пришел домой! — этим сказано многое. Душевная, сердечная теплота, с которой Юрий относился к дочерям, к семье, была отдана всем людям. Именно поэтому люди относились к нему так же, с теплом, любовью и заботой.

Юрий Гагарин — воспитанник нашего советского народа. И как-то так получилось, что он принадлежал всему миру, всем странам. Я очень много слышал от наших зарубежных друзей — даже и не от друзей — разные люди говорили о нем с теплотой, с любовью. Некоторые астронавты говорят, что Юрий позвал их в космос.

Мне кажется, что имя Юрия Гагарина останется жить в веках. Пройдут годы, сменятся поколения людей, но имя его навсегда будет связано с обширным космическим пространством, со звездами, с великим подвигом советского народа. Это имя будут хранить в сердцах и в памяти своей новые экипажи, которые стартуют к звездам.

РГАНТД. Арх. № 413. Фоно (воспоминания).

Примечания

¹ Гагарин Ю.А. (1934—1968) — космонавт СССР, полковник, Герой Советского Союза. Родился в семье колхозника в г. Гжатске Смоленской области. В 1951 г. окончил ремесленное училище в г. Люберцы и одновременно школу рабочей молодежи. В 1955 г. окончил индустриальный техникум и аэроклуб в Са-

ратове, в 1957 г. — Чкаловское (Оренбургское) военное авиационное училище летчиков им. К.Е.Ворошилова. В 1968 г. окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е.Жуковского. После полета в космос Гагарин непрерывно совершенствовал свое мастерство как летчик-космонавт, а также принимал непосредственное участие в обучении и тренировке экипажей космонавтов, в руководстве полетами КК «Восток», «Восход», «Союз». В 1964—1968 гг. заместитель начальника Центра подготовки космонавтов. Ю.А.Гагарин трагически погиб в авиационной катастрофе вблизи деревни Новоселово Киржачского района Владимирской области при выполнении тренировочного полета на самолете.

² *Титов Г.С.* (1935—2000) — космонавт СССР, генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза, кандидат военных наук. В 1957 г. окончил Сталинградское военное авиационное училище. В 1960—1970 гг. в отряде космонавтов. В 1968 г. окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е.Жуковского, в 1972 г. — Военную академию Генштаба им. К.Е.Ворошилова. В августе 1961 г. совершил второй в истории человечества полет в космос.

³ *Королев С.П.* (1906/07—1966) — советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, академик АН СССР (1958), дважды Герой Социалистического Труда. Под руководством Королева созданы космические корабли «Восток», «Восход», на которых впервые в истории совершены космический полет человека и выход человека в открытый космос.

⁴ *Хрущев Н.С.* (1894—1971) — советский партийный и государственный деятель. С 1953 г. 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 гг. председатель Совета министров СССР. Октябрьским Пленумом ЦК КПСС 1964 г. освобожден от обязанностей 1-го секретаря и главы правительства.

⁵ *Брежнев Л.И.* (1906—1982) — советский партийный и государственный деятель, Маршал Советского Союза. В 1960—1964 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1964—1966 гг. 1-й, с 1966 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета обороны СССР.

⁶ *Гагарина (Матвеева) А.Т.* (1903—1984) — родилась в Петербурге, в семье рабочего. Отец работал металлистом на Путиловском заводе. Анна Тимофеевна училась в Рукодельном училище при заводе, но окончить его ей не удалось. Перед революцией семья переехала в деревню Шахматово, недалеко от Клушино.

⁷ *Водопьянов М.В.* (1899—1980) — советский летчик, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации. В 1934 г. участник спасения экипажа парохода «Челюскин», в 1937 г. — воздушной экспедиции на Северном полюсе. В Великую Отечественную войну командир авиационной дивизии.

⁸ *Волынов Б.В.* (род. в Иркутске в 1934 г.). В 1952 г. окончил среднюю школу в г. Прокопьевске, в 1955 г. — Сталинградское военное авиационное училище летчиков, в 1968 г. — Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е.Жуковского. Кандидат технических наук. В отряде космонавтов в 1960—1990 гг.

Корабли взлета: «Союз-5» (1969 г.), «Союз-21» (1967 г.). Дважды Герой Советского Союза. Полковник.

«О КОЛЫМЕ, ТОВАРИЩАХ, СУДЬБЕ»

Из воспоминаний И.С.Исаева о 1936—1955 гг.

В публикуемых воспоминаниях Ивана Степановича Исаева о 1936—1955 гг. нет выдумки, он писал так, как было, не пытаясь ни приукрасить, ни изобразить события страшнее, чем на самом деле. Все произведения о Колыме того страшного времени, как элементы мозаики, создают единое целое и пытаются донести до нашего поколения картину того, что пришлось пережить нашим отцам.

Позволю себе привести отрывок из письма Я.Д.Амполского, друга моего отца: «Я ярко представляю себе те события, которые мы переживали многие года, начиная с 1937 г.: вывод из Бутырки, погрузка в вагоны, поездка ж[елезной] д[орогой] Москва—Владивосток. Затем поездка морем в трюме парохода в течение 5-ти суток по Охотскому морю, где временами сильно сказывался шторм. Высадка в Нагаево и многодневный поход под конвоем до Оротукана. Этот поход был мучительным испытанием.

Я и сейчас ярко представляю наше состояние в этом походе. Помню, как выглядел тогда ты: худой, обросший рыжеватой бородой. Тебе, помню, несколько раз напоминали и друзья, и конвоиры: “Эй, старик, не отставай!” Хотя этому «старик» тогда было около 30-ти лет. И ты тогда удивлялся этому замечанию. Хотя и друзья, и конвоиры делали тебе замечание не шутя.

А мне было тогда 45, но выглядел я старше 80-ти».

В своем эссе «О смерти» Иван Степанович писал: «Судьба Варлама Шаламова, человека одного со мной возраста, мучает меня по ночам. Он пережил то же (в большей или меньшей степени), что и я, он был в тех же самых местах, но сумел потом достичь много большего, чем это удалось мне — написал несколько сборников стихов (философски умных, хотя временами до жесткости обнаженных). Его рассказы опубликованы за границей, говорят, произвели там большое впечатление. Пришла слава, можно сказать — мировое признание. А сам создатель всего этого находится в доме престарелых в пределах Москвы, возле метро «Планерная». Находится в беспомощном состоянии. Слепой, глухой, почти лишенный речи, с нарушением координации движения. Заканчивает свое существование растительной, животной жизнью. Здесь, видимо, сказываются все контузии, которые он получил от жизни...»

Написано это было в 1981 г., за год до смерти Варлама Тихоновича. Мои родители дружили с Шаламовым, и именно отцу пришлось устраивать его в этот дом престарелых.

Иван Степанович Исаев родился 25 октября 1907 г. в селе Богато-Попасная Новомосковского уезда Екатеринославской губернии в семье железнодорожника. Работать начал в 1923 г. в паровозном депо Мерефа-Херсонской железной дороги учеником слесаря, потом слесарем. В дальнейшем работал слесарем на строительстве Днепрогэса и на Трубопрокатном заводе в Днепропетровске. В 1930 г. вступил в партию. После демобилизации из армии учился в Московском архитектурно-строительном институте, потом в Литературном институте им. А.М.Горького на вечернем отделении. Работал во Всесоюзном управлении по охране авторских прав старшим инспектором, а затем заместителем директора управления. В 1935 г. был арестован, осужден Особым совещанием НКВД СССР к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на Колыме.

И.С.Исаев

После освобождения женился на Галине Александровне Воронской, с которой был знаком еще по Литературному институту (она тоже была осуждена и отбывала срок там же, на Колыме). Реабилитирован в 1955 г. В Москву вместе с семьей переехал в 1959 г.

Работал инженером-экономистом в проектно-институте «Гипросахар», потом в тресте «Мосэнергострой» Минэнерго СССР заместителем начальника и начальником планового отдела. Не стало Ивана Степановича в 1990 г.

Литературное наследие И.С.Исаева представляет собой рукописи, написанные неразборчивым почерком, многие из них незакончены. При жизни ни одно его произведение не было опубликовано. После смерти некоторые рассказы опубликованы на Колыме, в газете «Северная правда» и в одной из магаданских газет. Я надеюсь опубликовать воспоминания отца, написанные в основном в 1960—1970 гг., отдельной книгой.

Колыма помнит о тех, чьей кровью окрашено добытое там золото, на чьих костях стоят все здания. В поселке Ягодное организовано общество «Поиск незаконно репрессированных» (ПНР). И.А.Паникаров, возглавляющий это общество, на свои деньги купил квартиру и устроил в ней музей. Его трудами установлен памятник на «Серпантинке» — месте массовых расстрелов. Памятник установлен и на Левом берегу. В 1996 г. в Магадане открыли «Маску скорби» — памятник репрессированным по проекту Эрнста Неизвестного. Издан расстрельный список по Магадану и Магаданской области.

В «Шаламовском сборнике», выпуск 2-й, изданном в Вологде («Грифон», 1997), опубликованы воспоминания И.С.Исаева о В.Т.Шаламове («Первые и последние встречи»). В журнале «Исторический архив» опубликованы воспоминания моей мамы, Г.А. Воронской, о М.В.Фрунзе (1995. № 5—6), об А.К.Воронском (1997. № 1) и письма В.Т.Шаламова Г.А.Воронской (2000. № 1).

Публикацию подготовила Т.И.ИСАЕВА.

Арест

Уверен в том, что существуют тысячи, а, может быть, и сотни тысяч воспоминаний, биографических повестей о том, как нас арестовывали, судили и отправляли в разные лагеря умирать с общим для всех обвинением: «враг народа». Эту литературу усиленно начали писать после того, как в журнале «Новый мир» в первой половине 1960-х годов была опубликована до предела обнаженная повесть «Один день Ивана Денисовича»¹. Говорят, после этого журнал завалили подобной литературой настолько, что главный редактор А.Т.Твардовский² заявил: «Что же, у меня журнал «Каторга и ссылка»³, что ли?»

Потом оказалось, что повесть А.И.Солженицына была первой ласточкой, за которой так и не наступила весна. И все-таки то, что написано, до какой-то степени сохранится для свободного от тоталитарных условий исследователя. Конечно, мы не Пимены, а огромная масса людей, издающая только один общий крик души.

Сейчас при формальном признании нарушений законности в период «культы личности» все делается так, чтобы об этом не думали, не вспоминали, забыли. И это понятно. Никто из ныне руководящих не хочет, чтобы возникали исторические аналогии. А поводов для этого больше, чем достаточно. Только память наша, как толстовская трава весной из романа «Воскресенье», пробивается и среди камней, или растет, как молодые березки на обезглавленных и заброшенных церквях.

...Меня арестовали 25 июня 1936 года. Этот год и предшествующий ему 1935 г. (после убийства С.М.Кирова)⁴ были вступительными к событиям, которые называются «1937 год», и этим как бы все сказано.

Я был членом партии, работал, учился. За неделю или две до ареста был направлен партийной организацией Союза писателей в Краснопресненский райком партии в помощь по обмену партийных билетов. Работа наша по преимуществу была техническая, но при заполнении документов (приличия ради, что ли) нам приходилось задавать два-три вопроса общеполитического характера, которые, якобы, могли выявить зрелость коммунистов, получающих новые партийные билеты.

Из такого опыта запомнилось: в Краснопресненском районе находилась Правовая академия — было такое высшее учебное заведение, в которое принимали с начальным образованием. В Академию направляли крупных чиновников из прокуратур краев, областей, республик. На задаваемые вопросы (по возможности, правового порядка) они дико тарасили глаза и отвечали:

- Товарищ Сталин.
- Какой верховный орган власти в республике?
- Товарищ Сталин.
- Кто разрабатывает и утверждает законы?
- Товарищ Сталин.
- Кто председатель ВЦИК СССР?
- Товарищ Сталин.

Разъяснять в таких случаях было опасно. Правда, все это я понял много позже, когда почти полтора года ждал в Бутырской тюрьме решения своей судьбы, которую решали выпускники Академии.

Но моя работа по обмену партийных билетов никакого отношения к тому, что меня потом арестовали, не имела. Арест случайно совпал с этой работой.

За три или четыре дня до ареста я заболел, неожиданно поднялась температура. Дочь хорошей моей знакомой помогла мне добраться домой в район Красных ворот.

24 июня секретарь парткома позвонил домой и справился, как я себя чувствую. Забота была связана скорее всего с тем, что на следующий день партийная организация Союза писателей должна была обменивать партийные билеты, и секретарь, наверное, хотел, чтобы все было сделано организованно и сразу для всех. Я ответил, что чувствую себя удовлетворительно и буду вместе со всеми.

— Ну вот и хорошо, — ответил довольным голосом секретарь.

Документы для обмена билета у меня были уже приготовлены. Все это я выложил с вечера на письменный стол.

Поздно ночью в мою небольшую комнату, которую я снимал у бывших нэпманов, вошли четверо неизвестных в штатском, у самых дверей топтался дворник. Состоялся скорый обыск, изъятие документов, писем, записных книжек, дневника. А затем короткое, приказное: «Поедьте с нами».

И я поехал в чем стоял, в костюме и без головного убора, точно ненадолго, к знакомым.

Привезли меня в открытой легковой машине по ночной Москве к одному из подъездов Лубянки-2. Этот подъезд я вижу и сейчас, когда случайно приходится проходить мимо этого гранитного бастиона.

Все подробности тогдашних арестов в большинстве своем похожи друг на друга, в этом мы убедились сами, расспрашивая друг друга в тюрьме и в лагере. Под конец все это надоело, стало стереотипным, поэтому спрашивать, когда, как и за что стало уже неприличным.

Предчувствовал ли я возможность ареста? Нет, не предчувствовал. Встреча нового 1936 года шла под речитатив сталинских мудрых изречений: «Жить стало лучше, жить стало веселее», хотя перед этим произошло убийство Кирова и по всем партийным организациям прорабатывалось «Закрытое письмо ЦК».

То, что надвигается на страну, не понимал и не предчувствовал не я один. Позже выяснилось: этого не понимали и более зрелые, мудрые и опытные. Все были загипнотизированы таинственным смыслом слов «так надо», что делается это во имя какого-то высшего смысла жизни партии, народа, социализма.

«Оставь надежду, всяк сюда входящий» — так сказано в «Божественной комедии» Данте. Первое отрезвление и просвещение произошло в камере внутренней тюрьмы на Лубянке.

Прежде, чем ввести в камеру, меня заставили принять душ, где все блестело никелем, кафелем, стерильной чистотой. После обыска, ареста,

а потом такого шикарного душа, болезни, которые все еще сидели во мне, ушли окончательно. Даже сейчас стыдно себе признаться, что тогда, приняв душ, я почувствовал себя легко и свободно. Физиология победила разум.

Узкий коридор, по которому меня вели в камеру, был устлан мягким, чуть ли не ворсистым ковром. Во всяком случае, шагов на нем не было слышно, да и сопровождающий меня был обут в валенки. Только на поворотах охранник («попка») постукивал тяжелым тюремным ключом по металлической пряжке военного ремня. Смысл этих звуков-сигналов я узнал позже. Таким способом предупреждалась возможная встреча с другими конвоирами и арестованными. И если все же такая встреча происходила, тогда один из конвоиров поворачивал своего заключенного лицом к стенке и приказывал не оборачиваться.

Все сохранялось в строжайшей секретности. В камере, куда меня ввели и закрыли массивную дверь, находилось человек 7—8, по большей части бледных и давно небритых. Меня окружили, говорили шепотом, посматривая на глазок двери. Расспрашивали, когда арестовали, за что, Что нового на воле. На первый вопрос ответить было легко. На второй не мог, так как на самом деле не только не знал, но даже и не подозревал. На третий, о новостях, лепетал что-то маловразумительное и явно не то, что они хотели узнать.

Затем рядом наводящих вопросов начала выясняться степень моей «виновности» и мера «возмездия»:

— Член партии?

— Да.

— В оппозиции был?

— Нет.

— Знакомые оппозиционеры были?

— Да.

В результате было вынесено заключение, что меня здесь долго не задержат, так как внутренняя тюрьма для птиц более высокого полета. А мне предъявят обвинение «за связь» и срок дадут от трех до пяти лет.

Меньше, чем через сутки, меня на «черном вороне» привезли в Бутырскую тюрьму, в камеру № 78 на третьем этаже.

Тюрьма

В камере Бутырской тюрьмы порядки были более свободные, говорили нормальными голосами, людей было в два раза больше. Кроватей с постельными принадлежностями не было. Обеды по большей части из трески, и никаких компотов, и один общий на всех чайник.

Первое знакомство с обитателями камеры прошло по установившемуся образцу, а потом началась для меня долгая (один год и три месяца) тюремная жизнь.

Вопреки правилам мой путь «к солнцу», т.е. к окну и свежему воздуху начался не с параша, а на почтительном расстоянии от нее. Это объяснялось тем, что тогда (да и много месяцев спустя) наша 78-я ка-

мера была почему-то загружена не на полную мощность. Кажется, большинство камер в Бутырской тюрьме рассчитано на 25 человек. Столько в ней было лежачих мест: толстой парусины, натянутой на металлические трубы, что напоминало современные раскладушки, только накрепко привинченные к стенам камеры.

Между койками-раскладушками небольшой проход, а между рядами коек был проход метра полтора, по которому многие двигались, не оттаптываясь и не прекращая думать, думать, думать. В конце прохода в простенке между двух зарешеченных окон тяжелый стол, на котором всегда стоят большой чайник, кружка, несколько алюминиевых мисок и ложек.

В камере, когда меня туда ввели, находилось человек 15—16. Некоторые, как например, Алексей Петрович Мамаев, сидели уже девять месяцев. У некоторых, как потом выяснилось, были клички, заимствованные из пьесы Н.Ф.Погодина⁵ «Аристократы». Был Костя-капитан, Цыган, Батя (Поп) и т.д. Жалели только, что нет Соньки.

Первое время меня поразило и несколько шокировало удивительное, как мне показалось, беспечное отношение к своей судьбе, своему будущему. Потом я понял, что чаще всего это было защитной реакцией. Все старались шутить, рассказывали разные истории из прошлого, хвастались своими романтическими похождениями и успехами у женского пола.

В первый же день, еще до допроса, меня подробно и обстоятельно проинструктировали, как надо держаться: никого из знакомых не называть и вообще как можно меньше впутывать невинных людей. Это была строгая и разумная беседа.

Не помню, как скоро меня вызвали на допрос после перевода в Бутырки. А когда вызвали, то предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности: срывал со стен портреты стахановцев и топтал их ногами (где, когда, при каких обстоятельствах — это не уточнялось), выплачивал авторский гонорар врагам народа и вообще обуржуазился и целовал дамам руки.

Я спросил, какие доказательства того, в чем меня обвиняют.

— Ишь чего захотел — доказательств. Ты сам должен здесь чисто-сердечно признаться во всем, в чем я тебя обвиняю.

В общем, все это, как я потом убедился в тюрьме и в лагере из разговоров с товарищами, было одна тысяча сотым вариантом допроса.

Следователь у меня был Горелкин, который между вопросами и моими ответами сделал и такое откровение:

— Как же ты мог, член правящей партии, допустить, чтобы тебя арестовали?

— А что же я мог сделать?

— Других сажать, — последовал убежденный ответ.

Не знаю, помогло ли ему самому то, что он сажал других. Скорее всего, нет. Среди них шла своя яростная грызня за места, чины, имущество арестованных и многое другое. Об этом мне приходилось слышать от ему подобных, когда они были уже на «заслуженном отдыхе», выращивали розы на дачах.

Бухта Нагаева

Урановый рудник Бутугычаг. Магаданская обл.

Озеро Джека Лондона. Магаданская обл.

Памятник жертвам политических репрессий «Маска скорби».
По проекту Э.Неизвестного

Относительно моего дневника (как доказательство инакомыслия) следователь сказал: «Какой дурак сейчас дневник ведет». И в этом он, кажется, действительно был прав.

После первого и второго допросов меня надолго забыли и не вызывали месяцев пять-шесть. За это время я успел освоиться с тюремной жизнью, с самыми разными людьми, которые проходили через камеру № 78.

Мы сами считали свою камеру партийной. В нашей камере на протяжении многих месяцев сидели только члены партии, арестованные с партийными билетами или незадолго до ареста исключенные. По нашим оценкам, «дела» у всех были пустяковыми, и нас надо бы выпустить, если не всех сразу, то по одному. Поэтому мы вслух про себя рассуждали, что нас не смешивают со всей остальной массой заключенных, среди которых, наверное, есть и настоящие враги народа. Эта попытка внутренне отгородиться от других была не только в масштабе всей тюрьмы, но и внутри самой камеры.

Не все принимали участие в «комбеде», т.е. в комиссии, которая собирали деньги для тех, у кого не было переводов и кто не мог ничего купить в лавочке. И делалось это отнюдь не из жадности, а по политическим мотивам. Вдруг среди тех, кому помогли, окажется действительно виновный? Но постепенно люди умнели, и все это отпадало само собой.

У меня при решении каких-то общекамерных вопросом проявились качества, внушавшие доверие окружавших меня людей, поэтому при очередном вызове на букву «М» или «П» с вещами, в число которых попал и наш староста, меня заставили принять эту должность, и мне надо было отвечать и перед тюремным начальством, и перед своими же товарищами за мелкие проступки тех, у кого сдавали нервы.

В должности старосты камеры я ходил очень долго, чуть ли не до отправки на этап. Во всяком случае, когда однажды ночью в камеру ввели очередных заключенных, 3—4 человека, среди них оказался и один из товарищей, который уже сидел в нашей камере месяцев шесть-семь назад. Потом его взяли и возили по разным областным тюрьмам для доследствия и очных ставок, и вот теперь вернули снова в Бутырки.

Приближалось начало нового, 1937 года. Мы готовились встретить его по всем известным для русского человека традициям. У коридорного (среди которых тоже были люди) мы получили молчаливое согласие, что в 12 часов ночи он стукнет ключом в нашу дверь и принесет чайник кипятку.

Случилось так, что незадолго до Нового года для нашей камеры была лавочка, и часть продуктов мы оставили для новогоднего ужина. Готовил закуски и сервировал стол Алексей Петрович Мамаев, в прошлом отличный повар, которого приглашали для обслуживания иностранных делегаций. На столе против каждого прибора лежали даже небольшие треугольнички бумажных салфеток. Правда, такая бумага нам выдавалась совсем для других целей.

Готовилась и камерная самодеятельность. Были у нас и чтецы-декламаторы, и исполнители старых, тогда еще не забытых романсов. По поводу того, что петь, кто-то заметил: «Гимн заключенных — «Ши-рока страна моя родная»».

Были рассказчики. Мог сплясать лезгинку Хасат-Пири, толстый, ленивый и, казалось, неуклюжий, как медведь, армянин, умевший так мелко, мелко перебирать ногами в такт восклицаниям «Асса! Асса!» и так сверкать белками своих восточных глаз, что не верилось, что это может делать такой нескладный с виду человек.

Примерно за час-полтора до заветных двенадцати часов туго и угрожающе шелкнул дверной замок, в приоткрытую дверь высунулась голова надзирателя и проговорила:

— На букву Мэ!

Все переглянулись и некоторое время молчали. Неужели в такой час, когда люди должны встречать Новый год, возможны еще этап и допрос?

Наконец, среди затянувшейся тишины раздался негромкий и чужой для этого человека голос: «Мамаев».

— С вещами, — последовал ответ надзирателя, и дверь закрылась.

Вызов Мамаева с вещами для всех нас был неожиданностью. Алексей Петрович был самым старым обитателем нашей камеры. Дело его давно было закончено, а он продолжал сидеть и, казалось, никуда его отсюда не возьмут.

Я с Алексеем Петровичем провел много часов, дней и месяцев рядом на койке, знал всю его жизнь, семью (жена и двое мальчиков), которые жили без него в страшной бедности. У них не было запасов про черный день, поэтому Алексей Петрович никаких денег с воли не получал и полностью состоял на иждивении «комбеда».

Был я у Алексея Петровича своего рода душеприказчиком. Однажды в бане он вывел меня в самое потаенное и мало исписанное место у стены и сказал:

— Ваня, если со мной что случится, отправят на этап или еще что, я напишу вот здесь. Запомни.

И я действительно запомнил, но об этом несколько позже.

А пока по тюремной традиции мы всей камерой начали собирать Алексея Петровича «с вещами». Собирали долго. Клади в его мешок и сухари, и хлеб, и все, что только лежало на столе, приготовленное для встречи Нового года. Клади в мешок и некоторые вещи, которые для кого-то оказались лишними. Сам Мамаев сидел на своей кровати какой-то отчужденный и безразличный к тому, что для него делалось, и было страшно на него смотреть. Лицо, и без того бледное после многих месяцев тюрьмы, побелело совсем. Особенно выделялся нос, он казался гипсовым.

Через дверь уже несколько раз спрашивали: «Готов?»

А мы отвечали: «Сейчас, скоро».

Наконец, Алексей Петрович пришел в себя, тяжело поднялся и начал обходить всех своих сокамерников, жал руки, обнимал и целовал. И

никто не мог сказать, что это: тюремный ритуал, традиция или действительно последнее целование.

Когда за Мамаевым закрылась дверь, мы долго не могли прийти в себя, хотя до этого сотни раз провожали разных товарищей с вещами и, казалось, должны были привыкнуть. Обсудив самые разные предположения относительно дальнейшей судьбы Алексея Петровича, мы разошлись по своим койкам, а новогодний ужин так и остался на столе нетронутым.

После этого случая мне еще пришлось много месяцев сидеть в Бутырках, все в той же 78-й камере, но я так ничего и не узнал о судьбе Мамаева.

Не нашел я никакой записи в бане, хотя все стены ее были сплошь исписаны: «Получил три года ни за что. Миша»; «Получил пять лет ни за х...». Были и стихи:

Прощай свобода и девочки мои,
Получил три года, привет из Чибиа.

Что случилось в новогоднюю ночь с Алексеем Петровичем, я узнал спусти два года на Колыме, на прииске Стан Утиный. Было жаркое колымское лето, самый разгар промывочного сезона. Мы «искупали свою вину» трудом и добывали для могущества государства золото, которое в газете «Советская Колыма» называлось «металл № 1». В забой, где я работал, во время перекура вошел незнакомый человек, москвич, в прошлом инженер какой-то коммунальной службы. Разговорились: когда арестовали, где сидел, кого помню по камере и т.д. Таким образом мы часто узнавали о судьбе своих знакомых и близких. Я без особого желания отвечал на эти уже надоевшие вопросы, пока он не назвал фамилию Мамаева. После того, как я рассказал своему незнакомому земляку все, что я знал об Алексее Петровиче, он продолжил своего рода рождественский рассказ о том, что с Мамаевым произошло дальше.

Оказывается, Алексея Петровича в ту новогоднюю ночь выпустили на свободу. Для того времени это был почти невероятный случай, тем не менее мой новый знакомый уверял, что это была правда, и рассказал подробности его возвращения домой.

Все это действительно похоже на святочный рассказ, достоверность которого я потом, увы, проверить не мог. Будучи реабилитированным и вернувшись в Москву, я пытался через справочное бюро узнать, где живет Мамаев, но получил ответ: «Не проживает». Хотел узнать через соседей. Я хорошо помнил по его рассказам, что он жил на Пречистенке, дом 13, квартира 13 и что его жена Аня часто ему говорила:

— Уж очень несчастливый номер и дома, и квартиры.

На что Алексей Петрович только отшучивался, говорил, что он не затем воевал за советскую власть, чтобы верить в предрассудки.

На бывшей Пречистенке (Кропоткинская ул. — Т.И.) дома № 13 не оказалось. Дом, видимо, разбомбили во время войны и место это, недалеко от кинотеатра «Художественный», засажено деревьями и огорожено чугунной решеткой.

Из рассказа о том, как освободили Мамаева под Новый год. Говорят, в канцелярии тюрьмы Мамаева встретили грубоватой шуткой:

— Что же это ты так долго собирался? Тебя на волю отпускают.

Поверил этому Мамаев или нет, неизвестно. Только вернули ему все отобранные вещи, взяли подписку о неразглашении тайны и напутствовали: «Иди и больше не попадайся».

Пока шло оформление в канцелярии тюрьмы, давно уже начался новый, 1937 год. Трамваи не ходили, и Алексей Петрович, весь переполненный сложными чувствами, шел с сумой на плечах через ночной город к себе на Пречистенку.

На звонок в дверь подошел сосед и спросил: «Кто там?»

Алексей Петрович ответил: «Мамаев».

А тому, видно, послышалось, что спрашивают Мамаева.

— Его нет.

— Да нет же, я сам Мамаев.

— Алексей Петрович, ты?

— Я, я, — горячо ответил Мамаев.

Последовала настороженная пауза, а затем вопрос:

— А как ты сюда пришел? Ты же был «там»!

— Да выпустили меня, выпустили, не сбежал.

— Справка есть, что выпустили?

— Открывай, ради бога, я устал и замерз.

Сосед открыл и увидел, как он потом признался, незнакомого человека с бородой, похожего на Достоевского⁶. В это время из комнаты, где встречали Новый год, вышли другие соседи. Начались охи, ахи, слезы, объятия, поцелуи. А Алексей Петрович тем временем роется в кармане и достает бумажку из Бутырской тюрьмы, что его освободили.

— Алексей Петрович, родненький, да спрячьте вы эту бумагу, мы и так знаем, что вы могли прийти домой только честным путем.

Женщины о чем-то быстро пошептались и отправили Алексея Петровича в ванную, дали чье-то белье, сорочку, а сами пошли будить жену Алексея Петровича Аннушку.

Они ей не сказали, что Алексей Петрович вернулся домой, а пригласили посидеть вместе со всеми и встретить Новый год. Они ее приглашали и раньше, но она категорически отказалась.

— Ну какой мне праздник, вы же знаете, какое у меня горе.

А на этот раз соседки, разбудив ее, уговорили-таки выйти и посидеть вместе со всеми — ну хотя бы пять минут. Мы же загадали, что если вы выйдете, Алексея Петровича обязательно отпустят, ведь он же ни в чем не виноват.

Аннушка не выдержала, раз загадали и сказала, что сейчас оденется и выйдет.

А тем временем Алексей Петрович быстро, быстро помылся — ему нетерпелось увидеть жену и детей — и вышел из ванной в своем измятом костюме с неистребимым запахом тюрьмы. Он уже хотел идти к себе в комнату, но его удержали и усадили за стол, сказав, что Анна сейчас выйдет сюда.

Его попросили сесть за стол среди гостей, и когда придет Аня, ничего не говорить. Интересно, узнает она или нет, ведь вы сейчас так мало похожи на себя. И Алексей Петрович согласился.

Вошла Аня с заспанным лицом. Ее усадили на заранее подготовленное место, налили вина, положили на тарелку закуску. За ней ухаживали все сразу.

— Ну вот и хорошо, что вышли, даст бог, все будет хорошо, — говорили они наперебой.

А Аня посматривала на лица людей.

И вдруг незнакомое, бледное лицо с усами и бородой, а на нем близкие, родные глаза, наполненные слезами.

— Лешенька! — крикнула Аннушка, зазвенела и покатилась рюмка, и все в комнате смешалось. Все плакали и смеялись, все снова поздравляли Алексея Петровича с возвращением и все говорили:

— Нет, 1937 год будет самым лучшим для всей нашей страны, для нашего народа, для всех нас. Ведь скоро будет двадцать лет, как установилась советская власть.

Бедные, наивные люди. Никто теперь не знает, сколько из них именно в этом 1937 году потеряли своих родных, близких, а, может быть, и собственные жизни.

Об этом периоде говорили (да только однажды и давно), что культ личности принес народу неисчислимые страдания. Неисчислимые потому, что их никто не хочет исчислять. Спросите любую семью и окажется, что каждая из них кого-то потеряла.

Недавно сообщалось по радио, что комсомольская экспедиция разыскала место хранения продуктов экспедиции Седова⁷ и что эти продукты сохранились в зоне вечной мерзлоты. Тела умерших от голода, непосильного труда и расстрелянных во времена гаранинщины⁸ на Колыме будут еще долго лежать нетленными в вечной мерзлоте с деревянными бирками на ногах. Это «архив № 3» на лагерном языке, это дистрофики, доходяги, цинготники. Разыскать их легко, без особых дорогостоящих экспедиций. Они на территории каждого прииска и лагерного поселка...

Но об этом я расскажу несколько позже, а пока вернемся к Алексею Петровичу Мамаеву. На прежнюю работу его не взяли (он до ареста заведовал столовой при одном из райкомов партии). Поступил поваром в какую-то третьесортную столовую. Что было с ним дальше — инженер не знал, так как вскоре сам был арестован.

Вот такой произошел случай в Бутырской тюрьме в самом начале страшного 1937 года.

Я почти до самого октября продолжал сидеть в тюрьме. За это время мне объявили под расписку решение комиссии партийного контроля, что меня исключили из партии за контрреволюционную деятельность. Это сообщение никакого впечатления на меня не произвело. Я уже видел и знал многих бывших профессиональных революционеров, крупных государственных и партийных деятелей, с которыми мальчишки-следователи вели себя с нескрываемым цинизмом.

— Плевать я хотел на вас, старых большевиков.

— Что, ордена получали за боевые заслуги? Вот они, ваши побрякушки, — при этом выдвигался ящик стола, из которого извлекалась пригоршня орденов. — А ты говоришь, ордена.

— Товарищ Сталин их давал, он же и отобрал, раз не заслуживаете их носить.

Начальником Бутырской тюрьмы в мою там бытность был Попов⁹, человек с черными, жесткими усами, с одним или двумя ромбами в петлицах. Он редко делал обходы камер, видимо, считал это ниже своего достоинства. Дело в том, что он был сильно ущемлен в карьере. До Бутырок он был начальником тюремного отдела НКВД СССР, а потом за что-то его понизили. О том, кем он был до тюрьмы, мы узнали из «Правил внутреннего распорядка», подписанных начальником тюремного отдела Поповым. Когда он все же делал такие обходы, любимой его поговоркой было: «Горе вам, горе вам». При этом нельзя было понять, с угрозой он это произносил или с сочувствием.

Его любимым занятием было наказание камеры «лишением прогулки» за кормление голубей. Войдя в камеру, он направлялся к окну и если только на подоконнике видел крошки хлеба, тут же заявлял:

— За кормление голубей хлебом камеру лишая прогулки.

Надзиратель, сопровождавший Попова, что-то записывал в свой журнал.

— А если и дальше будет повторяться, старосту на трое суток посадить в карцер.

Надзиратель снова записывал.

Но справедливости ради надо сказать, что Попов, несмотря на угрозы, так ни разу в карцер меня не посадил.

А голуби, в конце концов, поплатились жизнью за то, что брали хлебные крошки из рук «врагов народа». Произошло это так. Одному из голубей, которые свободно залетали в камеры, кто-то привязал к лапке не записку, а целое письмо. Сделано это было по глупости, конечно. Голуби были тюремные и никуда письмо отнести не могли. По бедному голубю начали со всех сторон стрелять так, что свинцовые пули только шелкали по кирпичным тюремным стенам. А с вышки раздавался угрожающий окрик часового:

— Отойди от окна, стрелять буду.

Большую часть обитавших в тюрьме голубей перестреляли, а остальные забились в укромные места.

Вскоре голуби не смогли уже садиться на подоконники камер. Кажется, весной или летом 1937 года на окна начали навешивать «намордники». Это металлические щиты с толстыми, слабо пропускающими свет стеклами. При таких сооружениях через окна нельзя уже было посмотреть ни вниз, на землю, ни вверх, на небо. Операция с намордниками проходила успешно, как вдруг, дойдя до третьего этажа, застопорилась и прекратилась почти на целый месяц.

Досужие наши арестантские умы лихорадочно заработали в желаемом для нас направлении. Решили, что ожидается смягчение режима,

пока одно печальное событие не положило конец нашим домыслам. Днем, во время прогулки, с вышки раздался крик часового:

— Стой! Стой! Стрелять буду!

Вслед за этим раздался один, а затем и второй выстрел. Слышно было, как по коридору протопали ноги надзирателей. Мы устремились к окну, чтобы посмотреть, что там случилось на прогулочном двореке (на наши окна «намордник» надеть еще не успели), но нашу любознательность пресек тот же окрик часового:

— Отойдите от окна! Стрелять буду!

А в прогулочном двореке — каменном мешке слышны были голоса людей и какой-то стон. Прогулку нашей камеры задержали на два часа. За это время мы успели получить информацию из соседней камеры.

Во время прогулки один из заключенных спрятался за выступ подпорной стены в прогулочном двореке, и, как только замыкающий надзиратель скрылся в коридоре, он бегом бросился к лесам и начал подниматься по наклонным доскам к верхней площадке. В это время мы и услышали крик часового. Достигнув верхней площадки, которая была на уровне третьего этажа, он вниз головой бросился на асфальт. Как была фамилия этого человека, мы не узнали, не удалось выяснить, умер он или все-таки остался жить.

Когда нас вывели потом на прогулку, мы увидели большое темное пятно на асфальте. После этого случая все наши рассуждения о переменах лопнули, как мыльный пузырь. Козырьки начали наращивать, работа днем и ночью, и дело было закончено в считанные дни.

Рассказывали мне еще об одном случае попытки самоубийства. Называли фамилию поэта Сергея Третьякова¹⁰. Лично я его не знал, но однажды слышал его выступление на каком-то собрании писателей. Помнится, он был еще молодой и неглупый. Правда, в своей литературной деятельности он разделял все благоглупости ЛЕФа¹¹. Много писал о Китае, он жил там несколько лет. Говорят, был порядочным человеком. Одна из его пьес называлась «Рычи, Китай». Где она шла, не помню.

Так вот, Сергей Третьяков, дважды бросался вниз головой с площадки лестничного марша, разбил голову о ступени. После первой попытки его лечили в тюремной больнице, что было после второй — не знаю.

Через камеру № 78 за год и три месяца прошло множество самого разного народа. Средний срок пребывания под следствием был 4—5 месяцев. У одних больше, у других меньше. Это были самые разные люди: партийные работники, инженеры, врачи, старые большевики.

Сидел директор Большого театра Мутных, директор Исторического музея Иванов — маленький, тихий человек, сам в какой-то степени музейный экспонат, начальник Мосэнерго Лукич, инженер-химик, друживший со многими видными революционными деятелями; заместитель председателя Совнаркома Республики немцев Поволжья Комиссаренко

(все остальное руководство республики тоже сидело, но в других камерах). Были работники Коминтерна, МОПРа¹² и др.

Из всех, кто прошел перед моими глазами, не было ни одного рабоче-го. Был один матрос с какого-то торгового судна, заходившего в иностранные порты.

Попал однажды в нашу камеру, но очень ненадолго, шпион, причем такой, который сам этого не скрывал. Похож он был на местечкового еврея дореволюционной России. Говорил, как мне казалось, одинаково плохо на всех языках мира. Он легко смешивал слова русские, украинские, польские, немецкие. Осмотревшись в камере и узнав, кто и что из нас представляет, он прямо сказал:

— Это меня по ошибке сюда посадили. Меня скоро должны обменять на какого-нибудь советского шпиона.

Дня через два его вызвали с вещами.

В Бутырской тюрьме тех лет была прекрасная библиотека, там были книги на всех языках мира и, как утверждали знающие люди, среди них очень редкие. Это объяснялось, видимо, тем, что в эту библиотеку сдавали конфискованные книги. Я часто ходил туда с кем-нибудь из товарищей по камере. Обычно за один раз мы приносили 30—40 книг по заказам и по собственному выбору.

В то время ходили слухи, что заведует тюремной библиотекой эсерка Каплан¹³, та самая, что стреляла в Ленина. Мне очень хотелось ее увидеть, но так и не удалось. А потом выяснилось, что все это была неправда.

На что надеялись и во что верили заключенные тридцать седьмого года?

Верили, что так долго продолжаться не может, слишком уж это неоправданное и труднообъяснимое явление. И увы! Все ошибались.

Надеялись, что произойдет какое-то событие, которое все это изменит. Но ничего не происходило.

И все один к одному расписывались под постановлением Особого совещания за установленные сроки 3—5—8 лет.

И Особое совещание и суды определяли 58-ю статью Уголовного кодекса. Только суд устанавливал статью и пункты 10, 11, 12, 14, а Особое совещание — формулировки: КРА, КРД, КРТД, ПШ¹⁴ и др.

Всех, кому были определены сроки по суду или Совещанию, собирали потом на пересылку, а дальше гнали по этапу, как во времена Достоевского, только другими средствами и в других количествах. Это были целые составы из вагонов, рассчитанных на 40 человек.

Для устрашения осужденных были собраны старые, еще царских времен, кандалы, очищены от ржавчины, смазаны и выставлены на видном месте. Но многим (в том числе и мне), долго просидевшим в тюрьме, хотелось поскорее добраться до лагеря.

Мы еще не знали тогда, как будем жалеть о тюрьме, в которой, несмотря ни на что, было сытно, тепло, не было труда, который превратил нас в тупых, изможденных и голодных животных.

Этап

Состав товарных вагонов, в котором меня везли в сентябре или октябре 1937 года, вышел из Москвы ночью с какого-то запасного пути. Куда нас везли мы, конечно, не знали, но предполагали, что на Колыму или в Воркуту. Откуда мы получали такие сведения, не помню, возможно, от тех, кого везли великим сибирским путем по второму разу. Это были заключенные, которые уже были в лагере, а потом их вдруг снова привозили в Москву на допрос, переследствие или очные ставки с новыми арестованными. Это были уже опытные лагерники, испытывавшие на себе все прелести лагерного труда, и они-то всеми силами «тянули резину», «темнили», чтобы подольше затянуть следствие и таким образом больше побыть в тюрьме.

Каков был наш состав, мы видели из зарешеченных окон вагонов на кривых поворотах пути, и нам постепенно, в течение долгого месяца, открывалась за далью даль, только не та, которую описал в своей поэме А. Твардовский. Твардовский, конечно, знал и о тех даях, которые видели мы в тридцать седьмом году. Его отца и мать репрессировали еще раньше нас.

...Длинной дорогой мы проезжали сотни, а может быть, и тысячи больших и малых станций. Что заметили мы тогда из окон теплушки? Нигде мы не слышали песен и не видели пьяных мужиков.

По дороге, где-то посередине пути, была остановка на день-два и устроена санобработка в местной бане, где в специальных камерах прожаривалось наше белье, а вернее пропитывалось паром, отчего становилось влажным, противным, а насекомые как жили в нем, так и оставались жить, только, кажется, от этого злее становились.

Нас мучила жажда, потому что кормили нас чаще всего селедкой да соленой горбушей, а воды или вовсе не давали, или давали мало. Мы били кулаками, ногами, дровами и всем, что попало в стенки вагона и кричали в тысячи глоток: «Воды давай! Хлеба давай! И все давай!»

Часовые бегали вдоль вагонов, матерились, грозили, что научат нас «свободу любить». Но чтобы не привлекать внимания граждан, нам давали и хлеб, и воду пополам с матерщиной и угрозами.

В ноябре месяце нас привезли во Владивосток и провели строем на пересыльный пункт. Впереди шли мужчины, а позади немногочисленные женщины. Через наши ряды, потихоньку, пропуская одну четверку за другой, пробирался к женским рядам художник Василий Иванович Шухаев¹⁵.

Я его знал по камере. Он долгое время жил в Париже, потом его уговорили вернуться в Россию. Он вернулся вместе с женой, детей, по моему, у них не было. Жена очень противилась возвращению, но Василий Иванович уговорил ее, а потом все время казнил себя за это, так как вскоре после его ареста арестовали и ее.

Первое время по возвращении в Москву он жил довольно неплохо. Ему удавалось много зарабатывать при оформлении праздников и парадов.

За себя Шухаев мало переживал, считал, что он со своим талантом и в лагере не пропадет. А художник он, действительно, был талантлив-

вый и в Магадане все годы работал в театре, а после реабилитации мне приходилось читать о его персональных выставках.

Но это было потом, а пока Василий Иванович пробирался к женской части нашего этапа, где была его жена. В ворота пересылки они вошли вместе, держась за руки, и лица их были счастливыми.

На пересылке началось усиленное общение мужчин и женщин. Особых строгостей, пресекавших такое общение, я не помню.

На пересылке хозяйничали лагерные старосты, бригадиры и прочие «придурки», преимущественно из блатных или, как их еще называли, «друзья народа». Конечно, эти «придурки» часто были не лучше вохровцев, но они не были вооружены и, как правило, падки на деньги, тряпки и другие лагерные ценности.

К тому времени на пересылке скопилось огромное количество заключенных. Посуды для еды не хватало, и нас кормили из банных тазиков, которые вряд ли даже мыли. Мы садились человек десять-двенадцать вокруг таких тазиков и хлебали лагерную баланду, не задуываясь, из какой посуды едим.

В самых последних числах ноября нас, несколько сот человек, повели, окружив собаками и вохровцами с ружьями наперевес, предупредив, что «шаг влево, шаг вправо считается побегом, и конвой стреляет без предупреждения».

Уже становилось холодно, а я продолжал свое путешествие все в том же костюме, в каком меня арестовали, а на голове вместо шапки было повязано казенное вафельное полотенце.

Между Владивостоком и Магаданом тогда курсировали три парохода: «Дальстрой», «Кулу» и «Джурма». Нас погрузили в трюмы парохода «Джурма», и мы поплыли путями великих мореплавателей, открывших этот далекий и богом проклятый край.

В море нас основательно качало. После тюрем, пересылок и этапа мы были основательно истощены, и нам не много было надо, чтобы с зелеными лицами лежать на нарах в трюмах, тяжело и натужно рвать остатками владивостокской баланды, а кроме того, нас еще заедали вши.

На Колыме

Пароход «Джурма» пришвартовался в порту Нагаево 13 декабря 1937 года. Нас, заключенных, в обычном порядке, нестройной толпой повели через будущий город Магадан¹⁶ на пересылку.

После морской качки и в результате пустых желудков земля у многих из нас качалась под ногами, кружилась голова. Но пока шли (а это было порядочное расстояние), движение и свежий воздух сделали свое дело, и мы по-немногу оправились.

Написав «свежий воздух», я вспомнил, как одна знакомая моего товарища по Колыме, уже в Москве, после его реабилитации, сочувствуя ему, сказала, имея в виду лагерь:

— Но все-таки вы были на свежем воздухе.

Мой товарищ пристально посмотрел на нее и ответил:

— Я этим вашим свежим воздухом был сыт вот так, — и он сделал выразительный жест рукой по горлу¹⁷.

И действительно, чего-чего, а свежего воздуха на Колыме при 50—60° мороза было сколько угодно. И как часто мы мечтали после 16—18 часов работы в забое поскорее добраться до душного барака и отогреть «душу», которая намертво примерзла к ребрам.

Но об этом потом. Впереди — еще четыре с половиной года лагерной жизни из всех двадцати двух лет, прожитых на Колыме. Привезли меня, как я уже писал, в декабре 1937 года, а выехал я в Москву вместе с женой и двумя детьми в июле 1959 года. Но все это случилось много, много лет спустя того дня, когда я впервые вступил на колымскую землю.

...Кажется, в тот же день нас всех погнали в баню¹⁸. В лагерном лексиконе слово «гнать» употребляется в разных смыслах: гнали на работу, гнали в этап, гнали в баню, в столовую, в карцер. Мы никуда не приходили сами, по своей воле, всюду нас гнали.

Одно было только место, куда нас не гнали, а волокли. Это могилы под сопками, которые рылись в вечной мерзлоте с помощью аммонала. В наше время такого рода взрывы можно было назвать «эхом войны», но для наших тогдашних взрывов никакие выпренные слова не годились. Это было бы кощунством над памятью наших товарищей.

В баню вместе с нами, только что прибывшими, запустили под разными предлогами с ведома охраны группу блатных, жулья, которые делали «шмон» всем нашим вещам, пока мы смывали с себя этапную грязь, пока нам стригли головы и лобки одной и той же тупой машинкой.

Надо сказать, что это только один я приехал в костюме, с вафельным полотенцем на голове. Большинство, поумней и подogaдливей, везли теплые и дорогие вещи. Тогда в моде были длиннющие кожаные пальто, на которые уходила не одна бычья шкура, фетровые сапоги с отвернутыми, как у всех блатных на Колыме, голяшками. Были и обычные пальто, чуть ли не на лисьем меху, дорогие шапки, теплое белье, хорошие костюмы черного или темно-синего цвета.

Когда все мы начали выходить с остриженными арестантскими головами в предбанник, нам выдали новое казенное обмундирование. В этот первый наш казенный комплект входило: нижнее белье, ватные брюки, сорочка из чертовой кожи полувоенного образца, телогрейка, бушлат, валенки, шапка, рукавицы и подобие шарфа из куска бумази.

Я, получив такое теплое обмундирование, решил, что теперь уже не буду так ужасно мерзнуть, как мерз до сих пор в своем потрепанном и замызганном костюмчике. Мне еще предстояло убедиться, что и это новое ватное обмундирование не будет спасать от колымских морозов, когда собственное дыхание издает шуршащие звуки, и это, по образному выражению, называется почти поэтически «шепот звезд». Что при таких морозах воздух приобретает особую проводимость. И что шаги людей по трассе, их голоса слышны за 3—4 километра так, как будто они находятся рядом, в 30—40 метрах от тебя. Но все эти знания пришли потом, много месяцев спустя.

А пока было первое сознание, что теперь будет теплее. Вообще говоря, так оно в начале и было, потому что нам пришлось 200 километров идти пешком, к месту своего назначения — прииску Стан Утинный Южного горно-промышленного управления Дальстроя НКВД СССР¹⁹. В дороге, в движении все-таки согреваешься.

Пока я надевал на себя арестантское обмундирование, в разных концах начались испуганные вопли и крики: где мое пальто? Где мои сапоги? Где моя шапка? Костюм? и т.д. В общем, начали тужить по волосам, когда голову уже сняли. Вохровцы в таких случаях делали вид, что ничего не знают и не принимали у нас на хранение личные вещи. Кто-то в предбаннике потерял сознание и его приводили в чувство нашатырем. Но это произошло не потому, что он так переживал за украденные у него веди. Может быть, у него, как и у меня, ничего не украли. Позже я говорил с этим человеком, который потерял сознание. Как и почему это случилось, он не знал, только уверял меня, что ему в это время было очень, очень хорошо. Он куда-то провалился, ничего не видел и ничего не чувствовал. И только когда его привели в чувство, он понял, что это была, быть может, лишь одна минута истинного счастья.

Шум и возмущения по украденным вещам так и закончились — шумом и, как говорят, «гневным возмущением». Да и продолжаться это долго не могло. К бане уже подвели другую партию заключенных, и нам надо было освобождать «жизненное пространство». Позже свои вещи заключенные моего этапа видели на лагерных старостах, ротных, блатных, дневальных и многих других из числа лагерных «придурков»²⁰. Видели их позже и на плечах высокопоставленных договорников — работников УСВИТЛА и других ведомств. Там тогда не брезговали ничем и особой щепетильностью не отличались. Когда кто-нибудь из бывших владельцев украденных вещей пытался говорить с теми, на чьих плечах их видел (в пределах лагеря, конечно), то получал ответ:

— Уходи, падло. Я эту хламиду в карты выиграл, а тебе пасть порву, если будешь еще шебуршать. Ты знаешь, что Колыма стоит на трех китах: мат, блат и туфта? Поэтому молчи, фрайер, если хочешь живым на прииск доехать.

Так или примерно так заканчивались выяснения отношений между выигравшей и проигравшей сторонами. Все мы в этой жестокой игре были проигравшими, и вещи были не самыми большими ценностями. Мы видели, как люди тысячами «гибли за металл» и знали, какая сатана «правит бал». Но если бы даже могли, как зверь, перегрызть себе лапу, нам бы и это не помогло освободиться из капкана.

Из Магадана, как правило, всех прибывших заключенных увозили на прииски, обогатительные фабрики, рудники и дорожные командировки (а женщин в совхозы Эльген и другие). Увозили на открытых автомашинах в любое время года (не дай бог, если это была зима). Увозили по единственной на всю Колыму дороге, которую до сих пор называют трассой.

Но в то время, которое я описываю, в Магадане собралось, видимо, большое количество «нашего брата», и машин не хватало. Тем более,

как мы узнали много позже, в начале зимы все машины усиленно завозили в глубинку, на отдаленные прииски и поселки продовольствие, обмундирование, горючее. По этой причине (а, может быть, были и другие) нас решили гнать по этапу пешком.

Каждая партия заключенных человек в 50—60 отправлялась из Магадана одна за другой с разрывом в 8 часов. Такой график, выражаясь современным производственным языком, должен был не создавать большого скопления людей на пунктах отдыха и сна, гарантировать своевременный подвоз продуктов и т.д. Но, как пелось когда-то в русской солдатской песне:

Гладко было на бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить,
А по ним ходить.

Через несколько дней график этот спутали снежные бураны, заносы на перевалах и другие еще и сейчас непредсказуемые изменения погоды.

И все-таки хуже всего было нашему этапу потому, что он был первым. Первым во все времена было труднее. Наш отдых и сон чаще всего устраивали в каких-то заброшенных и давно не обитаемых дорожных бараках, и нам приходилось приводить это жилье в такое состояние, чтобы в нем можно было согреться, вскипятить воду, поесть, отдохнуть или поспать. Но пока мы все это успевали сделать: заготовить дров, нагреть барак и прочее, времени на горячий обед и отдых уже не хватало. За нами по пятам подходил другой этап, а нам надо было двигаться дальше в путь-дорогу.

Повторялось так на многих наших этапах, пока за нами где-то не занесло на трассе, не их, конечно, а дорогу и им пришлось, как говорят, «сидеть у моря и ждать погоды». То же самое случилось и с нашим головным этапом.

Так, долго ли, скоро ли, со всякими вынужденными остановками и приключениями в пути мы прошли около двухсот километров чуть ли не за целый месяц. И начальство, наверное, решило, что так мы и до весны едва доберемся к местам назначения, а ведь мы уже числились за УСВИТЛом рабочей силой, которая должна выполнять нормы, добывать золото, олово, руду, многие другие работы по освоению Крайнего Севера. Правда, в литературе потом все эти подвиги в освоении края приписывались каким-то мифическим героям-комсомольцам, геологам и т.д. Они были и на самом деле, но их удельный вес и роль в огромной работе по освоению края была такой же, как инженеров при строительстве железной дороги из поэмы Некрасова²¹.

Что мы знали и что увидели на Колыме

У абсолютного большинства заключенных, прибывших на Колыму, сведения о ней были или весьма смутные, или вовсе никаких. Где-то подспудно теплились какие-то знания, неизвестно из каких источников полученные: Открыли ее казаки-землепроходцы Дежнев²², Семенов и

другие «со товарищами». Основная водная артерия края — река Колыма. На ней существуют три населенных пункта: Верхнеколымск, Среднеколымск и Нижнеколымск. Местное население — эвенки, чукчи и еще кто-то. Образ жизни кочевой. Основное занятие — оленеводство, охота, рыболовство. Из рассказов В.Г.Короленко²³ «Сон Макара» и других знаем, что население Крайнего Севера жило бедно, голодно, болело разными болезнями, в том числе и венерическими²⁴. Одежду носило из оленьих шкур.

Ничего действительного и воображаемого из жизни местного населения мы не увидели ни в первые дни пребывания на Колымской земле, ни в течение последующего пребывания в лагерях, ни при «вольной» жизни. Ни я сам, ни мои знакомые никогда не видели настоящей яранги, табунов диких оленей, подлинного уклада жизни местного населения. О строганине из мороженой рыбы, оленьем мясе, нерпичьем сале и других экзотических вещах мы знали только понаслышке, и чаще всего из третьих или десятых рук. В районе деятельности Дальстроя местного населения не было. Их, наверное, в административном порядке оттеснили куда-то вглубь территории. А то небольшое количество, которое по каким-то случайностям оказывалось близки многочисленного и незнакомого им племени, каким были мы, уходили подальше сами, объясняя это таким образом:

— Скучно стало, народу много, в тайгу уходить надо.

Какую же культуру, прогресс и технику принес с собой Дальстрой НКВД СССР? Конечно, из всего большого комплекса деятельности этой организации мы, заключенные, не знали и одной сотой. Поэтому могли судить о том, что видели, чувствовали, переживали. Но в этих областях мы знали больше Дальстроя, всего НКВД и самого Сталина со всей приписанной ему мудростью и гениальностью. Это были наша жизнь, смерть и надежда.

К тому времени, когда этап привезли в Магадан, а потом отправили пешком на прииски, Колыма была уже настолько освоенной, что за последующие многие годы и десятилетия жизни там мало что изменилось, внешне, конечно. Если не считать самого поселка Магадан, ставшего городом, а потом и областным центром. Да еще десятка других населенных пунктов, где расширились разные вспомогательные производства — авторемонтные мастерские, стекольный завод, промкомбинаты, пищекомбинаты, складское хозяйство, нефтебазы и т.д.

А так большинство того, что мы увидели в декабре 1937 и январе 1938 годов, сохранилось потом в своем первоизданном виде много, много лет спустя.

Основная автомобильная дорога — трасса была уже закончена примерно на 800 километров от Магадана до Усть-Неры. По ней доставлялись основные грузы: обмундирование, инструменты, продовольствие, горючее. Почти во всех значительных поселках и приисках было электрическое освещение. Электроэнергию получали от Тасканской электростанции, работавшей на местном угле, добываемом в Эльгене. Поселков Эльген было два. На одном находился Эльген-совхоз²⁵, на другом

угольные шахты — Эльген-уголь. Добываемый уголь доставлялся по узкоколейной железной дороге примерно на расстояние 50—60 км. Расположена станция была на реке Таскан. Часть приисков и поселков освещалась собственными средствами с помощью нефтяных или бензиновых двигателей и динамо-машин.

К тем приискам и поселкам, что стояли в стороне от основной трассы, проведены были отдельные ответвления дороги — от прииска Стан Утиный шла отдельная дорога до поселка Спорный. На некоторые участки или прииски не было никакой дороги, и туда все необходимое доставляли «зимником» на санях дизельными тракторами.

Названия поселков, приисков, ключей, распадков, перевалов почти не имели своей истории. Они возникли в конце двадцатых и начале тридцатых годов, когда сплошные «белые пятна» Колымы начали приобретать географические понятия. Все это выпало на плечи первооткрывателей Колымы — геолого-разведывательных партий, которыми руководил тогда, говорят, очень талантливый человек, впоследствии член-корреспондент АН, рано умерший²⁶.

Геологи, работавшие в этих партиях, были вольными, а незаключенными, но натерпелись они тогда не меньше нашего брата. Они и голодали, и тонули в ключах и реках, замерзали и умирали от цинги, и испытали все, что выпадает на долю всех первооткрывателей мира. Несмотря на трудности, их увлекал этот суровый и неизведанный край. Правда, потом они доверительного говорили, что они открыли край Джека Лондона²⁷, а потом его превратили в край Достоевского. О том, что первооткрывателей увлекал Джек Лондон, можно судить хотя бы по тому, что одно из красивейших горных озер недалеко от поселка Ягодный названо ими «Озеро Джека Лондона».

Названия ключам, распадкам и речкам давались часто по каким-то чисто человеческим ассоциациям, по первым впечатлениям, событиям, происшедшим на этом месте. Вот некоторые названия тех мест, где мне пришлось много лет жить и работать (район прииска Стан Утиный и поселок Усть-Утиная).

Названия ключей: Холодный, Поворотный, Красивый, Дарьял, Прощальный, Длинный, Юбилейный, Гай, Три медведя и т.п.

Сама река Утиная названа так в результате того, что геологи увидели на этой реке массу уток, хотя в те времена утки были в каждой реке, озере, луже.

Ключ Прощальный был назван по той причине, что на этом ключе прощались две геолого-разведывательные партии и пошли дальше по разным маршрутам.

Поселок Спорный получил название вследствие того, что там долго спорили, как его назвать. Были названия и неэстетичные, Сопливый, например, или сопка Дунькин пуп. Вокруг названия Дуньким пуп ходили всякие легенды в духе рассказа «Счастье ревущего стана» Брет Гарта²⁸.

Но все эти названия пришли много позже, когда в распадках этих ключей приходилось работать на лесозаготовках, и в качестве относительно вольного с приставкой «бывший зека», охотился в этих распадках на белых куропаток, глухарей, рябчиков.

Вдоль трассы, по которой мы двигались этапом, видны были похожие друг на друга сопки, сопки и сопки. Они казались нам такими же безжизненными, как поверхность Луны по тогдашним нашим представлениям. На сопках лежал толстый, до полутора метров толщины снег. Лес вдоль трассы уже тогда был вырублен на целые десятки километров. Кое-где, конечно, стояли еще одинокие лиственницы и даже небольшие рощицы. Сопки тоже были не так уж безжизненно-лунными. Они густо покрыты мхом, ягодником, кустарником ольхи и тальника, кустами кедрового стланика, которого зимой не было видно. Стланик, оказывается, научился приспособливаться к суровым колымским зимам. С первым же осенним снегом он ложился веером на землю, и его в таком виде потом полностью закрывало снегопадами и метелями.

Первым жильем, в котором мы остановились на отдых, был пустующий барак какой-то заброшенной командировки или лесозаготовки. Что представляли собой колымские бараки, в которых жили тогда заключенные в лагерях, а часто и вольнонаемные на поселках?

Это прямоугольные помещения, срубленные из лиственниц, чаще всего неошкуренных, а только с кое-как обрубленными сучьями. Пазы между бревен конопатились мхом, который можно было доставать почти в любом месте. Крыши были плоскими, на них сверху укладывался также слой мха, а его прикрывали (хотел написать землей, да вспомнил: на Колыме земли не было, а был только грунт) вот этим грунтом из мелкого камня.

В стенах такого помещения прорубались два—три оконца, в которые вставлялись одинарные рамы и стекла, иногда целые, а чаще всего куски. Никто такие окна не утеплял. Замазка не применялась. При первых же морозах эти окошечки сразу покрывались вначале небольшой пленкой льда, а потом он намерзал все больше и больше. Ничего через такие окна видно не было. Их присутствие в бараке угадывалось по легкому, морозному пару.

Вдоль стен барака были сплошные нары, но только не из досок (такой роскоши едва хватало на двери), а из тонких жердей молодых лиственниц. Посередине барака стояла низменная колымская печка-бочка. Это обыкновенная 200-литровая бочка из-под бензина, солидола, спирта и других горючих и смазочных материалов. Устройство таких печек-бочек было, как все гениальное, просто. В одном торце бочки прорубалось отверстие для топки, а сверху, ближе ко второму торцу, приваривался небольшой патрубок, на который надевалась труба, и чаще всего не из жести (быстро прогорала), а цельнотянутая, с толстыми стенками, завезенная на Колыму для каких-то других, чисто производственных целей. Труба выступала иногда над крышей барака на 3—4 метра и была похожа на противотанковое орудие. В такую печку-бочку можно было сразу положить чуть не полкубометра дров длиной более полуметра. Когда такое сооружение накалялось и становилось малиново-красным, к ней ближе чем на полтора-два метра нельзя было подойти. В сильный мороз труба гудела так, что иногда казалось, что она вот-вот сорвется с крыши и улетит в высокое, пустое и холодное северное небо.

Но это случалось в те счастливые времена, когда было достаточно дров, и они были хотя бы относительно сухими. Чаще же всего печки-бочки чадили едким дымом сырых лиственниц и были окружены таким плотным кольцом заключенных, что даже небольшое тепло дальше этих людей не распространялось.

С печками-бочками в бараках и палатках на Колыме (а в палатках тоже жили зимой при 50—60-градусных морозах) проходила большая часть зимней жизни.

Первая моя палатка, в которой я прожил зиму на прииске Стан Утиный с 1937 на 1938 год, имела свой номер — 8. В этой палатке мы не раздевались по целому месяцу. Спали возле печки на ногах, как лошади в стойлах, и умирали, умирали, умирали.

Пока же мы еще не знали, что нас ждет впереди, и двигались этапом по колымской трассе в тайгу. Под понятием «тайга» подразумевались не глухие сибирские леса, которые теперь видят с высоты сверхзвуковых самолетов. Тайгой на Колыме назывались глубинные места, за 400—500 километров от Магадана, с приисками, обоганительными фабриками, дорожными командировками, поселками. Леса в такой тайге, как правило, не было видно. Его давно выжгли золотоискатели не хуже, чем это делали у Джека Лондона.

Наше пребывание в пешем этапе продолжалось дней 14—15. За это время мы с остановками из-за снежных заносов прошли около двухсот километров.

Во время этапа ночью произошло событие, которое убедило меня в том, что мы не умеем сообщать отстаивать свои интересы даже в малом. Ночью в наш барак, где мы спали, зашли несколько человек жулья и начался тихий грабёж. Брали все, что хотели. Молодой и здоровый парень первым проснулся и вступил в словесный, а затем и в физический «разговор» с непрошеными гостями. Проснулись и другие, но делали вид, что ничего не видят и не слышат, хотя у некоторых из них тоже успели отобрать все, что представляло какую-то ценность.

Весь этот ночной инцидент окончился тем, что молодому, здоровому пригрозили, что он получит нож, если дальше будет шебуршать. А пока что он стоял один с плахой, выдернутой из нар, в руке. Висок у него был разбит и кровоточил. Нижняя губа на глазах начала припухать.

Парень, увидев, что он один и никто его в бараке из своих не подержит, примирительно сказал:

— Ладно! Больше не буду. Делайте, что хотите.

Но блатные, видимо, тоже были чем-то недовольны, возможно, поднятым «шухером» или тем, что шмотки не стоили этого. Презрительно бросили все, что успели собрать и, уходя, сказали парню:

— Смотри, фрайер, так долго на Колыме не проживешь!

Когда ночные гости ушли из барака, все бросились к разбросанным вещам, хватая свое, а, может быть, и чужое.

Парень все еще стоял с увесистой палкой на нарах, смотрел на эту картину, и на лице его была не то усмешка, не то гримаса боли. Но никто в эту минуту не заметил этого и не оценил его поступка.

Только много позже, когда парень (так и не могу вспомнить его имя) лежал на нарах, уставясь глазами в потолок, к нему подошел дневальный — «пахан» — это значит бывший вор, но по возрасту уже не занимавшийся этим ремеслом, но иногда получавший за «бывшие заслуги» что-то из ворованного другими, более молодыми.

— Ничего, парень, это пройдет. Только вот мой тебе совет: не беги ты больше не только чужие, но и свои шмотки. Те, что были — они «заигранные», а ты еще узнаешь, что это такое.

А потом нам дали открытые машины с брезентом во весь кузов и повезли по трассе с таким ветерком, что я до сих пор не могу понять, как мы душу в себе сохранили, хотя лучше бы ее и не сохранять. На машинах с остановками и отогреваниями нас довели до поселка Спорный. Дальше, последний отрезок нашего пути, мы снова шли пешком, через Утинский перевал, а затем по ключу Длинный дошли по прииска Стан Утиный.

В лагере, построенном на высокой сопке, наш этап поместили в брезентовой палатке. В этой палатке мы (не все, конечно, а часть) неизвестно каким чудом дожили до весны 1938 года.

Конец 1937 и весь 1938 год были самыми, может быть, трудными годами на Колыме. С ними могло равняться только первое время войны. Осужденным по статье 58, а также Особым совещанием все время давали понять и почувствовать, что мы «враги народа». На нас натравливали осужденных по другим, так называемым бытовым, статьям. Нас сторонились, как прокаженных.

Территорию лагеря весной и летом 1938 года начали разделять столбами с дощечками, на которых были надписи «зона врагов народа» или «зона бытовиков». Я сейчас не уверен, что были именно такие надписи, но что столбики с надписями, разделяющими заключенных, были, это я помню очень хорошо.

Питание в лагерной столовой подразделялось на несколько категорий — шесть или больше. Нам дали, конечно, самую низшую, с мутной баландой на первое и куском соленой кеты-горбуши на второе и хлеба 400 граммов.

В начале мы еще кое-как держались, но потом, к весне, постепенно доходили и становились теми, кого в лагере презрительно называли фи-тиями. Весной началась цинга.

Заболел и я, далеко не последним. Опухли ноги, шатались во рту зубы, появились сонливость, апатия, и было удивительно то, что ноги не могли перешагнуть самое небольшое препятствие. Их приходилось в таких случаях брать по очереди руками и поднимать через преграду, если ее нельзя было обойти.

Тогда, в 1938 году, средство против цинги еще не было найдено, и нас лечили рыбьим жиром. Лечили, но не всех. В лагере своей санчасти тогда, кажется, не было, и нас, больных, водил ротный на вольный поселок. Главным врачом была тогда Фрида Минеевна. Когда я обратился к ней с жалобой на цингу, показал опухшие ноги и страшный свой рот, она спросила, какая статья.

— Пятьдесят восьмая, — ответил я.

— Идите. Освобождение дать не могу.

Не получил я тогда не только освобождения, но и рыбьего жира, который для других статей давался целыми банками из-под консервов. Наливали его из металлической бочки, стоявшей тут же, у санчасти.

Я не помню сейчас даже лица этой Фриды Минеевны. Не знаю причины ее жестокости по отношению к 58-й статье. Может быть, это был обыкновенный страх за собственную судьбу.

Знаю только твердо, что ее имя склоняли во всех падежах с самой отборной лагерной руганью. В ее бытность главным врачом на прииске была самая большая смертность, которую я только помню. В зиму с 1938 на 1939 год в лагере умерло не меньше половины заключенных. Каждую ночь хоронили по семь, восемь или десять человек. Хоронили под сопкой за вольнонаемным поселком. Могилы, вернее небольшие углубления в мерзлоте, рылись с помощью буров и аммонала. Потом это место захоронения было названо Фридин сад. Заваливали трупами и старые шурфы, и отработанные площадки. Впрочем, похоронная команда тоже ловчила, как могла, и придерживалась одного из китов, на котором держалась Колыма — мат, блат и туфта.

Заметки о Павлове

После ареста Берзина²⁹ в конце 1937 г. начальником Дальстроя был назначен Павлов³⁰. Что представлял собой новый начальник Дальстроя, из заключенных моего окружения мало кто знал. Тем не менее, ходили о нем всякого рода изустные рассказы, которые, учитывая порядки на Крайнем Севере, можно считать вполне правдоподобными.

Был он высокий, угрюмый, немногословный. Когда слушал или говорил, в лицо и глаза собеседника не смотрел, а смотрел мимо человека, в землю. Возможно, с вольнонаемными и своим окружением он вел себя как-то по-другому.

В период деятельности Павлова (1937—1939 гг.) на Колыме была самая высокая смертность в результате непосильной работы, голода, преследований и издевательств. Политические заключенные отдавались на расправу вора́м, жуликам, бандитам. Все административные должности в лагере (кроме начальника лагеря и начальника КВЧ³¹) отдавались так называемым бытовикам. Для политических заключенных в этот период были только общие работы: шахты, открытые забои, лесозаготовки.

Даже в тех условиях, когда вся лагерная администрация выполняла одни и те же жестокие правила лагерного режима, были лагерные подразделения, имевшие свои плохие и относительно хорошие традиции. Так, например, на прииске «Утиный» с 1937 по 1938 год, или с 1938 по 1939 год, точно не помню, была такая смертность, что к весне осталась половина заключенных, что были там на начало зимы. Вторая половина или умерли, или к весне дошли до такой степени истощения, что их отправили в другие места в так называемые оздоровительные пункты (ОП).

Рассказывают, что где-то на прииске Павлов, окруженный свитой из оперуполномоченных, начальников лагерей, своего адъютанта и других, зашел в барак заключенных и задал традиционный для всех времен вопрос:

— Какие есть жалобы?

Все молчали. Жалобы могли кончиться карцером или штрафной командировкой. Но все-таки, как говорят в таких случаях, кого-то черт дернул за язык.

— Гражданин начальник, можно?

Павлов поднял в сторону говорившего глаза и снова их опустил.

— Мы работаем в открытом забое, — сказал заключенный, — норму выполняем, но нам не хватает хлеба.

— Какая статья? — спросил Павлов.

— Пятьдесят восьмая.

— Сколько получаете хлеба?

— Шестьсот граммов.

Павлов повернул голову в сторону начальника лагеря, приказал:

— С сегодняшнего дня выдавайте четыреста.

Потом повернулся и вышел из барака на улицу.

Через несколько дней после этого уже местное начальство из Южного горно-промышленного управления (пос. Оротукан) провело, если можно так выразиться, дополнительную разъяснительную работу. Вечером после работы при морозе ниже пятидесяти градусов был построен весь лагерь. Усталые и до последней степени иззябшие за 12 часов работы в забое, мы стояли совсем рядом с бараками, но войти в них не могли. Наконец, минут через сорок, прибыло начальство.

Видно было повсему, что они перед этим хорошо выпили. Лица у них были раскрасневшиеся, руки засунуты в карманы черных полушубков. Один из начальников отделился от группы и сказал:

— Так вот, заключенные, разговор с вами будет короткий. Прииск не выполняет план. Многие из вас и здесь занимаются экономической контрреволюцией. Не будете выполнять нормы, будем расстреливать. Понятно?

Все молчали. Говоривший тоже некоторое время помолчал. Потом приказал старосте лагеря:

— Распускайте заключенных.

Рассказывали еще случай, который произошел в Магадане, в бухте Нагаева. Случилось это, кажется, поздней осенью 1937 г., то есть вскоре после назначения начальником Дальстроя Павлова.

В бухте Нагаева убило двух заключенных. Убило их валунами, которые другие заключенные сбрасывали с сопки вниз. Камни использовались для строительства порта. Как это произошло, трудно сказать. Может быть, потому, что сами по себе люди после тюрем и этапов были физически слабы, не имели еще необходимых навыков, а, может быть, потому, что труд заключенных никем и никак не организовывался. Обычно приводилась группа в 20—30 или 50 человек, выдавался универсальный для лагеря тех времен инструмент: лопата, кайло, лом, тачка.

Говорили, что надо делать и какая норма. А потом бойцы вооруженной охраны (ВОХР) наблюдали, чтобы заключенные не стояли, а шевелились, создавали видимость работы. Правда, потом сами заключенные организовывали свой труд так, чтобы он был максимально производительным. Надо было работать, чтобы не умереть с голоду, чтобы тебя не расстреляли.

Невыполняющих нормы сначала переводили на штрафной паек, после чего они слабели и работали еще хуже. Потом на них заводилось новое дело, в котором деяния таких заключенных квалифицировались как «экономическая контрреволюция», где кроме невыполнения норм фигурировала еще порча инструментов. Заключенные, на которых заводились такие дела, могли получить новый срок (так называемая гаранинская десятка) или быть расстрелянными.

Политические заключенные были прекрасными работниками. Среди них были люди практически всех специальностей: электрики, механики, водители, трактористы, инженеры, врачи. Так что основные и вспомогательные службы в лагере держались этими людьми. Правда, была большая категория людей — это ученые, которые долго не могли найти своего места в трудной лагерной жизни. Но и они, в конце концов, приспособивались к физическому труду, и очень многие могли бы выжить, если бы не было установки, которая сводилась к следующему: «Нам твоя работа не нужна. Тебя привезли сюда затем, чтобы уничтожить».

Несколько позже, уже после Павлова, обстановка изменилась. Но здесь уже действовали другие причины. Во-первых, на Колыме пошло сумасшедшее золото. Во-вторых, после 1939 г. уменьшился приток новых заключенных. Но все это было потом.

А пока в силу такой организации труда было убито два человека. Товарищи убитых заволновались и горячо заговорили. Многие, несмотря на школу тюрем, этапов и пересылок, сохранили веру в то, что с ними произошло большое недоразумение. Что в этом немедленно разберутся, и тогда произойдет, как ядовито замечали скептики, «умилительное торжество добра над злом», ну прямо-таки, как в святочных рассказах для бедных в дореволюционной России.

Волнение, боль, возмущение были понятны — это были еще первые потери. Позже их стало много. К ним привыкли, притупились многие человеческие чувства. Для некоторых, к сожалению, норма поведения исходила из жестокой лагерной мудрости: «Умри ты сегодня, а я завтра».

На место происшествия прибыл Павлов. На крутом склоне сопки стояли одной большой группой заключенные. Многие из них еще продолжали держать в руках железные ломы и кайла, которыми они орудовали, добывая камень. Они стояли спиной к бухте, откуда дул порывистый, холодный ветер.

Метрах в пятидесяти выше заключенных стояли два бойца охраны в тяжелых овчинных полушубках, валенках, белых шерстяных перчатках. Третий охранник был внизу, у подножья сопки, куда принесли убитых заключенных. Человек семь-восемь заключенных, что принесли сюда своих товарищей, стояли молча и смотрели, как два белых худых лица

стыли на холодном ветру. Еще на сопке, когда высвобождали их из-под камней, и увидели, что они уже мертвые, коренной сибиряк с густой фамилией Дерюгин, кузнец, дальневосточный партизан, а потом начальник прииска, по-хозяйски разгреб неглубокий снег, нашел на земле небольшие плоские камешки. Он закрыл убитым глаза и положил на них эти камешки. Но когда убитых несли вниз, камешки свалились, глаза их снова открылись, хотя уже и не могли видеть низкого северного неба, холодной воды Охотского моря, что с ожесточением была в каменный берег бухты, и парохода «Джурма», который три дня назад привез их сюда.

Когда из-за поворота дороги, что шла из города Магадан (тогда еще поселка) показалась машина, вохровец охрипшим голосом велел заключенным отойти подальше. Из остановившейся машины вышли Павлов и еще кто-то. Подойдя к убитым и не задерживая взгляда на их лицах, Павлов спросил бойца:

— Как это случилось?

— Сами виноваты, товарищ начальник, валят камни, как попало. А может быть, нарочно.

Один из заключенных сделал шаг вперед и горячо заговорил. У него было такое же белое бескровное лицо, как и у тех, кто лежал на земле.

— Това.., — хотел было сказать он, но потом поправился, — гражданин начальник! Нас только три дня назад привезли сюда, на Север. Мы долго были в тюрьме, на пересылках и этапах. Мы все истощены... Здесь ручной, тяжелый и непроизводительный труд, без элементарной техники безопасности... Гражданин начальник, — голос у говорившего дрогнул, — мы не преступники... Еще разберутся...

Когда заключенный только начал говорить, Павлов бегло, но очень запоминающе посмотрел ему в лицо. Потом, по своей постоянной привычке, перевел глаза в сторону. Затем резко повернул голову к заключенному и сказал:

— Хватит. Мы институтов не кончали и красиво говорить не умеем. И разбираться с вами никто больше не будет. Вы враги народа и вас надо уничтожать.

Потом, ни на кого больше не взглянув, он повернулся и вместе со своими спутниками пошел к машине. Водитель уже развернул машину в сторону Магадана. Все молчали. Громко щелкнув, закрылись дверки автомобиля. Сзади, у выхлопной трубы, закружился дымок отработанного газа, и автомобиль ЗИС-101 ушел в Магадан.

После ухода машины вохровец, который, может быть, в душе и жалел убитых, а еще больше, наверное, боялся, что ему попадет за случившееся, поведением начальства был одобрен и уже точно знал, что с него не спросят не только тогда, когда камни будут убивать людей, но и тогда, когда он сам будет это делать, громко сказал:

— Ну, хватит, настоялись. Давай вперед на сопку.

Вохровец взял винтовку наперевес, а заключенные медленно, один из другим, пошли на сопку, где стояли остальные, еще не знавшие, какое сочувствие выразил начальник Дальстроя Павлов по случаю смерти их товарищей.

О Колыме, товарищах, судьбе

К 1949 году мы, невольные жители Колымы, успели примириться со своей судьбой и, освобождаясь из лагерей, начали обзаводиться семьями, рожать детей и утверждаться в мысли, выраженной художником Ярошенко³², что «всюду жизнь».

Казалось, что с окончанием войны помыслы людей будут направлены на создание более совершенного, более человеческого образа жизни, залечивание тяжелых ран войны, ликвидацию нищеты и разорения. Но, оказывается, у кого-то из «великих и мудрых» осталась еще сатанинская жажда крови, превратившаяся в то, что в медицине именуется патологическим отклонением от нормы.

Приближалась ранняя осень. В поселке Усть-Утинная в подсобном сельском хозяйстве, принадлежащем Утинскому золоторудному комбинату (УЗРК), мы уже выкопали картофель, репу, турнепс. Начали закрывать матами на ночь парники с остатками огурцов, осталось только убрать капусту, которая в холодные ночи набирала плотность вилок и становилась слаще.

Над поселками, реками Колымой и впадающей в нее Утинкой, носились стаи уток, которые с треском и свистом крыльев собирались в дальнюю дорогу, к местам своих теплых зимовок. В одно утро, когда галька на берегу заметно обмелевшей реки была покрыта белой изморозью, а вода потемнела и казалась гуще, чем была на самом деле, я вышел на улицу посмотреть погоду. Рядом с моим домом, стоящим у берега реки, был еще один, в котором находилась диспетчерская, куда из УЗРК поступала информация о том, каким лесом надо грузить машину, или запросы об остатках угля, извести и других материалов, доставляемых для золоторудного комбината на баржах по реке.

Поежившись от холода на крыльце дома, я повернул назад, чтобы вернуться к теплу и утреннему завтраку, который готовила жена на общей кухне. В последний момент я заметил, что из дверей диспетчерской выглянул и тут же скрылся незнакомый человек в шинели и офицерских погонах. Меня это несколько удивило, но не могу сказать, чтобы очень.

Через непродолжительное время в дом вошли без стука и разрешения старший лейтенант (это был наш новый оперуполномоченный Мальков) и вохровец из Стана Утинный в роли понятого, что ли. Увидев меня, идущего из кухни, один из непрошенных гостей спросил:

— Куда можно зайти?

Открыв дверь конторы подсобного хозяйства, я показал рукой — сюда. Уступить им дорогу мне не дали. «Старший» с металлом в голосе сказал: «Заходите» а потом уже зашли оба, закрыв за собой дверь. Все тем же повелительным тоном мне сказали: «Садитесь».

...Больше ничего объяснять было не надо: меня пришли арестовывать. За что? Этого мне сейчас не объяснить. Вероятнее всего, по какому-нибудь доносу, связанному с подсобным сельским хозяйством, которым я заведовал. Спросив фамилию, имя и отчество, офицер, заглянув в свою записную книжку, сказал:

— Правильно. Ваша квартира в этом доме?

Я подтвердил то, что он, видимо, и без меня хорошо знал.

— Пойдемте.

Поднимаясь, я едва удержал себя от того, чтобы заложить руки назад, как бы подтверждая этим жестом, что «готов идти хоть до Ла-Манша».

В моей квартире из двух небольших комнат нас уже ждала встревоженная жена. Офицер, не здороваясь, спросил жену, как ее фамилия.

Она ответила: «Воронская».

— Имя, отчество?

— Галина Александровна.

— А вы что, не зарегистрированы?

— Нет, брак оформлен.

— А почему фамилии разные?

— Мне захотелось оставить свою.

Старший лейтенант быстро, но цепко оглядел первую комнату, потом показал на дверь второй, спросил:

— А там что?

— Тоже комната. В ней спит сейчас девочка.

Наша первая и тогда еще единственная дочь, Валя, лежала в детской кроватке и досматривала свои утренние сны. Ей только что исполнилось четыре года. Офицер, взглянув на ребенка, прошёл к окну. Увидев охотничье ружье, спросил:

— Это чье?

— Мое.

— Заряженное?

— Нет

Привычным движением военного человека он взял ружье, посмотрел на марку, раскрыл казенную часть. Убедившись, что не заряжено, сказал:

— Бельгийское. Охотитесь?

— Да. Но больше зимой. Весной и осенью некогда.

Поставив ружье на место, офицер подошел к кровати, поднял подушку. Заглянул в тумбочку. Раскрыл шкаф. И здесь моя маленькая жена проявила, казалось, не свойственную ей твердость духа.

— А почему вы, собственно, делаете у нас обыск? Ордер у вас на это есть?

— Есть, есть, — и офицер похлопал по левой стороне груди.

— Покажите.

Офицер прикрыл дверь шкафа, в котором небрежно и как бы для проформы осматривал полки с бельем, вешалки с платьем и одеждой, расстегнул шинель и, достав и бокового кармана кителя какую-то бумагу, подал жене. Бумагой оказался ордер на обыск и арест Воронской Галины Александровны, 1916 года рождений, судившейся по статье КРТД.

Галя, казалось, спокойно взяла ордер, но потом, читая, побледнела и крикнула: «Меня!», показывая рукой на грудь.

— Да, вас, — бесстрастным тоном ответил старший лейтенант.

— За что?

— Там увидите. Мы вас возьмем с собой.

— Никуда я не поеду. Делайте со мной что хотите, — и она бросила ордер на подоконник. Но эта страшная бумага не удержалась и упала на пол.

— Поднимите, — железным тоном крикнул старший лейтенант.

— Не кричите. Не таких видела. Вам это нужно, вы и поднимайте.

Потом, не выдержав страха, горя и неожиданности, залилась не-
удержимыми слезами, бросилась к детской кровати, крикнула:

— Валечка! Девочка моя! Больше я тебя никогда не увижу!

Я подошел сзади, обнял жену за плечи, и сам сдерживая слезы, проговорил:

— Галя, Галя! Успокойся, ты разбудишь девочку.

— Ничего, пусть смотрит и помнит, как уводили ее ни в чем не повинную мать.

Дочка проснулась и смотрела на все сонными, ничего не понимающими глазами. Галя приподняла девочку с кровати, обнимала ее, плакала и говорила, говорила какие-то прощальные слова. Вдруг она, с дочкой на руках села на стул и твердо заявила: «Никуда я не поеду, что хотите со мной делайте». Старший лейтенант потерял свой железобетонный вид и тон, начал говорить, что выполняет приказ и все равно ее привезет, если надо, то применит силу. Галя снова залилась слезами. Пришлось ее уговаривать. В какое же страшное время мы жили, если муж должен уговаривать жену ехать в тюрьму! Горький опыт научил мириться с тем, что невозможно было понять.

Я попросил разрешения у Малькова проводить жену до поселка Стан Утиный, что был на полпути между Усть-Утиной и Спорной. Мальков, видимо, не желая осложнять обстановку, разрешил. Сборы в дорогу прошли быстро, здесь у нас опыт был большой. Оставив Валю на попечение соседей, я и вохровец сели в кузов трехтонной грузовой машины, а Мальков и Галя в кабину водителя. Галя хотела сесть со мной в кузов, но оперуполномоченный не разрешил.

Возвращался я со Стана Утинового поздно вечером на грузовой машине, которую вел знакомый водитель. Ничего не зная, он начал мне рассказывать какие-то бытовые новости, но заметив, что я молчу, угрюмо уставившись на дорогу, спросил:

— Что с вами, Иван Степанович? Нездоровы?

— Да, очень. Болит душа. У меня сегодня арестовали жену и увезли в Ягодное.

Водитель как бы про себя негромко сказал: «Да-а...» и замолчал. Только машину свою начал вести с каким-то внутренним напряжением и злостью, точно она была в чем-то виновата. Так бы мы, наверное, и ехали молча до самого дома. Но в роще перед Усть-Утиной, за пятьсот-шестьсот метров до поселка, выскочил из кустов уже начавший белеть заяц и перебежал дорогу. Водитель сбросил газ и резко затормозил, хрипло выругавшись:

— Вот же, падла косая, все-таки под конец выскочил и перебежал дорогу. А я всю дорогу про себя молился: «Только бы не перебежали зайцы дорогу, только бы не перебежали...», а он перед самым носом выскочил. Эх, ты! Жалко, нет на тебя хоть какого ни на есть ружья!»

— Ничего, Миша! — сказал я бодро, почти радостным голосом. — А я как раз задумал наоборот: встретится заяц — все будет хорошо.

— Правда?

— Правда, правда, Миша. Честное слово, правда.

А я думал... может, километра на два отъехать назад и пройти это место со второй попытки.

— Спасибо, Миша, поедем.

Водитель прибавил газ, и мы неторопливо, как после неприятности, которую благополучно избежали, начали преодолевать небольшой подъем, за которым начинался наш поселок.

Вылезая из кабины у самого своего дома, я сказал:

— Миша, когда погрузишься, заходи чаю попить.

— Нет, не приду, — ответил водитель. — Какой для вас теперь чай, Иван Степанович?

Я остался один с 4-летней дочкой на руках, и еще неизвестно было, как долго у ребенка будет отец. Раз началась компания, то в таком же порядке могла решиться и моя участь. Вопрос мог быть только во времени. Но, к счастью, меня минула чаша сия. Да и жену через месяц с небольшим освободили.

Реабилитация

Умер Сталин. Он оказался смертным, как все мы, хотя и был, по выражению поэта, «живым от мира огражден». Но все это — и свободные художественные образы относительно этого человека, и партийные документы XX съезда партии, и снятие огромного множества прижизненных монументов, и вынос останков из мавзолея Ленина и многое, многое другое — было потом. А тогда казалось, что царствию его не будет конца.

Трудно было сразу после смерти Сталина, да и потом, ряд лет спустя, точно сказать, кто и как к этому относится. Траурные митинги, речи с театрализованными словами «Горе-то какое», статьи в газетах «Скорбь всенародная» и прощание, похожее на Ходынку, ничто не объясняют. Одни действительно искренне жалели, что он умер, неподдельно плакали, не знали, как будут жить дальше и кто за них будет думать. Другие надеялись, что станет легче дышать, как-то изменится их бесправная судьба, но все это молча, про себя. Третьи твердо знали, что «свято место пусто не бывает» и, когда их очень уж донимали одним и тем же «что будет?», нетерпеливо махали рукой, «... а, такого добра хватит» и следили за тем, как упоминаются старые, знакомые фамилии из правительства, в каком порядке и в каком словесном оформлении.

Мы, жители Крайнего Севера — Колымы, на 90% бывшие и настоящие заключенные, ждали для себя от этого события хотя бы про-

граммы-минимум: амнистии, снятия судимостей, чистых паспортов, упразднения ссылок до особого распоряжения. Все устали до последней степени жить в страхе и бесправии.

Я был из числа тех «бывших», у которых снимались судимости и паспортные ограничения. После опубликованных законов и секретных инструкций к ним стало, наконец, известно, с какого дня начнется замена паспортов у тех, кто попадал под эту статью.

Была середина северного лета, стояли знакомые белые ночи. Не спалось. Потихоньку одевшись, я вышел на главную улицу Магадана — проспект Ленина. До начала рабочего дня было далеко, но я оказался не единственный среди ночного города. Мой товарищ по службе и личным отношениям Николай Степанович Потапович уже вышагивал вдоль дощатого забора городского парка. Накануне днем мы условились с ним идти вместе обменивать паспорта, а вот не спалось нам уже без всякого уговора. Так мы и пошли ни свет ни заря к зданию, где находился городской паспортный стол. Наше ближайшее будущее рисовалось безоблачным, могли ехать, куда нам хотелось. Мы были счастливы. Теперь это кажется смешным. А тогда нет. Все ведь относительно.

Работники паспортного стола, узнав из наших слов, что мы пришли сюда за несколько часов до открытия, пожалели плечами и удивились нашему нетерпению. Да, умом это, действительно, трудно было понять, здесь нужен горький личный опыт, только не дай бог никому его иметь.

Но со временем первые радости прошли. И вдруг я (да и не только я) начал ловить себя на мысли, что уже надеюсь на что-то большее, чем получил. Почему, собственно, с нас должны снимать судимость? Разве мы в чем-нибудь были виноваты? Нас даже формально никто не судил.

Человек неисправим в своей вере, прегрешениях, надежде. У нас появился, что называется, писательский зуд. Я в этом смысле не был исключением. После здравых размышлений, мысленного экскурса в человеческую историю и всякого рода аналогий, я сел и начал писать письмо в ЦК партии. Писал от руки, чуть ли не на листах ученической тетради и копии его себе не оставил.

Насколько помнится, после перечисления всех дат и сроков — ареста, заключения, освобождения и автобиографических данных, я писал, что продолжал жить на Крайнем Севере, работал также добросовестно, как и всю сознательную жизнь. Делал это вовсе не потому, что искупал свою вину. О своей невинности я писал много раз, но мне кажется, что только сейчас наступает такое время, когда Центральный Комитет партии найдет нужным вернуться к делам и судьбам людей с их двадцатипятилетней давностью и все рассмотреть по справедливости. Здесь я уже имел в виду не только свою собственную судьбу. В таких случаях принято писать только о себе и о своем деле. Но иногда чувства не повинуются правилам и логике.

Из партии я был исключен через два месяца после ареста, то есть арестован был с партийным билетом на руках. В письме я писал, что постановление об исключении подписал Шкирятов³³. В постановлении говорилось, что я исключен из рядов ВКП(б) за контрреволюционную

агитацию. В чем она выражалась, не говорилось. Надо полагать, что следствие представило в ЦКК те же «факты» моей виновности, какие предъявлялись и мне. Ни одно из предъявленных обвинений я не признал и не потому, что я ловкий и закоренелый преступник, сумевший обмануть бдительность следствия, а по той простой причине, что все это было чистейшим вымыслом. Особых надежд на него я не возлагал, а написал скорее затем, чтобы мог сам себе сказать: «Я сделал все, что мог».

Прошел целый год со времени отправки письма, а ответа нет как нет. По традициям тех времен письмо могли и не отправить. Формально Колыма только считалась Хабаровским краем, а так всему голова был Дальстрой. Это было еще одно тяжелое испытание теперь уже не для меня одного, а для всей семьи. Жена иногда, раздражаясь, говорила: «Ты как чеховский Ванька³⁴, отправил письмо на деревню дедушке». Я отмалчивался, хотя в душе все больше сомневался, что письмо дойдет до адресата. Но сесть за новое у меня не было нравственных сил. Что-то меня удерживало. Что именно — я не мог бы объяснить ни тогда, ни теперь. Во всяком случае, я продолжал пассивно ждать.

И вот однажды случилось то, что потом не давало нам с женой спать много ночей. В марте 1955 г. я после обеда пришел к себе в плановый отдел. Жил я рядом со строительной конторой и обедать ходил домой. Почти одновременно со мной в отдел пришла секретарь начальника конторы. Она принесла письмо, адресованное мне. На конверте был штамп Магаданского горкома партии. В письме сообщалось, что мне необходимо явиться в горком для ознакомлением с сообщением ЦК КПСС по поводу моего письма.

В комнате, где я работал, находились два отдела, всего шесть или семь человек. Почти все они в это время были на своих местах. Прочитав письмо, я подумал, что вряд ли меня ждет в горкоме какое-то особо приятное сообщение: рассмотри ЦК партии положительно для меня заявление, то, наверное, сообщили бы не через горком. Может быть, именно поэтому я с напускной беспечностью сказал:

— Ну, братцы, девятнадцать лет меня не вызывали в горкомы и райкомы партии, а теперь вызывают. Вот завтра пойду, узнаю, зачем я им понадобился.

Из всех сотрудников двух отделов только начальник отдела труда и заработной платы была член партии, все остальные — бывшие. И вот именно она по какой-то своей интуиции почти крикнула: «Иван Степанович, иди в горком сейчас же, тебя, наверное, будут восстанавливать в партии».

Я пытался ей возразить, что не реабилитирован еще по гражданской линии, а сам между тем вдруг почувствовал какое-то особое, внутреннее волнение. К горлу начал подступать тот самый комок, который неизвестно откуда в таких случаях берется. И хотя я еще на словах пытался перенести свой поход в горком на завтра, но чувствовал, что ждать еще день не могу.

Горком партии находился на улице Горького. Магадан в те времена только еще начинал привыкать к своему положению города, до этого он был поселком. Правда, несмотря на свою молодость, в центре это был уже довольно красивый город. Путь до горкома от моей конторы проходил вниз, по проспекту Ленина. Идти было всего 10—12 минут. Но если бы это расстояние было и в пять раз больше, я бы, наверное, не заметил его, так во мне все вдруг переполнилось чем-то большим и важным. Вряд ли я даже чувствовал, что иду по земле.

В горкоме выписали пропуск и направили в приемную секретаря. Какой-то инструктор внимательно посмотрел на меня, пошел доложить секретарю.

У секретаря состоялся примерно такой диалог:

— Вы писали письмо в ЦК партии?

— Да, писал.

— Так вот пришел ответ. Натe, читайте.

Это была правительственная телеграмма следующего содержания: «Сообщите Исаеву Ивану Степановичу, проживающему в г. Магадане, что ему необходимо явиться в ЦК партии по вопросу его партийной принадлежности. Вышлите служебную характеристику».

Я посмотрел на секретаря и задал самый что ни на есть глупый вопрос:

— Что же мне делать?

Секретарь улыбнулся и сказал:

— Наверное, надо ехать. Характеристику мы запросили в вашей конторе и вышлем. Билет на самолет выдадут по броне обкома партии.

Не помню, какие я бормотал слова благодарности. Знаю только, что поторопился поскорее уйти из горкома, чтобы побыть вначале одному с этим необычным известием, а потом рассказать на службе и дома.

Я вынужден был задержаться еще на неделю или больше, пока не были сведены основные показатели плана, хотя все это время всем своим существом был более чем за десять тысяч километров от Магадана, в Москве. Вот уж действительно парадокс. Когда меня арестовывали, не нужны были никакие сроки для сдачи дел, а сейчас, когда речь шла о восстановлении в гражданских и партийных правах, на работе без меня никак не могли обойтись. Не случайно партийный следователь в ЦК партии, куда я явился на второй день по приезде в Москву, сказал:

— Долго вы не ехали.

И мне стыдно было объяснить, почему.

Пока я заканчивал свои плановые дела и готовился к отъезду, сто раз обсуждая дома все, что может меня ждать в Москве, «слава» моя в городе росла и росла. Не я один был такой, кто ждал своего часа, и все на него имели равные права. Работая и торопясь закончить поскорее дела, мне редко приходилось бывать в городе. Зато жену останавливали на улицах и перекрестках по большей части совсем незнакомые люди и спрашивали:

— Скажите, вы жена Исаева? Это правда, что его вызывают в Москву? А скажите, куда он писал? Как писал? Откуда пришел ответ? И правда, что он еще не реабилитирован, а вызывают в ЦК?

Трудно сказать, сколько и какими долгими ночами писались письма, заявления, просьбы рассмотреть их дела, установить невиновность, вернуть доброе имя человека. Как-никак, случай со мной был только третьим из всех бывших заключенных. Причем, два из них воспринимались как-то понаслышке, о людях, которые уже давно уехали с Крайнего Севера и занимали когда-то, до ареста, очень видные места. Один из них — бывший секретарь ЦК комсомола А Мильчаков³⁵, второй уже не помню кто. А тут я, живой магаданец, ничем не примечательный ни в своем прошлом, ни в настоящем.

Вскоре известия о случившемся перенеслись за границы Магадана. Долетела весть и в те поселки, где я работал раньше — Левый берег, Стан Утиный и другие, где я если и не работал, но меня так или иначе знали. На Севере ведь сто километров не расстояние. Все друг друга или знали, или слышали, что такой есть. А все новости разносятся по знаменитой Колымской трассе со скоростью новых грузовых автомобилей «Татра», купленных в Чехословакии.

В поселках говорили:

— Слышали, Исаева реабилитировали. Надо все бросать и ехать в Москву.

И действительно, многие увольнялись и ехали. Другие, как я упоминал, писали, писали и ждали решения своей участи, пока не трогаясь с места.

Наконец, наступил час большого перелета Магадан—Москва. На Севере иногда шутили, что в нашей стране две столицы и обе на «м» — Москва и Магадан. В те времена прямых рейсов между этими столицами не существовало. Были рейсы до Хабаровска, а там прямой до Москвы. Весь полет занимал, кажется, тридцать шесть часов. Для сегодняшних дней это долго, но каким сказочно быстрым это было в сравнении с тем, как нас почти двадцать лет тому назад везли «туда» — на Колыму. Тогда, с учетом всех остановок, на путь от Москвы до места назначения уходило 2,5—3 месяца.

Вспоминая все это, мне тогда приходили на ум строки Тараса Шевченко³⁶ из поэмы «Катерина»:

Далекий шлях, пани-брати,
Знаю його, знаю!
Аж на сердці похолоне,
Як його згадаю.

В самолете, пока летел, думалось разное. Мне казалось, что меня после восстановления в партии тут же отзовут в Москву и предложат какую-то работу. Какую? Я не знал. Но считал, что заслужил это, исходя из смысла слова реабилитация. Мне бы подумать хорошенько о том, что за столько лет выросло новое поколение людей, не имеющих никакого отношения (ни в хорошем, ни в плохом смысле) к нашей судьбе и все работы, сколько-нибудь заметные в государственном, хозяйственном или партийном аппарате, заняты. И что ради нас никто не станет делать никаких перемещений. Так потом и происходило. Нам давали пенсии,

квартиры, выплачивали за конфискованное имущество и двухмесячную зарплату по занимаемой должности до ареста. Однако никого или почти никого (за очень редким и малым исключением) не восстанавливали на прежних или равноценных должностях. Да это, наверное, было и невозможно. Большинство из нас были уже пенсионного возраста. За почти двадцать лет нашего отсутствия совершенствовалась форма управления государством и производством, выросли многочисленные кадры технической и гуманитарной интеллигенции. Правда, когда нас арестовывали, никого не волновало, что на наше место приходили совсем молодые и неопытные люди. Это была острая борьба за власть самыми жестокими средствами, где вопрос о пользе дела не принимался в расчет.

Но все эти здравые рассуждения пришли позже, и нужно было всем к ним привыкнуть, пережить внутренние обиды и разочарования. А пока что в удобном кресле самолета, когда внизу плыла еще по зимнему темная тайга, в голове носились идиллические мысли. Конечно, в пятьдесят лет, когда ты уже терял все по крайней мере трижды, чудом остался в живых, наверное, глупо и смешно предаваться каким-то мечтаньям. И, тем не менее, все мы по большей части мечтатели, а не трезвые аналитики. Хорошо это или плохо — не знаю.

В Москве я остановился у дяди своей жены, который жил на Метростроевской улице. У него были две комнаты в подвале. Окна квартиры находились немного выше уровня тротуара, давали мало света и пешеходов можно было видеть только снизу, до пояса. Но по тем временам это была еще хорошая квартира.

Дядя встретил меня словами: «Я вас приветствую в своем доме как мужа моей племянницы Галочки». День и вечер прошли в расспросах, кто и как жил все годы. Дядя расспрашивал, как у нас там, на Крайнем Севере, с антисемитизмом. Он был дядей жены по материнской линии, еврей.

Я ответил:

— Наверное, как везде.

— В Москве последнее время, — сказал дядя, — ну, стало сплошное жидоедство.

Для меня, воспитанного на лучших традициях равноправия всех наций, это было диким. И хотя известный процесс над врачами объявили ложным, инсценированным, тем не менее антисемитизм процветал чуть ли не как в «лучшие» времена при царе. Все это мне тогда больно резало ухо, как, впрочем, продолжает резать и теперь.

В связи с резкой переменой поясов времени (в Магадане время на 8 часов впереди московского) я рано захотел спать и также рано утром проснулся. Был только шестой час. Стараясь не шуметь, я тихонько оделся, умылся и захотел походить по утренним улицам. Но если я уйду, пока все спят, неизвестно, что об этом подумают. На мое счастье проснулся и дядя. Я потихоньку объяснил, что хочу пойти прогуляться...

У Кропоткинской улицы закончился мой первый маршрут через 19 лет. Иногда возникало такое ощущение, что я никуда не уезжал, только

по каким-то причинам долго не видел этих улиц и домов. Это ощущение усилилось после того, как, проходя по улице Горького, увидел знакомого, бывшего директора Дома писателей. Он шел к себе, к дому № 2. Это один из первых писательских домов. На нем сейчас мемориальные доски Николаю Асееву³⁷, Михаилу Светлову³⁸, Лидии Николаевне Сейфуллиной³⁹.

Позже в этом доме мы с женой довольно часто бывали у сестры Сейфуллиной — Зои Николаевны. Сама Лидия Николаевна к тому времени умерла. Зоя Николаевна была моложе, судя повсему, они очень дружили, и она осталась литературной наследницей своей сестры. Я знал Сейфуллину только по ее книгам, Галя же, жена моя, хорошо ее знала, часто бывала у них в доме. Да и Сейфуллина запросто бывала в доме Воронского.

К Александру Константиновичу Воронскому⁴⁰, создателю и главному редактору журнала «Красная новь»⁴¹, Сейфуллина относилась по-настоящему хорошо. Она была в числе тех писателей, кто посещал опального редактора в липецкой ссылке. Об этом я хорошо знал из рассказов Гали, которая сама ездила в Липецк к отцу и прожила там почти все лето 1929 г.

Но мне пора уже было возвращаться на квартиру, к дяде, надо было освободиться от нахлынувших мыслей и воспоминаний о прошлом. Надо было готовиться к предстоящей встрече в ЦК партии.

В ЦК партии мне пришлось побывать четыре раза. При первой встрече с партийным следователем он рассказал мне весь путь прохождения моего письма. После его поступления в ЦК, письмо перепечатали на машинке и один экземпляр отправили в Министерство государственной безопасности с просьбой пересмотреть мое дело и результаты сообщить в ЦК. Дело было пересмотрено. Верховный суд СССР отменил постановление Особого совещания за отсутствием состава преступления. Получив такое решение, ЦК вызвал меня телеграммой в Москву.

— А вот и ваше дело, которое прислали нам для ознакомления, — сказал следователь.

— Да не может быть, — с искренним удивлением сказал я.

— Что не может быть?

— Да то, чтобы у меня было такое толстое дело.

— Это не только ваше, здесь подшито несколько дел. Есть дело и вашей знакомой. Зинаиду Васильевну знали?

— Знал.

— А ее показания на вас?

— Нет, этого не знал.

Потом следователь раскрыл дело в том месте, где была закладка.

— Вот, смотрите. Узнаете?

И я увидел свое лицо двадцатилетней давности, запечатленное тюремным фотографом анфас и в профиль. На нижнем белом поле фотокарточек стояли какие-то номера. На фотографии я был не в особенно дорогом, но хорошо сшитом костюме, с копной белокурых волнистых волос.

Уточняя некоторые данные моей партийной жизни, следователь спросил:

— Иван Степанович, у вас партийные взыскания были?

— Нет, — ответил я.

Следователь загадочно улыбнулся.

— Вообще-то вы вправе так утверждать, в вашей карточке ничего не записано, но выговор у вас есть.

Я вспомнил, что, действительно, летом, в 1933 г. МК рассматривал мой поступок непочтительного отношения к командованию военной школы после моей демобилизации. Оказывается, мне тогда вынесли выговор, но в учетную карточку не записали. Так я и ходил чистым, как стеклышко, хотя в то время скорее было зазорным не иметь выговоров, чем иметь их. Если в тридцатые годы человек не имел выговоров, считалось, что он не работает.

— Теперь, что касается вашей гражданской реабилитации, — сказал следователь, — этим занималась Прокуратура и Верховный суд. Но нас интересуют показания на вас бывшего члена партии Ивановой (фамилия изменена. Эта женщина отбывала срок на Колыме, потом жила в Магадане. — Т.И.).

— Как вы думаете, почему она это сделала? Заставили или сама?

— Не знаю.

— А вы с ней были близки?

— Да.

— Очень?

— Очень.

— Тогда понятно. Когда будете писать объяснение на ряд вопросов, которые я вам запишу, вы объясните и возможную причину поступка Ивановой.

— Хорошо.

Вторая встреча касалась уточнения данных моей биографии и учетной карточки. В этот раз следователь держался как-то проще и перешел на «ты». Через десять дней вопрос о моей партийной принадлежности решался на Комиссии партийного контроля ЦК. В этот день рассматривались дела двадцати или тридцати человек. В зал заседания нас вызывали по одному. В Комиссии заседало человек 15, а может быть, и больше. Помню только, что там были и военные, и штатские. После нескольких вопросов председательствующий спросил:

— Так что же вы хотите? Чтобы в партии восстановили и выговор сняли?

— Я боюсь, что сразу двух просьб будет много, — ответил я. — Вначале в партии восстановите, а выговор, наверное, потом снимут?

Члены комиссии одобрительно засмеялись.

— А вы в Москве останетесь или в Магадан уедите?

— Уеду в Магадан. Мне через два года полагается северная пенсия.

— Ну хорошо, идите. Решение мы вышлем в Магаданский горком партии.

Я вышел. Вслед за мной вышел и мой следователь.

— Поздравляю, Иван Степанович. В партии тебя восстановили, выговор сняли.

Я поблагодарил его, получил свой пропуск с отметкой и, не чувствуя под собой ног, вышел из здания ЦК, зашел в ближайшее почтовое отделение и послал телеграмму жене в Магадан: «Сейчас состоялось решение ЦК партии. Все хорошо. Подробности письмом. Целую Ваня».

Личный архив Т.И.Исаевой.

Примечания

¹ «Один день Ивана Денисовича» — повесть А.И.Солженицына (род. в 1918 г.), опубликованная в «Новом мире» в 1962 г.

² *Твардовский А.Т.* (1910—1971) — поэт, главный редактор журнала «Новый мир» (1950—1954, 1958—1970).

³ «Каторга и ссылка» — научно-исторический журнал Общества бывших политкаторжан. Выходил в Москве в 1921—1935 гг.

⁴ *Киров (настоящая фамилия Костриков) С.М.* (1886—1934) — политический деятель.

⁵ *Погодин (настоящая фамилия Стукалов) Н.Ф.* (1900—1962) — драматург. Пьеса «Аристократы» была поставлена в 1934 г.

⁶ *Достоевский Ф.М.* (1877—1881) — писатель.

⁷ *Седов Г.Я.* (1877—1914) — полярный исследователь. Пытался достигнуть Северного полюса на собачьих упряжках.

⁸ Имеются в виду массовые репрессии на Колыме. Названо по имени подполковника *Гаранина С.Н.* (1898—1950) — начальника УСВИТЛа, возглавлявшего расстрельную тройку. УСВИТЛ — Управление северо-восточных исправительно-трудовых лагерей.

⁹ *Попов М.В.* (1888—?) — с 1934 г. начальник тюремного отдела АХУ НКВД СССР и одновременно начальник Бутырского изолятора (с января 1937 г. — Бутырской тюрьмы).

¹⁰ *Третьяков С.М.* (1892—1937) — писатель. Один из теоретиков ЛЕФа. Пьеса С.М.Третьякова «Рычи, Китай» была поставлена в Театре революции В.Э.Мейерхольдом.

¹¹ ЛЕФ — литературно-художественное объединение (1922—1929).

¹² МОПР — международная организация помощи борцам революции (1922—1947 гг.). В международном масштабе действовала до Второй мировой войны.

¹³ *Каплан Ф.Е.* (1890—1918) — член партии эсеров, в 1918 г. покушалась на В.И.Ленина.

¹⁴ Статья 58-10 — пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти; 58-11 — всякого рода организационная деятельность, направленная на подготовку или совершение преступлений, предусмотренных в статье УК; 58-12 — недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении. КРА — контрреволюционная агитация. КРД — контрреволюционная деятельность. КРТД — контрреволюционная троцкистская деятельность. ПШ — подозрение в шпионаже.

¹⁵ *Шухаев В.И.* (1887 — 1973) — художник. Будучи заключенным, оформлял спектакли Магаданского музыкально-драматического театра им. А.М.Горького.

¹⁶ Магадан стал городом в 1939 г.

¹⁷ Речь идет о *Шаламове В.Т.* (1907—1982) — поэте, писателе, авторе «Колымских рассказов».

¹⁸ Баня до сих пор сохранилась.

¹⁹ Дальстрой НКВД — крупное предприятие по освоению Северо-Востока. Основано в 1931 г.

²⁰ Так называли заключенных, устроившихся на канцелярской или другой нетяжелой физической работе.

²¹ *Некрасов Н.А.* (1821 — 1877) — поэт.

²² *Дежнёв С.И.* (1605—1673) — землепроходец.

²³ *Короленко В.Г.* (1853—1921) — писатель и публицист.

²⁴ В начале XX века основными заболеваниями на Колыме были туберкулез, сифилис, лепра.

²⁵ Эльген (по-якутски Элгээн — озеро овальной продолговатой формы) — один из крупнейших женский лагерей.

²⁶ *Билибин Ю.А.* (1901 — 1952) — геолог, член-корреспондент АН СССР.

²⁷ *Лондон Джек* (настоящее имя *Джон Гриффит*) (1876—1916) — американский писатель.

²⁸ *Гарт Фрэнсис Брет* (1836—1902) — американский писатель.

²⁹ *Берзин Э.П.* (1894—1937) — в 1918 г. сыграл решающую роль в разоблачении заговора Локкарта. С 1931 г. — первый начальник Дальстроя.

³⁰ *Павлов К.А.* (1895—1956) — начальник Дальстроя с 1937 г. В 1956 г. застрелился.

³¹ КВЧ — культурно-воспитательная часть.

³² *Ярошенко Н.А.* (1846—1898) — живописец-«передвижник». Автор жанровых произведений («Всюду жизнь», 1888).

³³ *Шкирятов М.Ф.* (1883—1954) — в 1934—1939 гг. секретарь партколлегии, в 1939—1952 гг. — заместитель председателя, с 1952 г. — председатель Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) (КПСС).

³⁴ *Чехов А.П.* (1860—1904) — русский писатель.

³⁵ *Мильчаков А.И.* (1903—1973) — деятель комсомола. С 1920 г. — секретарь Сибирского бюро комсомола.

³⁶ *Шевченко Т.Г.* (1814—1861) — украинский поэт, художник.

³⁷ *Асеев Н.Н.* (1889—1963) — поэт.

³⁸ *Светлов М.А.* (1903—1964) — поэт, драматург.

³⁹ *Сейфуллина Л.Н.* (1889—1954) — писательница.

⁴⁰ *Воронский А.К.* (1884—1937) — критик, писатель.

⁴¹ «Красная новь» (1921—1942) — первый советский «толстый» литературно-художественный и научно-публицистический журнал.

ДНИ СКОРБИ

Дневник барона Н.Н.Врангеля. 1914—1915 гг.

Июнь 1915 года. Идет мировая война. Война гражданская, с ее незамысловатой песней о «черном бароне», еще впереди. Полковник барон П.Н.Врангель получает известие о смерти в варшавском военном госпитале младшего брата Николая...

Годом позже, в Петрограде, был издан «Венок Врангелю» — книга воспоминаний друзей Николая Николаевича, устроителя художественных выставок, талантливого историка искусства и блестящего литератора. В книге были опубликованы эссе П.Вейнера, князя С.Волконского, А.Кони, В.Верещагина. Близко знавший Коку Врангеля А.Бенуа писал: «Возможно, будущие поколения будут говорить о какой-то эпохе *Врангеля* и столь характерный для нашего времени сентиментальный ретроспективизм получит какую-либо этикетку вроде “врангелизма”»¹.

Барон Николай Врангель родился 2 июля 1880 г. в имении Головкивка Чигиринского уезда Киевской губернии, двумя годами позже брата Петра. Отроческие годы прапраправнуков «арапа Петра Великого» прошли в Ростове-на-Дону. В середине 90-х гг. семья Врангелей переехала в Петербург, где Петр Врангель поступил в Горный институт императрицы Екатерины II; закончив его, он избрал, по семейной традиции, военную карьеру. Николай же окунулся в мир искусства. Позже он и сам недоумевал. Даже потешался:

И странно мне, что повесть давних лет
Мне смутным эхом сердце взволновала.
Что это, правда, жил я или нет —
В дней Александровых прекрасное начало?..

В 1902 г. в Петербурге состоялась первая «врангелевская» выставка «150 лет русской портретной живописи (1700—1850)». В 1904 г. вышел двухтомный труд Н.Врангеля «Русский музей императора Александра III. Живопись и скульптура», являвшийся, по существу, каталогом художественных произведений музея. В том же году барон Н.Врангель участвовал в подготовке знаменитой выставки портретов в Таврическом дворце (генеральный комиссар С.Дягилев), открывшейся в начале 1905 г.

В следующем году барон Н.Врангель был принят в штат императорского Эрмитажа, где занимался составлением описей, редактированием каталогов, выполнял особые поручения по осмотру и определению собраний и отдельных произведений. Вскоре появились его первые статьи по истории русского искусства последпетровского времени — в «Русском архиве», «Русской старине», «Старых годах». Воспоминания блестящие исследовательские эссе Врангеля, князь С.Волконский писал: «И в чем та щемящая притягательность прошлого, как не в том, что оно умерло. Эту болезненную сладость того, что было, эту сладостную боль того, что уже не будет, никто не ощущал так, как Кока Врангель. Он ощущал ее как-то особенно, мистически, он сливал себя с прошлым, он существовал в вещах; было что-то пантеистическое в его отношении к эпохам, что-то надмирное в легкости, с какой он разрушал время и переносил прошлое в настоящее»².

¹ Бенуа А.Н. Барон Н.Н.Врангель и его значение в русской художественной жизни // Венок Врангелю. Пг., 1916. С. 77.

² Венок Врангелю. С. 111.

После очередного объезда дворянских усадеб (летом 1909 г.) барон Н.Врангель опубликовал в журнале «Старые годы» серию статей «Искусство помещицкой России», которые составили основу доклада А.Кони в Академии наук о награждении журнала золотой медалью имени А.С.Пушкина³.

Среди наследия барона Н.Врангеля — труды по истории русского и европейского искусства: «Миниатюра в России» (1909), «Борисов-Мусатов» (1910), «История скульптуры» (1911), «Венок мертвым. Художественно-исторические статьи» (1913), «Мадонна Бенуа Леонардо да Винчи» (1914). Столь же плодотворной в предвоенные годы была его деятельность по организации художественных выставок: «Венецианов в частных собраниях» (1911), «Кипренский в частных собраниях» (1912), «Сто лет французской живописи» (1912), «Ломоносов и Елизаветинское время» (1912), «Наследие великой княгини Марии Николаевны» (1913), «Памяти Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского» (1914). На большинстве из них барон Н.Врангель состоял генеральным комиссаром, составлял каталоги или путеводители.

Много времени Н.Врангель уделял работе в Обществе защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (основано в 1909 г.), в котором он был секретарем. В 1912—1914 г. читал лекции по истории русской и французской живописи в Институте истории искусств графа В.П.Зубова.

В предвоенные годы Н.Врангель был завсегдаем артистического кабаре «Бродячая собака», где собиралась столичная богема: М.Кузмин, А.Крученых, Б.Лифшиц, К.Бальмонт, В.Хлебников, С.Судейкин, П.Богданова-Бельская, А.Ахматова и др. Многих из них Кока Врангель собирался привлечь к участию в грандиозном проекте, предполагавшем организацию в Петербурге дешевых театральных зрелищ и разнообразных увеселений (русских балаганов).

Август 14-го разрушил планы, отодвинул замыслы на будущее⁴. В день обнародования царского манифеста о войне барон Н.Врангель сделал первую запись в своем дневнике: «Мне думается, что грядущая Война, в которой все Великие Державы примут участие — разрешение векового вопроса о борьбе двух начал: божеского и человеческого. Первое начало — это дух творчества, нравственного подъема, искры, вспыхивающей и потухающей, т.е. всего что дала нам старая позавчерашняя культура. Человеческое начало — это вчера, это основа германской расы, это «подлый немец», которого все уважают, но никто не любит. Это тот дух закономерности, порядка, логики и ума, который почитался еще вчера основой благополучия людей. Дай Бог, чтобы новая страшная война дала жизнь первому Началу, ибо только оно и живительно и многообразно и только ему и нет конца»⁵.

³ 15 марта 1911 г. по решению Академии наук состоялось вручение пушкинской медали редакции журнала.

⁴ «Ряд всевозможных изысканий был им намечен на многие годы вперед, — писал А.Бенуа, — и частью даже в значительной степени к ним подысканы архивные и другие материалы» (Современное слово. 1915, 27 июня).

«Еще в 1910 г., — сообщал журнал «Старые годы», — [Н.Врангель] закончил свою большую монографию о Рокотове... но издатель И.Н.Кнебель донныне не успел выпустить этот труд. Равным образом не вышел из печати первый том «Истории императорской Академии художеств за 150 лет», большого роскошного издания, где [Врангель] являлся редактором и одним из авторов. Также не появились еще в печати несколько исследований, предпринятых им для «Старых годов». Из работ, еще не осуществленных, следует особенно отметить предположенное «Старыми годами» издание большого «Словаря русских живописных портретов», для которого еще с 1910 г. деятельно собирались материалы» (Старые годы. 1915, июнь. С. 59).

⁵ ОР РГБ. Ф. 218. Картон № 1380. Ед. хр. 9. Л. 4—6.

В первые дни войны барон Н.Врангель вместе с другими сотрудниками императорского Эрмитажа готовит музейные ценности к отправке в Москву. В «Днях скорби» он пишет и о настроениях столичных жителей, слухах о «немецких шпионах», волнениях запасных в ходе мобилизации в Сибири. Подчас он пребывает в грустном настроении: «Стыдно... — опять ощущение, которое я теперь испытываю от своего вынужденного бездействия. Чувствуешь себя каким то тунеядцем, не имеющим права на существование. Странное дело, но те интересы, которыми жили до сих пор, кажутся ныне совершенно пустяжными и прежние ценности не стоят ничего»⁶.

Вскоре барон Н.Врангель вместе с друзьями из «Старых годов» известит подписчиков о временном прекращении выхода журнала. В начале августа он задумал издавать газету для солдат — с целью «установления тесной и непрерывной связи сражающегося за родину воина со всем тем, что ему, наравне с защитой Отечества, наиболее дорого — с семьей и хозяйством». Однако ходатайство об издании хроники текущих событий («Война и мир») — барон подробно рассказывает об этом в своем дневнике — не увенчалось успехом из-за отказа в денежной субсидии.

С августа барон Н.Врангель стал работать в Красном Кресте Северного района, проводя дни на вокзалах, где встречал санитарные поезда и распределял раненых по столичным лазаретам. В октябре 1914 г. он отбыл на войну уполномоченным военно-санитарного поезда № 81 имени великой княжны Ольги Николаевны. В апреле 1915 г. принял предложение Главноуполномоченного Северного района Красного Креста написать исторический очерк о деятельности этой организации в первый год войны. С целью сбора сведений он вместе с другом С.Бертенсоном обследовал учреждения Красного Креста в Вильно, Митаве, Полоцке, Витебске, побывал на передовых позициях. Вернувшись в Варшаву, друзья приступили к написанию книги. Однако вскоре, рассказывает С.Бертенсон, «Врангель заболел. Врачи определили у него желтуху, и сперва болезнь его, как будто, не внушала никаких опасений, он даже немного работал. Но затем неожиданно произошло резкое ухудшение и, пробыв сутки без сознания, 15 июня 1915 года он скончался»⁷. 19 июня барон Н.Н.Врангель был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры⁸.

Родные и друзья озаботились судьбой врангелевского наследия⁹. Кружок любителей русских изящных изданий решил выпустить полное собрание сочинений барона Н.Н.Врангеля — монографии и статьи, опубликованные в различных художественных изданиях¹⁰. А.Бенуа писал: «Материалов у Врангеля должна остаться неисчислимая масса...Очень ценны должны быть также те записки, которые он делал во время своих путешествий по России и Европе. Что теперь со всем этим станет?»¹¹. Статью о «рыцаре искусства» А.Бенуа заключал следующими словами: «Не могла ли бы Академия художеств теперь хоть отчасти загладить свою вину перед этим славным русским гражданином тем, что она дала бы в своих стенах приют «архиву барона Н.Н.Врангеля», учредив при этом хотя бы

⁶ ОР РГБ. Ф. 218. Картон № 1380. Ед. хр. 9. Л. 28—29.

⁷ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 195.

⁸ Могила Николая Николаевича не сохранилась (См.: Пириутко Ю.М. Никольское кладбище // Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 201).

⁹ «Среди оставшихся после него бумаг, — рассказывал П.Вейнер, — найдены заметки, наброски, отзвуки художественных впечатлений, воспринятых в городе Прибалтийского и Западного края» (Венок Врангелю. С. 21).

¹⁰ Аполлон. 1915. №№ 6—7. С. 97.

¹¹ Современное слово. 1915, 27 июня.

небольшой памятный отдел в честь того, кто лучше чем кто-либо у нас чувствовал искусство и отдал ему все свое существование?»¹²

Баронесса М.Д.Врангель, разобрав личный архив сына¹³, передала материалы в те учреждения, с которыми Николай Николаевич сотрудничал — в императорскую Академию наук¹⁴, Пушкинский Дом¹⁵, Музей императора Александра III¹⁶, Институт истории искусств графа В.П.Зубова¹⁷ и др.¹⁸

¹² Там же.

¹³ Мария Дмитриевна сделала несколько примечаний к военному дневнику сына. В частности, в первой тетради «Дней скорби» приведена биографическая справка: «Дневник 1914-1915 гг. барона Н.Н.Врангель, историка искусства и художеств[енного] критика, умершего 34 л[ет] в городе Варшаве. Томьясь в тяжелые дни своей родины без активной деятельности на пользу ея, он искал возможности применить свои способности для данного момента, вступил в Красный Крест, все его переживания и род деятельности отражены в дневнике. К дневнику приложена его докладная записка и отзывы прессы после его кончины, ярко характеризующие его личность и деятельность» (ОР РГБ. Ф. 218. Карг. 1380. Ед. хр. 9. Л. 1об).

Соответствующая запись имеется и в последней (четвертой) тетради: «1914—1915 гг. Дневник барона Николая Николаевича Врангель (историк искусств[ва] и художест[венный] критик) состоявшего во время войны для особых поручений при Главноуполномоченном Северного Района Красного Креста. Скончался от тяжелой желтухи 34 л[ет] в Варшаве 15 июня 1915 г. в 10 ч[асов] 30 м[инут] утра» (РГИА. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1об.).

Тетради были запечатаны в два конверта, подписанные баронессой М.Д.Врангель: [1] «I и II часть Дневника Барона Николая Николаевича Врангель. Покорнейше просят вскрыть в 1940 году», [2] «III и IV часть Дневника Барона Николая Николаевича Врангель. Просят вскрыть в 1940 году» (РГИА. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1—2).

¹⁴ «Дневник покойного [Николая Николаевича] за время войны, — сообщал журнал «Старые годы», — запечатанный на 25 лет, и некоторые другие бумаги переданы в рукописный отдел Академии наук» (Старые годы. 1915. Декабрь. С. 54).

¹⁵ Журнал «Старые годы» сообщал: «Принадлежавший покойному большой портрет масляными красками Озерова работы неизвестного художника пожертвован баронессой Врангель «Пушкинскому Дому» (Старые годы. 1915. Декабрь. С. 54). Вскоре в Пушкинский Дом была передана переписка Николая Николаевича с «современными деятелями искусства, рукописи, записки и т.д.» (Старые годы. 1916. Апрель—июнь. С. 121).

¹⁶ В 1915 г. родители барона Н.Н.Врангеля передали в дар Музею две картины — И.Ф.Хруцкого («Мастерская художника») и Н.М.Алексеева-Сыромянского («Художники») (Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века. Каталог. Л., 1980. №№ 60, 6000).

¹⁷ См.: Старые годы. 1915. Декабрь. С. 54. По свидетельству П.Вейнера, в Институт были переданы «библиографические и архивные материалы о художниках, скульпторах, медальерах для неосуществленного словаря русских «живописных портретов» (Венок Врангелю. С. 19—20).

¹⁸ «После его смерти его мать подарила мне, — рассказывал князь Сергей Волконский, — дорожный письменный кожаный портфель с принадлежностями, с адресной книгой, с его визитными карточками, с несколькими порошками антипиринна — все, как осталось после него; также картину, семейный портрет — дама с детьми, работы Тербенева, висевший в его кабинете в Петербурге. Портфель пропал во время «национализации» моих вещей в уездном Борисоглебске, портрет, говорили мне, находится в музее, в Тамбове» (Волкон-

В 1916 г. предполагалось начать издание пятитомного собрания сочинений барона Н.Врангеля, которое, однако, в условиях войны осуществить не удалось. Тем более оно стало невозможно после Октября 1917 г., когда тень «черного барона» генерала П.Врангеля закрыла наследие¹⁹ его младшего брата. В советское время была опубликована лишь одна его небольшая статья в узкоспециальном издании²⁰. Столь же единичны случаи обращения исследователей к его эпистолярному наследию²¹.

Интерес к творческому наследию барона Н.Врангеля обозначился с конца 1980-х гг., когда были переизданы некоторые работы²², появились первые архивные публикации²³ и статьи, посвященные его жизни и творчеству²⁴.

Врангелевский архив — письма, дневники, наброски и подготовленные к печати статьи, картотеки, описание коллекций, альбомы стихов — рассредоточен по разным государственным хранилищам: отделы рукописей Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Российской государственной библиотеки, Института русской литературы (Пушкинский дом), архивы Государственного Эрмитажа, РГИА, Петербургского отделения Академии наук и т.д.²⁵ Некоторые документы имеются в архиве баронессы М.Д.Врангель²⁶.

ский С.М., кн. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 1. С. 80—81). Ныне «Семейный портрет» Теребенева («Портрет. Interieur») находится в фонде князей Волконских в Отделе рукописей РГБ (Ф. 56. Оп. 2. Ед. хр. 141).

¹⁹ Библиографию трудов барона Н.Н.Врангеля см.: Старые годы. 1915. Июнь. С. 60—64; Злочевский Г.Д. «С беспристрастием судьи и изяществом художника» (Н.Н.Врангель) // Русская усадьба. М., 2000. Вып. 6 (22). С. 494.

²⁰ См.: Врангель Н. Первые годы Академической школы // Русская Академическая художественная школа в XVIII в. М.—Л., 1934.

²¹ Фрагменты нескольких писем Н.Врангеля были опубликованы в ряде изданий: Толстой Л.Н., гр. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 79; Грабарь И.Э. Письма. 1891—1917. М., 1974.

²² См.: Помещичья Россия // Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. 1992. № 25; Старые усадьбы: очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999.

²³ См.: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX вв.). Л., 1988 (эпиграмма «На «среды» Н.Н.Дризена»); Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. М., 1989; Банников А.П. Документы из архивов Н.Н.Врангеля // Памятники культуры. Новые открытия. 1990. М., 1992; он же. Н.Врангель. Письма к Александру Бенуа // Наше наследие. 1996. Т. 37; он же. Неопубликованная рукопись барона Н.Н.Врангеля. Сведения очевидца о старце Федоре Кузьмиче // Дворянское собрание. 1998. № 8 и др.

²⁴ Библиографию литературы о жизни и творчестве барона Н.Н.Врангеля см.: Острой О.С. История искусствоведческой библиографии в России (XI — начало XX вв.). Л., 1991. С. 180—200; Мурашев А.А. «Потомок негров безобразный» (штрихи к портрету барона Н.Н.Врангеля) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 184—186; Злочевский Г.Д. Указ. соч. С. 502—506; Лаврухина И.А. Предисловие // Врангель Н.Н., бар. Свойства века: Статьи по истории русского искусства. СПб., 2000. С. X—XII.

²⁵ РГИА. Ф. 653. Ед. хр. 11. 1912—1915; Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 60. Ед. хр. 154. 1889—1917; ГРМ. Ф. 96. Ед. хр. 166. 1872—1919 и т.д.

²⁶ См.: Шевеленко И. Материалы о русской эмиграции 1920—1930-х гг. в собрании баронессы М.Д.Врангель (Архив Гуверовского института в Стэнфорде). Stanford, 1995.

В одной из публикаций был воспроизведен небольшой фрагмент из военного дневника (запись от 18 мая 1915 г.) барона Н.Врангеля, с таким комментарием: «Военные дневники Н.Н.Врангеля в «Красном Кресте» хранились в ЦГИА (Ф. 653. Оп. 1. Д. 4), состояли они из 4 больших тетрадей в 96 листов каждая. В настоящее время из 4 томов остался один — четвертый. Первые три тома с 1968 года находятся в «розыске», хотя по актам проверки ранее имелись в наличии»²⁷.

Исчезнувшие тетради, к счастью, объявились в Москве — в 1973 г. некто В.А.Якубович, без каких-либо объяснений относительно источника приобретения, продал их Отделу рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина²⁸. До сих пор остается неясным, каким образом эти тетради оказались у «продавца»²⁹.

Несмотря на описание «московских» тетрадей барона Н.Н.Врангеля³⁰, для исследователей отечественной истории и культуры они оставались неизвестными. По крайней мере, пометы на «листе использования», приложенного к тетрадям, свидетельствуют о том, что их «просмотрели» всего два человека.

В настоящее время три тетради дневника «Дни скорби» (так озаглавил свой дневник барон Н.Н.Врангель) хранятся в Отделе рукописей РГБ в фонде 218, картон 1380: тетрадь I — 20.07.1914 — 8.08.1914 (Ед. хр. 9); тетрадь II — 8.08.1914 — 17.10.1914 (Ед. хр. 10); тетрадь III — 24.10.1914 — 7.05.1915 (Ед. хр. 11), а тетрадь IV — 22.03.1915 — 3.06.1915 в РГИА. Ф. 653. Оп. 1. Д. 4.

В публикацию включены все четыре тетради «Дней скорби». Орфография и пунктуация авторские. Подчеркивания выделены курсивом. Сокращенные слова раскрыты в квадратных скобках.

Помощь автору при подготовке публикации оказали доктор геолого-минералогических наук В.П.Волков, кандидат исторических наук А.Ю.Скаков, К.А.Ларина, А.В.Молчанов, А.Л.Санеев, М.Ю.Чепыжев, С.И.Варехова за что выражаю им искреннюю признательность.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук А.А.МУРАШЕВ.

²⁷ Банников А.П. Документы из архивов Н.Н.Врангеля. С. 346.

²⁸ Опись Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина (Ф. 218. Собрание единичных поступлений). Материалы из архивов разных лиц. М., 1974. Т. 22. № 94.

²⁹ В.А.Якубович, помимо врангелевских тетрадей — предложил Отделу рукописей и другие «разновременные материалы: печатные объявления 1763 г. о маскараде в Москве; список 2-й — 4-й глав II-го тома «Мертвых душ», относящийся к середине 1850-х годов и представлявший собою, возможно, один из списков с несохранившегося автографа шевыревской копии; список бенефисов и расписание бенефисных дней Большого театра на сезон 1868/69... комплекс писем к издательскому работнику Иосифу Израилевичу Рабиновичу актрисы Т.Щепкиной-Куперник, С.А.Венгерова (1912 г.), К.А.Тренева (4 п. 1920-е гг.), А.Н.Толстого (5 п. 1920—1930-е гг.), В.В.Ермилова (1942 г.)». По заключению закупочной комиссии (№ 94 от 25 сентября 1973 г.), «все материалы имеют важное историческое и историко-культурное значение. Их следует приобрести, оценив в 206 (двести шесть) рублей».

³⁰ См.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. Сост. М.О.Чудакова. М., 1976. Вып. 37. С. 161.

*Барон Н.Н.Врангель***Дни скорби****«Небываемое бывает»****Надпись на медали Петровского времени^а****I**

И в небесах я вижу Бога!
Лермонтов¹

20 июля [1914 г.]²

Сегодня первый день новой эры в истории всего человечества, такой страшный и необычайный день, что просто дух захватывает от того, что Великая Судьба скажет в книге жизни. Ибо в летописях мировой истории этот день будет отмечен, как поворот к новому существованию всех народов. Война объявленная Германией России не случайный эпизод ссоры или алчности двух держав, а поворотная точка после которой, быть может, вся Европа переменит свою географическую карту и полная перетасовка понятий и ценностей создаст новый мир.

Мне думается, что грядущая Война, в которой все Великие Державы примут участие — разрешение векового вопроса о борьбе двух начал: божеского и человеческого. Первое начало — это дух творчества, нравственного подъема, искры, вспыхивающей и потухающей, т.е. всего что дала нам старая позавчерашняя культура. Человеческое начало — это вчера, это основа германской расы, это «подлый немец», которого все уважают, но никто не любит, это тот дух закономерности, порядка, логики и ума который почитался еще вчера основой благополучия людей.

Дай Бог, чтобы новая страшная война дала жизнь первому Началу, ибо только оно и живительно и многообразно и только ему и нет конца.

Может быть, и даже очень вероятно, что мои рассуждения уже отжили свой век. Верю охотно, что Царствию Божию бывшему на земле в эпоху давней культуры пришла кончина и что мы теперь вступаем именно на новый путь³. Но я как человек всеми своими силами примыкающий к этому старому миру не останусь ему чужим и пусть мои мысли, для себя самого записанные, будут отжившими, но пускай они будут чувствами моего поколения. Ибо если даже все покинут меня, если я останусь один, то, что же у меня останется кроме моих старых друзей — мыслей?

Новая эра в истории народов должна дать новое обновление и, думается мне, как некогда от гуннов это обновление может пойти от Славян, тех Славян, которые в отдельности не пригодны к государственной

^а Заголовок документа.

жизни, к общественной работе, к соборному созиданию, но которые все же таят больше чем кто бы то ни было сокровенный дух Божества, те, кого Достоевский не напрасно прозвал «народом Богоносцем». Это слияние славянства с Западом и может освежить угасающие старые «династии» европейских рас и дать им новую жизнеспособность. Будем же верить, что настал день, когда бедной Великой Многострадалице России придет облегчение и когда и она найдет путь освободиться от самой себя, дав свою мощь мировому будущему.

Наша маленькая повседневность среднего человека, в серой яме петербургского существования не может, конечно, охватить весь горизонт настоящей драмы. Видишь «в щелочку Бытия» только клочки происходящего, но и они дают так много, что чувствуешь себя ничтожной букашкой на литургии, творимой Великим Божеством. И да простятся мне те эпизоды «житейского муравейника», которые я заносу в эту книгу. Но мне кажется, что даже крошечные крупинки нынешних событий имеют значение и всякий кто может должен их собирать.

[21 июля]

Петербургские мысли

В городе ходит рассказ о необычайном случае вручения гр. Пурталесом⁴ Сазонову⁵ вербальной ноты с объявлением войны. Оказывается, что германское правительство, предполагая возможность согласия России на демобилизацию в текст ноты своему послу прислало два варианта: один миролюбивого характера в случае согласия, другой с объявлением войны — в случае отказа. Необычайная спешка и волнение Пурталеса были причиной того, что, передавая ноту Сазонову он вручил ему экземпляр с двойным текстом — согласия и отказа и только откланявшись и возвратясь к себе заметил ошибку⁶...

Относительно настроения Пурталеса перед объявлением войны любопытна следующая история, рассказанная мне гр[афом] Д.И.Толстым⁶⁸ со слов его приятельницы Ж.О.Петерс. Эта последняя, урожденная фон Люцов — немка по происхождению — за два дня до войны заехала к своей старинной знакомой графине Пурталес⁹. «Милый друг, — сказала ей графиня — искренно советую вам уезжать с нами». — «Но, позвольте, зачем же, когда я по мужу русская, мне просто неловко покидать в такую минуту Россию». — «Да, знаете ли вы, что с вами будет? Не сегодня-завтра в Петербурге разразится революция — камня на камне не останется от столицы. Это сказал мне муж, у которого самые достоверные сведения и донесения наших агентов!»

Невозможно описать волнение и энтузиазм, охватившие Петербург после объявления войны. Такого возбуждения, восторга и спокойной покорности воле Судьбы я никогда до этого времени не видел. Только в такие высокие минуты, когда человек соединяется с человеком всеми

^a «Сличи с Оранжевой книгой» (Прим. авт.)⁶.

⁶ «Директор Эрмитажа» (Прим. баронессы М.Д.Врангель).

своими помыслами и ощущениями понимаешь все величие и *необходимость* войны. Только война, потрясая все человечество может пробудить в нем чувства, которые, казалось, уже не существуют и как ни странно сказать, но пока будет война — не умрет и благородство ощущений. И обратно при воцарении мира о котором так бесплодно мечтают все пацифисты — настанет и день бездушного безразличия и сытого равнодушия — этого злейшего врага всякой поэтической мысли и духовного усовершенствования. Нет, как ни ужасно, как не страшно кровопускание мировой бойни, но необходимо оно и только ею очистится и обогородится оцепевшее и разжиревшее человечество.

Вот почему, как ни трагичны для отдельных людей и стран войны, но для истории человеческой мысли и рыцарства — войны необходимы...

В этих печальных мыслях сидел я, глубоко задумавшись о своих и чужих невзгодах, в понедельник 21-го июля. Вдруг человек докладывает, что меня экстренно просит выйти к нему какой-то господин. Выхожу в переднюю, ожидая известий от матери, находящейся без вести за границей или от отца¹⁰, лежащего больным в Vichy. Господин взволнованным голосом говорит мне: «Простите, что беспокою, но у меня дело чрезвычайной к Вам важности! — Ну, что такое? — Вот, видите ли, я едва добрался с поездом из Москвы. — Но в чем же, в чем же дело? — Едва достал билет, всю ночь ехал стоя и, наконец-то я здесь!». При сем рыжебородый пришелец — художник М.Н.Яковлев¹¹ — торжественно предлагает мне какой-то увесистый большой ящик. «Что же там?» — спрашиваю, сильно волнуясь.

«Миниатюры, — торжественно, шепотом отвечает он — миниатюры княгини Гагариной, которые я давно собирался показать Вам, но никак не мог выбрать времени». Мне не осталось ничего иного, как расхотаться, хотя в первое мгновение очень хотелось послать к чорту этого «любителя художеств», не нашедшего более удобного времени для своих коллекционерских забав.

В эти дни комические факты постоянно приплетаются к трагическим и самые разноречивые и нелепые слухи ходят по Петербургу. Сегодня все только и говорят об аресте графини Клейнмихель — la comtesse Mimi^a, якобы уличенной в шпионстве для Австрии¹². Вопреки этим слухам, графиня была на Выходе в Зимнем Дворце и в тот же день обедала у Донона¹³ с ген[ерал]-адъютантом Максимовичем¹⁴, но все же существование таких толков уже знаменательно. Дело в том, что репутация шпионки твердо установилась за гр[афиня] Клейнмихель и все знающие ее всегда намекали об этом. Не имея состояния — ни по рождению, ни по замужеству — гр[афиня] Клейнмихель всегда славится своими приемами и балами, тратит сотни тысяч в год, да к тому же и дружна со всеми дипломатами, при всех сменах одного другим¹⁵. Ее «политический салон» соединяет самых разнообразных представителей иностранных держав с русскими сановниками и это уже дает повод ко слухам. К тому же, бог весть почему — графиня — интимный друг Им-

^a Графиня Мими (фр.).

ператора Вильгельма¹⁶ и находится в постоянной переписке с ним. После прошлогоднего ее костюмированного бала графиня послала Вильгельму свой портрет в маскарадном костюме и получила взамен карточку Императора. И во время ее болезни он осведомлялся о ее здоровье и даже посылал ей цветы¹⁷.

Столь же чудовищен другой слух, также, однако, знаменательный. Говорят, что повесили или расстреляли ген[ерала] Драчевского¹⁸ — градоначальника Петербурга, уличенного в сношениях с враждебными нам державами и получавшего субсидии на забастовку по 70 к[опеек] с «бастующей души». В самом деле, весьма странно, что при назначении нового градоначальника кн[язя] Оболенского¹⁹ в приказе нет ни слова о Драчевском и никто не знает в отставке ли он, получил ли повышение или умер. Слух же о его предательстве повторяется и притом из источников очень серьезных. Так или нет, но во всяком случае уход этого господина — бездарного, беспечного и нечестного, человека, запятнавшего свое имя в грязной истории банкира Захария Жданова²⁰ — приветствуется всеми с восторгом.

Рядом с грустным нельзя не отметить и смешного. В официальном издании — «Финляндская газета» (заменяющей Правительственный Вестник для Финляндии) в день объявления войны помещена передовая статья: «О разведении шелковичных червей в России»^a.

22-го [июля]. Вторник

Вести идут все тревожнее и тревожнее. Сегодня в Эрмитаже получено экстренное приказание укладывать спешно все драгоценности, которые, быть может, будут отправлены в Москву. Опасаются налета аэропланов на город, хотя по мнению военных авторитетов это невозможно. Приказано также составить опись всех золотых медалей, представляющих большую денежную ценность и не имеющих художественного достоинства. Их предполагают перелить, отдав деньги на военные нужды²¹.

24-го [июля]

Образец русского патриотизма: мои хорошие знакомые М.С. и Е.П. Олив²², возвратясь из имения не нашли ничего лучшего, как телефонировать в Австрийское посольство, приглашая «на чашку чая» своих знакомых секретарей и военного агента.

Князь Гогенлоэ²³ был сегодня у них, пил чай, мирно беседовал и, конечно, постарался в разговоре выяснить настроение умов русской публики от своих болтливых хозяев. Замечу при сем, что М.С.Олив — запасной, ныне призванный офицер, имеющий к тому же и придворное звание²⁴.

^a «НВ. Проверить день напечатания» (Прим. авт.) 17(30) июля 1914 года, в день подписания императором Николаем II указа, объявлявшим Великое Княжество Финляндское на военном положении, в «Финляндской газете» была опубликована заметка «Культивирование в Финляндии растений для ткацкой промышленности».

Барон Н.Н.Врангель

25-го [июля]

Оказывается, что призыв запасных и мобилизация, столь удачно прошедшие в России — вызвали много протестов в Сибири. Запасные буйствовали во многих местах, были вызваны войска и произошло кровопролитие. Барнаул сожжен и разграблен о чем в газетах — и вполне основательно — нет ни слова²⁵.

26-го [июля]

Гр[аф] Д.И.Толстой со слов мин[истра] вн[утренних] д[ел] г. Маклакова²⁶ рассказывал мне, что арестован капитан (?) А.Лорстен^а с женой — «бесследно исчезнувший» австриец о котором пишут все газеты, что он, якобы пропал проезжая из австрийского посольства на Финляндский вокзал для следования на родину.

Оказывается, что за ним давно следили и в момент отъезда поймали с поличным в то время, как он собирался захватить ящик с важными документами, добытыми им и касающимися русских войск и стратегических планов(?)^б.

^а «Лостер?»²⁷ (Прим. авт.).

^б «Этому противоречат газетные сообщения» (Прим. авт.)²⁸.

Ходят еще — впрочем маловероятные слухи — что в здании германского посольства недавно разгромленного — обнаружен радио-телеграф, помещавшийся будто бы в германском штандарте на крыше здания. Быть может это такие же «достоверные» сведения, как и повешение шпионов гр[афини] Клейнмихель и ген[ерала] Драчевского, которые находятся на свободе, здравствуют и даже не дали никаких фактических поводов к таким рассказам.

29 [июля]

Стыдно... — опять ощущение, которое я теперь испытываю от своего вынужденного бездействия. Чувствуешь себя каким то тунеядцем, не имеющим права на существование. Странное дело, но те интересы, которыми жили до сих пор, кажутся ныне совершенно пустяшными и *прежние* ценности не стоят ничего. И обратно: военщина, офицерство и все то, что в глазах мало мальски мыслящих людей в обыденное время казалось пустяшными (да *тогда* и были таковыми) — теперь вдруг вырастают в нечто столь крупное, что перед ними тускнеет все остальное. Какой-нибудь пошлый и неразвитый офицер, которого все «судили снисходительно» *теперь* во сто крат нужнее всех теоретиков, умников, деятелей искусства и науки. Отсюда и чувство стыда и ненужности, которое испытывает теперь всякий, кто до сих пор занимался тем, что *теперь* не нужно, а *теперь* это такая минута для которой стоило и надо было жить.

Особенно тяжело то, что чувствуешь свою не только фактическую, но и моральную непригодность, полное невежество и бессилие в тех вопросах, которые теперь стали насущными. Надо начинать жить с начала, учиться снова, словом забыть все прежнее и вступить в новую жизнь. Но — какую?

30-го [июля]

Был вечером на учредительном собрании нового общества помощи беспризорным детям запасных. Дело хорошее, но я чувствовал себя дураком, не имея ни опыта, ни умения в этом полезном деле²⁹.

31-го [июля]

Сегодня беседуя с друзьями — В.А.Верещагиным³⁰ и Л.К.Стефанским³¹ — пришла в голову следующая мысль. Солдаты, оторванные от семьи и хозяйства, на поле сражений все время тревожимы мыслями о покинутых. Газет у них нет, да газеты и мало заботятся об их интересах, сообщая и комментируя для «интеллигенции» все факты и слухи. Газета для солдата во время войны нужна и необходима и отчего бы нам не попробовать осуществить эту мысль?

1-го авг[уста]

Л.К.Стефанский — старинный приятель А.В.Кривошеина³² — взялся передать ему нашу докладную записку о газете для солдат. Вот ее содержание:

«В тяжелую годину, переживаемых нашей Родиной грозных событий более чем когда либо необходимо и желательно установление тесной и непрерывной связи сражающегося за родину воина со всем тем, что ему, наравне с защитой Отечества, наиболее дорого — семьей и хозяйством. Такой связи в настоящее время не существует. Оторванный, и надолго, от обычных интересов солдат естественно занят мыслями о тяжелой судьбе оставленных им на родине жены и детей. Подобные мысли, несмотря на общий патриотический подъем, не могут в некоторых случаях не вызвать в нем чувства беспокойства и угнетения.

Солдату необходимо знать, что Правительство неусыпно заботится о всем том, что близко его сердцу, принося для облегчения участи покинутой им семьи громадные жертвы. Это проникновенное сознание должно несомненно содействовать поддержанию во всей армии того бодрого и сильного духа, который особенно необходим в настоящую войну для защитников отечества, предотвращая вместе с тем и возможность проявления в будущем каких либо недовольств среди войска.

Исходя из приведенных соображений, и принимая во внимание отсутствие в современной прессе объединяющего подобные вопросы издания, кружок лиц, посвятивших свою деятельность печатному слову, ходатайствует о разрешении ему на время настоящей войны издания, подчиненной цензуре военного ведомства хроники текущих, как на поле брани, так и за его пределами событий.

Указанную хронику, под названием «Война за мир» предполагается выпускать два раза в неделю в размере большой четверки, в количестве 100000 экземпляров для бесплатной раздачи нижним чинам действующей армии, по указанию Августейшего Главнокомандующего.

Предполагаемое издание, отнюдь не задаваясь какими либо партийными целями и проникнутое одним желанием пользы столь близкому нашей родине делу, будет заимствовать помещаемые в нем сведения исключительно из не подлежащих никакому сомнению источников, прилагая по возможности усилия к изложению означенных сведений удобопонятным для солдат языком.

Содержание предполагаемого издания

- 1) Вводные статьи в патриотическом духе с популярным изложением нужд и потребностей русской жизни в связи с войной.
- 2) Сообщаемые Главным Штабом известия с отечественного театра войны.
- 3) Одобренные Главным Штабом известия о военных действиях союзных держав.
- 4) Высочайшие повеления и Манифесты.
- 5) Описание наиболее доблестных подвигов русского солдата.
- 6) Положение сельского хозяйства и забота Правительства о нуждах деревни.
- 7) Деятельность Земств, Городских учреждений и частных лиц в области призрения семейств запасных и призора их вдов и сирот.
- 8) Деятельность тех же учреждений и лиц в области призрения раненых.

9) Хроника важнейших патриотических проявлений в столицах и на месте.

К сотрудничеству предполагаемого издания решено привлечь лиц наиболее известных своей литературной деятельностью в патриотическом духе.

Общую организацию издания, наблюдение за ходом работ и редакционную деятельность всецело и безвозмездно берут на себя: В.А.Верещагин, барон Н.Н.Врангель и Л.К.Стефанский³³.

2-го августа

Сегодня в 9 ч[асов] утра Стефанский уже был у Кривошеина. Последний с большим вниманием выслушал нашу записку, даже растрогался и нашел мысль издания выше всяких похвал. Но при разговоре о деньгах необходимых для издания, Кривошеин с грустью сознался, что их достать почти невозможно и сказал, что он знает заранее, что министр финансов³⁴ не согласится на эту ассигновку!

Что делать — жаль!

Не теряя, однако, надежды и видя моральную поддержку Кривошеина, сказавшего, что за разрешение и распространение листов в армии он уверен, я с Верещагиным поехали к кн[язю] С.С.Абамелеку-Лазареву³⁵. Мы хотели просить этого чванливого и самолюбивого господина о принятии на себя расходов по изданию, предлагая ему при этом стать во главе и быть редактором-издателем. Однако, Абамелек — сухой, узкий и мелко-самолюбивый человек — отнесся чисто формально и, конечно, не понял значения в *будущем* такой связи солдата с внутренними нуждами Империи. Он любезно наговорил всяких глупостей, дал несколько весьма наивных советов и в результате — отказал.

В разговоре с ним — крупным землевладельцем и заводчиком на Урале — я узнал, что в Пермской губернии были весьма значительные протесты запасных, что убит управляющий заводами гр[афов] Шуваловых и, вообще, много беспорядков³⁶.

Сегодня весь город только и говорит о непонятном обращении к полякам Вел[икого] Кн[язя] Николая Николаевича³⁷. Этот акт, как я слышал от кн[язя] К.А.Горчакова³⁸ — написан Сазоновым, а на польский язык переведен графом Велепольским³⁹.

Чем объяснить этот странный «манифест», обещающий Польше величайшие права? Такой акт государственного значения, обнимающий не данный момент, а будущее, т.е. время когда главнокомандующий уже потеряет свою силу — должен быть подписан Государем Императором. И как нелогичен он при сравнении с тем, что творила официальная Россия по вопросу о поляках, о Холмской Руси и о прочих вопросах Царства Польского. Или это вынужденная мера, вызванная испугом, как и манифест 17-го Октября? Или, наконец, обещание неспособного лица, нарочно не подписанное Государем, дабы оно потеряло свою силу после окончания военных действий? Последнее, впрочем, слишком нелепо и нечестно!

3-е авг[уста]

Вчерашний отказ в денежной субсидии на издание газеты для солдат привел меня в грустное настроение. Мне стало казаться, что и мысль эта не жизненна и неисполнима и, что проект этот просто лишь утопия «бессмысленных мечтателей».

Тем с большей радостью прочитал я сегодня во всех газетах следующую телеграмму: «Париж 1-го августа. Подтверждается, что правительство решило издавать ежедневный военный бюллетень, предназначенный для войск. Мессими⁴⁰ обратился по этому поводу с письмом к Вивиани⁴¹, находя необходимым принести сражающимся могущественное утешение, давая им возможность взвешивать значение их личных усилий в общем национальном напряжении. Военный министр испрашивает разрешение передать этот бюллетень под особое покровительство председателя Совета Министров. Вивиани ответил, что он согласен принять в свое ведение военный бюллетень, добавив, что всю жизнь будет гордиться тем, что ему привелось таким путем общаться со славной молодежью, сражающейся за родину».

Невольно вспоминаются при этом слова Суворова: «Каждый воин должен понимать свой маневр», расширив это изречение и на общую семейную и гражданскую жизнь каждого человека.

4-е авг[уста]

Тягостное впечатление производит молчание газет о всех военных операциях. Понятно, что стратегические планы и чисто военные действия должны оставаться в тайне, а не разглашаться, как в прошлую войну. Но следовало бы, во что бы то ни стало, оглашать эти действия несколько времени спустя, т.е. тогда, когда они потеряют значение для противника, но для нас, оставшихся здесь, все же будут драгоценны. Ибо только таким образом можно поддержать связь войска с сердцем России их родиной и дать твердую уверенность в победе, так как нельзя же без конца верить Правительству «в кредит».

Грустно и то, что такое вынужденное молчание отнимает от войны и всю ее романтическую прелесть, убивая в корне общий народный энтузиазм. Не зная имен наших военачальников, не имея сведений об отдельных проявлениях доблести, Россия не будет иметь и своих героев. А какой же подъем восторга может быть у нации, когда она не знает, из кого сотворить себе кумира и кому нести свою благодарность за поражение врага.

5-го [августа]

Сегодня в «Речи» прекрасная статья, противопоставляющая патриотизм — национализму⁴². Добавлю к этому, что «игра в славян» очень опасная затея. Защищая благородно, но утопически положение балканской Сербии и играя все время на чувствах славянства, мы можем стать в весьма скверное положение. Не говоря о том, что защита Балканских государств мысль неблагоприятная и существование этого «нароста» среди

Европы в сущности не имеет *raison d'être*^a, но в какое же положение станем мы — защитники Балкан — если нам объявит войну Румыния или Болгария? Как объясним мы солдату, который воодушевлен идеей о защите единоверцев эту братоубийственную бойню? Думаю, что пора прекратить эту опасную игру и довольно уже у нас манифестов Вел[икого] Кн[язя] Николая Николаевича и всякой газетной чепухи на эту тему.

Кстати, что значит сегодняшнее воззвание Главнокомандующего, не имеющее определенной задачи и являющееся пустым и ненужным набором фраз, обесценивающих, однако, значение возвания к Полякам⁴³.

7-го [августа]

Сегодня я слышал две страшных истории. Не знаю правдивы ли они, но во всяком случае кошмарны и могли бы послужить темой для рассказа Л. Андреева⁴⁴.

О полковнике Веденяпине, покончившем жизнь самоубийством рассказывают следующее. Веденяпин — милый и обязательный человек, оказавший так много помощи нашим путешественникам, застрявшим в Германии, был начальником жандармского управления в Вержболове. Несколько дней он не спал и не ел, обремененный невероятной, невыносимой работой по переправке грузов, путешественников и всего прочего на пограничной станции. Он дошел до состояния столь нервного возбуждения, что почти уже сходил с ума. В последнюю минуту им был получен приказ от командующего армией взорвать какой то мост после перехода через него немцев. Полумертвый от усталости он не вполне точно понял смысл приказа и взорвал мост до перехода его неприятелем. Генерал Ренненкампф⁴⁵ призвал полковника Веденяпина и приказал ему застрелиться, что полковник и исполнил⁶⁴⁶...

Вот подробности смерти Н.А.Туган-Барановской о которой газеты писали, что она умерла от заражения крови вследствие содранных немцами повязок с ее ран.

^a Смысла (фр.).

^б «В такую минуту как же совестно вспоминать что либо из повседневной жизни, но невольно встает предо мной один касающийся Веденяпина, рассказ. Это пример величайшего душевного хамства, проявившегося в лице графини Е.В.Шуваловой⁴⁴, которая, казалось бы, по своему рождению могла бы не иметь этого низменного порока.

Флиг[ель]-адъютант Н.А.Княжевич⁴⁵ рассказывал мне следующее. Однажды, переезжая границу, где служил его бывший товарищ полк[овник] Веденяпин, он встретил гр[афиню] Шувалову. Шувалова везла множество шляп, платьев, материй и все беспощинно. Всегда любезный и внимательный ко всем, Веденяпин был любезен и с ней и буквально разрывался на четыре части. «Как это мило с его стороны, — сказал Княжевич, — но чем можете Вы, графиня, отблагодарить его?» — «Je lui donne la main»*, — спокойно ответила гр. Шувалова, показав в этих кратких словах все глубокое хамство своей натуры» (Прим. авт.).

* Я дам поцеловать ему руку (фр.).

Туган-Барановская молодая и красивая женщина за последние месяцы пережила ужасы, которых описать нельзя. Еще зимой, до войны, она мыла голову с пиксафоном [sic] и неосторожно подошла к горячей свече. Волосы ее вспыхнули и она запылала как костер. Лицо ее обгорело, нос, глаза, уши и щеки треснули и стали отваливаться кусками. Пережив нечеловеческие муки и ужасы, Туган-Барановская, полу-живая, поехала в Париж. Здесь ее оперировали несколько месяцев, сшивая кожу и мясо и накладывая для сращения новые пласты мяса на раны. При объявлении войны Туган-Барановская не долечившись, вся перевязанная бросилась бежать в Россию. На границе Германии ее остановили и, полагая, что она симулирует болезнь, сорвали повязки с лица. Но самое страшное это не боль от незаживших ран, а тот ужас от ее безобразия, который вырвался у ее палачей. Полумертвая от страха и измученная дорогой, с несказуемой болью от сознания своей чудовищности, Туган-Барановская не в силах выдержать мучений приняла яд⁴⁹.

8-го [августа]

Сейчас мне телефонировал секретарь⁵⁰ Великого Князя Николая Михайловича⁵¹ и читал письмо Вел[икого] Князя, коего некоторые строки, относящиеся ко мне считаю нужным привести полностью.

Н[иколай] М[ихайлович] пишет, между прочим: «Передайте барону Врангелю, что я в полном восторге от его книги «Венок мертвым». Я передал ее генерал-адъютанту Иванову⁵², чтобы в минуты досуга, в тяжелый переживаемый год отечественной войны, он мог найти отдых в этой превосходной и замечательной книге».

Конечно, очень приятно слышать себе похвалы, но полагаю, все-таки, что в такой момент можно бы делать и нечто более полезное, чем читать «Венок мертвым»⁵³.

Продолжение следует.

ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1380. Ед. хр. 9. Л. 1—60.

(Продолжение следует)

Примечания

¹ Эпиграф из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива» (1837).

² В этот день, вспоминал С.Бертенсон, «вместе с Н.Н.Врангелем мы отправились ко Дворцу, где Государь должен был на Выходе читать Манифест о войне. С громадным трудом мы пробрались по Невскому и Морской на площадь, где буквально яблоку было негде упасть. Мы встали плечом к плечу с нашими соседями, которыми оказались Д.С.Мережковский и Д.В.Философов. Пока во Дворце шел выход, читался манифест и служился молебен, толпа терпеливо ждала появления на балконе Государя и от времени до времени пела «Боже, Царя храни!» Но вот на балконе показался Государь в белом морском кителе. Громовое «ура» огласило площадь, вся толпа как один человек опустилась на колени и запела гимн... В жизни моей я не видел такого воодушевления! В эти минуты действительно все слилось в одном прекрасном чувстве любви к родине

и в единении с царем. Многие плакали» (Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 187).

³ «Война была объявлена. Утром я шел по Летнему саду, — вспоминал С.Судейкин, — быстрыми шагами, взволнованный. Без шляпы шел ко мне навстречу Николай Николаевич. Последняя фраза, которую я слышал, и единственная в этот день была: «Это огрубение на 50 лет». Мы разошлись. Слова эти оказались пророческими» (Цит. по: Шевеленко И. Указ. соч. С. 44).

⁴ *Пурталес Фридрих фон* (1853—1928) — граф, посол Германии в России (1907—1914).

⁵ *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1861—1927) — дипломат, министр иностранных дел России (1910—1916), посол в Великобритании (1916—1917).

⁶ Версия графа Ф.Пурталеса довольно подробно изложена в мемуарах бывшего германского посла. Он, в частности, писал, что полученная им 19 июля (1 августа) по телеграфу из Берлина декларация «предусматривала и тот случай, когда русское правительство вообще не дает ответа на наше требование остановить мобилизацию, и тот, когда, этот ответ окажется недостаточным. Моею первой мыслью было вручить декларацию в форме ноты, которую я хотел передать Сазонову; с формальной точки зрения этот путь был бы, конечно, самым правильным. Между тем оба места текста, заключенные в скобки, вызывали бы необходимость заготовить две ноты, чтобы передать ноту, какая потребуется в зависимости от того, откажется ли г. Сазонов вовсе дать ответ на наш ультиматум, или же этот ответ окажется недостаточным.

Так как времени для выполнения инструкций осталось у меня в обрез (расшифрование телеграммы из Берлина закончилось уже в три четверти седьмого), то я решил совсем отказаться от передачи формальной ноты и передать вышеупомянутую декларацию устно, а министру иностранных дел оставить только точную копию дословного текста этой декларации в редакции берлинской телеграммы в качестве *aide memoire* (памятной записки).

Около 7 часов вечера я был у г. Сазонова. Я три раза вопрошал его, не пожелает ли он дать мне ответ на мое последнее заявление, ответ, который еще мог бы спасти дело мира. После того как г. Сазонов заявил мне, что не может дать мне ответ, требуемый германским правительством, я дословно прочел ему ... декларацию и при этом нарочно обратил его внимание на обе возможные версии стоящих в скобках мест текста, предусмотренные декларацией, а именно, случай, когда он мне вовсе не даст никакого ответа, и другой случай, когда ответ этот не будет удовлетворять нас. Затем я заметил, что я намерен дословный текст только что прочитанной мною декларации, каковую я прошу его считать переданной ему устно, оставить в его руках в качестве *aide memoire*'а. Я сказал, что не подписал передаваемой рукописи потому, что она является лишь письменным приложением устной декларации. По особливому желанию министра иностранных дел, я все же еще поставил мое имя под текстом вышеозначенного *aide memoire*'а. Это происшествие впоследствии было тенденциозным образом искажено в русской печати» (Пурталес Фр., гр. Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 году. М.—Пг., 1923. С. 73—74).

Об эпизоде с вручением «двойной ноты» писали столичные газеты («Новое время», «Русское слово» и т.д.). См. также: Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 345.

⁷ Имеется в виду издание российского МИД — «Сборник дипломатических документов. Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне» (СПб., 1914). Аналогичные сборники были изданы внешнеполитическими ведомствами Германии («Белая книга»), Франции («Желтая книга»), Англии («Синяя книга») и т.д.

⁸ Толстой Дмитрий Иванович (1860 — после 1942) — граф, директор императорского Эрмитажа (с 1909 г.), временно исполняющий обязанности товарища управляющего Русским музеем императора Александра III.

⁹ Пурталес Гизелла — графиня, жена германского посла.

¹⁰ Врангель (урожд. Дементьева-Майкова) Мария Дмитриевна (1858—1944) — баронесса, мать барона Н.Н.Врангеля.

Врангель Николай Егорович (1847—1923) — барон, отец барона Н.Н.Врангеля. Подробнее о нем см.: Мурашев А.А. «И был глубокий эконом» (несколько этюдов о бароне Н.Е.Врангеле) // Россия на рубеже XIX—XX веков. М., 1999.

«Весной 1914 года жена уехала на воды в Киссинген, — вспоминал барон Н.Е.Врангель, — я, по своему обыкновению, отправился на лечение в Виши. Когда я приехал в Виши, у меня начался сильный припадок подагры, и я слег и пролежал месяц» (Врангель Н.Е., бар. Воспоминания (От крепостного права до большевиков). Берлин, 1924. С. 201). В Россию Николай Егорович возвращался кружным путем (Лондон—Эдинбург—Норвегия). Накануне отъезда из Франции он получил от телеграмму о «благополучном прибытии баронессы из Германии» однополчанина старшего сына великого князя Дмитрия Павловича.

Заметим, что в Дрездене жил дядя Николая Николаевича барон Александр Егорович Врангель (1833—1915), бывший дипломат, «сибирский друг» Ф.М.Достоевского. См.: Врангель А.Е., бар. Воспоминания о Ф.М.Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912.

¹¹ Яковлев Михаил Николаевич (1880—1942) — живописец. Из крестьянской старообрядческой семьи. Член СРХ с 1911 г. Оформлял спектакли театра «Кривое зеркало» в Петербурге, с 1911 г. по приглашению К.А.Коровина сотрудничал в Большом театре в Москве. В 1923—1937 гг. — в эмиграции (Франция, Бельгия), в 1937 г. вернулся в СССР.

¹² Клейнмихель (урожд. фон Келлер) Мария Эдуардовна (1846—?) — графиня, хозяйка великосветского салона в Петербурге. В мемуарах графини рассказывается, что слух о якобы переданном ею в Германию русском мобилизационном плане («в коробке с шоколадом») распространялся братом председателя IV Государственной думы Павлом Родзянко, который мстил за то, что не получил приглашения на костюмированный бал, устроенный графиней в начале 1914 г. (Клейнмихель М., гр. Из потустороннего мира. Мемуары. Берлин, [1918?]. С. 195—198).

¹³ «Донон» — известный столичный ресторан. Название получил от владельца Жана Батиста Донона, купившего в 1849 г. это заведение у некоего Жоржа.

¹⁴ Максимович Константин Клавдиевич (1849—?) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии.

¹⁵ Графиня М.Клейнмихель дважды предоставляла свой дом на Сергиевской под резиденции американского и испанского послов (Клейнмихель М. гр. Указ. соч. С. 244, 283).

¹⁶ Вильгельм II (1859—1941) — германский император и прусский король (1888—1918).

¹⁷ Графиня М.Клейнмихель рассказывала: «Во время моего пребывания проездом в Берлине я бывала не раз и в Берлине, и в Потсдаме на обеде у Их Величеств. Знавшие меня давно Император и Императрица германские были со мной чрезвычайно любезны» (Клейнмихель М., гр. Указ. соч. С. 260). В последний раз она видела императора Вильгельма «за два года до войны» — в замке Нейдек (Силезия) во время охоты, на которую графиня получила приглашение от графа Гвидо фон Доннерсмарка.

¹⁸ *Драчевский Даниил Васильевич* (1858—1918) — генерал-майор свиты его императорского величества, петербургский градоначальник (1907—1914). После отстранения генерал-майора Д.В.Драчевского обязанности петербургского градоначальника исполнял (до 21 июля 1914 г.) генерал-лейтенант О.И.Вендорф.

¹⁹ *Оболенский Александр Николаевич* (1872—1922) — князь, флигель-адъютант, генерал-майор, рязанский губернатор (1910—1914), петроградский градоначальник (июль 1914 — ноябрь 1916).

²⁰ *Жданов Захарий Петрович* — потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии. Председатель Русского общества взаимного кредита, староста церкви Рождества Пресвятой Богородицы (при консерватории). Банкирский дом «Жданов Захарий и К^о» (основан в 1909 г., в 1911 г. оформлен в Товарищество) был известен своими операциями с ценными бумагами Ленского золотопромышленного товарищества и ряда других крупных акционерных обществ.

²¹ В начале мировой войны часть коллекций музея, в целях сохранности, была вывезена в Москву. В 1917 г. к ним присоединилась большая часть картин, отправленных Временным правительством (См.: Воронихина Л.Н. Государственный Эрмитаж. Л., 1983. С. 48).

Любопытное свидетельство имеется в мемуарах английского посла Дж. Бьюкенена: «Германский посланник предсказывал, что объявление войны вызовет революцию. Он даже не послушался приятеля, советовавшего ему накануне отъезда отослать свою художественную коллекцию в Эрмитаж, так как он предсказывал, что Эрмитаж будет разграблен в первую очередь. К несчастью, единственным насильственным действием толпы во всей России было полное разграбление германского посольства 4 августа» (Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 139).

²² Имеется в виду *Елена Павловна (рожд. Харитоненко) и Михаил Сергеевич Олив*, художественная коллекция, обстановка и убранство дома (Потемкинская ул., 9) которых были исключительными по ценности. Журнал «Старые годы» в апреле—июне 1916 г. посвятил собранию ряд очерков, выпущенных затем отдельным оттиском (Собрание Е.П. и М.С. Олив. Пг., 1916). В 1921 г. в квартире Олив была открыта выставка «Быт XVIII века», включавшая французскую мебель эпохи Людовиков XV и XVI, люстры, жирандоли, картины Гюбер-Робера, Буше, Каналетто, Тьеполо, Левицкого, Щукина, Рослена, Ван Лоо и др.

²³ *Гогенлоз-Вальденбург-Шиллингфюрст Франц* — князь, капитан Генерального штаба, военный агент посольства Австро-Венгрии.

²⁴ М.С.Олив был камер-юнкером, поручиком запаса гвардейской кавалерии.

²⁵ Приведем выдержку из сводки Департамента полиции о ходе мобилизации в России: «Наиболее сильные беспорядки произошли в Барнаульском уезде, где произведены массовые порубки леса на землях Кабинета Его Величества, сожжены две канцелярии лесничества, разгромлено несколько волостных правлений, кредитное товарищество, магазины и совершены насильственные действия над чинами и должностными лицами крестьянского самоуправления. Во время погромов в г. Барнауле многотысячная толпа запасных наступала на тюремный замок, хватая чинов полиции и угрожая разгромить все казенные учреждения. Заградивший громилам путь вооруженный взвод солдат был смят, причем толпа разбила и сожгла казенный винный склад, ранив жандармского офицера. Продолжая грабежи, запасные учинили поджог на трех улицах, на которых выгорели 32 больших здания, в том числе маслодельные и сельскохозяйственные конторы, Русский для внешней торговли банк, торговый пассаж, два оружейных магазина, мануфактурные магазины и пристанские пакгаузы» (Цит. по: Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 37—38).

²⁶ *Маклаков Николай Алексеевич* (1871—1918) — министр внутренних дел (декабрь 1912 — сентябрь 1915), член Государственного совета (1915—1917).

²⁷ *Лостер Антон* — почетный советник канцелярии австро-венгерского посольства.

²⁸ Действительно, по сообщению одной столичной газеты «в день отъезда из Петербурга чинов австрийского посольства скрылся заведывающий хозяйственной частью посольства австрийский подданный капитан запаса Лостер. Как теперь выяснено, Лостер не пожелал отправиться на свою родину вместе со всеми чинами посольства и поселился у своих знакомых на Английской набережной, причем паспорт свой дал для прописки. Таким образом, сообщение некоторых газет о том, что петербургская полиция разыскивала Лостера, было неверно: Лостер не скрывался от петербургской полиции, и она знала его адрес. 26 июля Лостер, как запасной офицер австрийской армии, был задержан. Жена его находится на свободе» (Речь. 1914, 29 июля (11 августа)).

²⁹ Информация об учредительном собрании Общества «Помощь семьям призванных на войну», одним из учредителей которого стал барон Н.Н.Врангель, была опубликована в «Речи» (2/15 августа 1914).

³⁰ *Верецагин Василий Андреевич* (1861—1931) — гофмейстер, помощник статс-секретаря Государственного совета, действительный член императорской Академии художеств, председатель «Кружка любителей русских изящных изданий». Один из основателей и первый редактор журнала «Старые годы» (1907).

³¹ *Стефанский Леонид Карлович* — чиновник особых поручений при Главноуправляющем земледелием и землеустройством, вице-директор СПб. управления Русско-Азиатского банка.

³² *Кривошеин Александр Васильевич* (1857—1921) — гофмейстер, Главноуправляющий земледелием и землеустройством (1908 — ноябрь 1915), член Государственного совета (с 1906). В период Гражданской войны инициатор создания ряда антисоветских организаций. С апреля 1920 г. — помощник «правителя» и главкома Вооруженными силами Юга России барона П.Н.Врангеля, позднее — председатель Совета начальников управлений (с августа 1920 г. — правительство Юга России). В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма вместе с остатками Русской армии. Умер в Берлине.

³³ В бумагах барона Н.Н.Врангеля сохранился машинописный текст этой докладной записки с иным названием периодической хроники — «Война и мир» (РГИА. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1). Текст в целом совпадает с дневниковой записью.

³⁴ *Барк Петр Львович* (1869—1937) — министр финансов (1914 — февраль 1917), член Государственного совета (1915).

³⁵ *Абамелек-Лазарев Семен Семенович* (1851—1916) — князь, шталмейстер. После женитьбы на М.П.Демидовой, княжне Сан-Дonato, ему перешла значительная часть пермских владений Демидовых.

Накануне мировой войны князь С.Абамелек-Лазарев владел Полазинским железодобывающим заводом в Пермском уезде Пермской губернии, в Солигаличском уезде — Кизеловскими, Губахинскими, Коловинскими угольными копями, золотыми и платиновыми приисками, Каменно-Косовенским платиновым прииском (совместно с Балашовыми, Голицыными и др.), Артемьевским, Заартемьевским и Христофоровским железными рудниками, Ленвенским соляным промыслом, Чермозскими чугуноплавильными и железодобывающими и Кизеловским чугуноплавильным заводами.

³⁶ По официальным данным, во время волнений в Пермской губернии было убито 47 человек и ранено 68. Наиболее крупным выступлением было восстание

рабочих Лысьвенского завода, в ходе которого были убиты управляющий округом, помощник исправника и несколько полицейских стражников и служащих управления. Подробнее см.: Беркевич А.Б. Указ. соч. С. 19—22.

³⁷ *Николай Николаевич* (1856—1929) — великий князь, генерал от кавалерии. Верховный Главнокомандующий русской армией (июль 1914 — август 1915). Имеется в виду его «Воззвание к Полякам» (1/14 августа), в котором, в частности, говорилось о «возрождении Польши, свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении... под скипетром Русского Царя».

³⁸ *Горчаков Константин Александрович* — князь, шталмейстер Двора его императорского величества.

³⁹ *Велепольский Сигизмунд Иосифович* (род. 1863) — граф, шталмейстер, член Государственного совета по выборам от Юго-Западных губерний (с 1909).

История появления «Воззвания к Полякам» подробно рассказана бывшим начальником генерального Штаба генералом Н.Н. Янушкевичем в Чрезвычайной следственной комиссии: «После объявления войны и до выезда в Ставку, точно день не помню, ко мне в г. Петрограде позвонил б[ывший] военный министр генерал Сухомлинов и предложил мне выслушать текст акта к польскому народу, только что заслушанного и одобренного Советом министров. Это оказалось воззванием от имени великого князя к польскому народу политического характера. Генерал Сухомлинов просил меня немедленно на память перетелефонировать текст этого акта верховному главнокомандующему, испросив его одобрения и согласия на подписание этого воззвания. Вместе с тем генерал Сухомлинов предупредил меня, что идея воззвания высочайше одобрена, и просил довести об этом до сведения великого князя, указав, что в редактировании этого документа участвовали Сергей Дмитриевич Сазонов и Александр Васильевич Кривошеин».

Я немедленно позвонил великому князю, находившемуся в своем имении «Знаменка» под Петергофом, и, указав на то, что текст воззвания я цитирую на память и что в редакции есть, по-моему, некоторые неясности, какие именно теперь не помню, и спросил повеления великого князя по этому вопросу.

Верховный главнокомандующий, одоббив идею воззвания и смысл его текста, указал, что раз воззвание высочайше одобрено по идее, то, конечно, великий князь исполнит высочайшую волю.

Великий князь до моего обращения к нему по телефону о воззвании ничего не знал.

Решение великого князя я немедленно же сообщил военному министру. Добавляю, что когда генерал Сухомлинов позвонил мне и прочитал текст воззвания, то при этом он указал, что если великий князь согласен в принципе на это воззвание, то текст его будет окончательно установлен Советом министров или же некоторыми избранными им лицами, о чем я при вышеприведенном разговоре по телефону и сообщил великому князю.

Самый текст воззвания был представлен мною на подпись великому князю уже в Ставке, куда этот текст был доставлен от военного министра при его первом ко мне письме, от 3-го августа 1914 г., с просьбою, дабы польский текст воззвания, — насколько помню, был русский и польский тексты, — был подписан великим князем «Mikolai», а не «Nikolai». Великий князь подписал воззвание согласно желанию генерала Сухомлинова.

Текст воззвания, за невозможностью отпечатать его в еще необорудованной типографии штаба Ставки, подписанный великим князем, был отправлен для напечатания в Петроград. — На ваш вопрос о дате фактического подписания текста великим князем отвечаю, что факт этот имел место не раньше 4 августа

1914 г.» (Цит. по: Русско-польские отношения в период мировой войны. М.—Л., 1926. С. 140—141).

Ср. с записью в «Синей книге» З.Гиппиус: «[30 сентября 1914 г.] Мало верят у нас главнокомандующему — Ник[олаю] Ник[олаевичу] Романову. Знаменитую его прокламацию о «возрождении Польши» писали ему Струве и Львов (редактировали)» (Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914-1919. Нью-Йорк—Москва. 1990. С. 27).

⁴⁰ *Мессими Александр* (1859—1943) — военный министр Франции (июль 1909 — ноябрь 1910; январь 1912 — январь 1913; август 1914 — октябрь 1915); в 1920—1924 — президент Франции.

⁴¹ *Вивиани Рене* (1863—1925) — французский политический и государственный деятель, министр труда (1906), министр юстиции (1906—1911), министр-президент (1914 — октябрь 1915).

⁴² Имеется в виду статья Д.Философова «Неожиданный патриотизм». «Речь» — ежедневная газета кадетской партии (1906—1917).

⁴³ Имеется в виду воззвание Верховного главнокомандующего — «Русскому Народу! Братья. Творится суд Божий. Терпеливо, с христианским смирением, в течение веков томили Русский народ под чужеземным игом, но ни лестью, ни гонением нельзя было сломить в нем чаяний свободы. Как бурный поток рвет камни, чтобы слиться с морем, так нет силы, которая остановила бы Русский народ в его порыве к объединению. Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, Земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России. Да свершится Промысел Божий, благословивший дело великих собирателей земли Русской. Да поможет Господь Царственному своему Помазаннику Императору НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ Всея России завершить дело Великого Князя Ивана Калиты. А ты, многострадальная братская Русь, встань на сретение русской рати. Освобождаемые русские братья! Всем Вам найдется место на лоне Матери России, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага, а сердца свои к Богу с молитвой за Россию, за Русского Царя. Верховный главнокомандующий генерал-адъютант НИКОЛАЙ. 5 августа 1914 года» (Речь. 1915, 5(18) августа).

⁴⁴ *Андреев Леонид Николаевич* (1871—1919) — писатель.

⁴⁵ *Ренненкампф Павел Карлович фон* (1854—1918) — генерал от кавалерии. До Первой мировой войны командовал войсками Виленского военного округа. С начала войны — командующий 1-й армией Северо-Западного фронта. После неудач под Лодзью (ноябрь 1914 г.) отставлен от командования, отчислен в распоряжение военного министерства. В начале 1915 г. уволен в отставку. После Февральской революции арестован. Расстрелян в Таганроге.

⁴⁶ «Безвременная кончина» Александра Дмитриевича Веденяпина последовала 21 июля 1914 г. в Ковно (Новое время. 31 июля (13 августа) 1914).

⁴⁷ *Шувалова Елизавета Владимировна* — графиня, была членом «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». В одном из залов ее особняка на Фонтанке «театральный совет» Общества поставил несколько спектаклей из старинного русского репертуара. Для них барон Н.Врангель подбирал реквизит и обстановку, в комедии Загоскина «Урок матушкам» сыграл роль предводителя дворянства (См.: Бертенсон С.Л. Барон Врангель в «Обществе защиты» и на войне // Венок Врангелю. Пг., 1916. С. 30).

⁴⁸ *Княжевич Николай Антонович* — флигель-адъютант, генерал-майор свиты Его императорского величества, командир Крымского конного полка, таврический губернатор (1914).

⁴⁹ В правительственном сообщении о зверствах немцев над русскими, в частности, отмечалось: «Даже тяжелые больные подвергались ... жестокому обращению. Например, в Бреславле супруга начальника канцелярии министра путей сообщения г-жа Туган-Барановская, несмотря на только что перенесенную ею тяжелую операцию, подверглась нападению толпы, причем, были сорваны перевязки, наложенные после операции; затем она посажена была в тюрьму, где ее продержали три дня. Из тюрьмы ее погнали через весь город, вместе с многочисленными другими русскими, на станцию Одербангоф; здесь их нагроутили в угольные вагоны, в которых еще оставались угольные отбросы. Наконец, 23 июля все эти несчастные были выброшены на произвол судьбы в Вильгельмбруке недалеко от русского пограничного пункта Верушева, до которого им пришлось добираться пешком. Г-жа Туган-Барановская 31 июля скончалась в [Петербурге], куда она привезена была в безнадежном состоянии» (Речь. 24 августа (6 сентября) 1914).

Наталья Александровна Туган-Барановская (рожд. Клоссовская) похоронена на Никольском кладбище Александро-Невской лавры (Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 206).

⁵⁰ *Молодовский Михаил Николаевич* — действительный статский советник, управляющий делами великого князя Николая Михайловича.

⁵¹ *Николай Михайлович* (1859—1919) — великий князь, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II. Председатель «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». Историк, автор многих трудов: «Император Александр I. Опыт исторического исследования» (СПб., 1912); «Московский некрополь» (СПб., 1907); «Петербургский некрополь» (СПб., 1912—1913) и др. Расстрелян в Петропавловской крепости в 1919 г.

⁵² *Иванов Николай Иудович* (1851—1919) — генерал, командующий Юго-Западным фронтом (1914—1916), Петербургским военным округом (с 27 февраля 1917 г.).

⁵³ В бумагах барона Н.Н.Врангеля сохранилась копия письма к великому князю Николаю Михайловичу: «Ваше Императорское Высочество. На этих днях М.Н.Молодовский передал мне по телефону Ваш крайне лестный отзыв о моей книге и я глубоко тронут и искренне благодарю за внимание ко мне.

О Ритте я не забыл и постараюсь написать, хотя теперь, в эти тяжелые для всех дни трудно заставить себя думать и работать. Я же в настоящее время чувствую себя каким-то тунейдцем, не имеющим права на существование, и только скорблю, что не могу оказать никакой помощи в эти печальные минуты.

Пробовал пристроиться в Красный Крест уполномоченным, к сожалению это почти невозможно, так как предложение значительно превышает спрос. Я же готов взяться за любую работу, лишь бы не остаться чуждым происходящим событиям. Ваш Н.Врангель» (РГИА. Ф. 653. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1—2).

«ОТ ВСЕЙ ДУШИ БЛАГОДАРЮ ВАС»

Почта В.Ю.Виллуана. 1898—1922 гг.

Первая публикация материала о Нижегородском отделении Императорского русского музыкального общества (ИРМО) и его бессменном, на протяжении сорока пяти лет, руководителе Василии Юльевиче Виллуане была в журнале «Исторический архив» в 1999 г.¹ Талантливый музыкант, человек, преданный высоким идеалам в искусстве и в жизни, Виллуан принадлежал к тому поколению деятелей отечественной культуры второй половины XIX — начала XX вв., которое взяло на себя смелость и ответственность без материальной поддержки государства решать задачу огромного общенационального масштаба: организацию по всей России музыкального образования и просвещения среди широких демократических слоев населения, подъем общей музыкальной культуры в стране. Это и было конечной целью Русского музыкального общества, основанного в 1859 г. в Петербурге, а годом позже — в Москве.

Нижегород был в числе первых русских провинциальных городов, где в 1873 г. было открыто отделение этого Общества². Исключительная роль В.Ю.Виллуана — основателя, директора и педагога Музыкальных классов (ныне это Нижегородское музыкальное училище им. М.А.Балакирева), художественного руководителя Нижегородского отделения — в строительстве музыкальной культуры города было высоко оценено его современниками. Он был награжден двумя орденами Святого Станислава, удостоен звания почетного члена ИРМО, звания Героя труда. «Музыкальное искусство приобрело в Вас ревностного и самоотверженного служителя, — писал «Нижегородский листок» по случаю двадцатипятилетнего юбилея Нижегородской организации. — Благодаря Вашей изумительной настойчивости, неустанной деятельности музыкальное образование в Нижнем Новгороде получило правильную постановку. Сколько раз местное отделение ИРМО, изнемогая от недостатка средств, теряя своих наиболее деятельных членов, было близко к падению, но Ваши усилия его вновь и вновь оживляли и направляли на путь служения искусству.

Но Вы не довольствовались воспитанием вкуса среди образованных классов. С преданностью к искусству, с полной верой в необходимости самого широкого его распространения среди народа, Вы шли с проповедью к тем, кто призван просвещать народ и говорили учителям, собравшимся на педагогические курсы, о благотворном влиянии музыки и пения на детскую душу. Народные учителя, Ваши слушатели, выходили после Вашего чтения-проповеди с новыми взглядами на роль музыки в народной жизни»³.

В предыдущей публикации мы познакомили читателей лишь с одним документом архива Нижегородского отделения Императорского русского музыкального общества. Это была «Автобиография В.Ю.Виллуана». В данной публикации — доку-

¹ См.: «Самый большой музыкант в Нижнем». Автобиография В.Ю.Виллуана. 1898 г. / Публ. С.В.Казак // Исторический архив. 1999. № 6. С. 209—213.

² Одновременно с Нижним Новгородом в 1873 г. такие отделения были открыты в Саратове и Пскове.

³ Нижегородский листок. 1898, 15 ноября. № 314.

менты эпистолярного жанра. Некогда почта Виллуана насчитывала несколько сотен корреспонденций из разных городов России и Европы. Это — бесценный источник воссоздания живой истории культурного строительства в России конца XIX — начала XX вв. Из всего богатейшего материала, сохранившегося до сих пор, отобрана та ее часть, историческая ценность которой выходит за рамки местного краеведения: письма известных музыкантов Москвы и Петербурга. В лице выдающихся деятелей русской музыкальной культуры Виллуан находил опору в своем нелегком труде, без их поддержки вряд ли могло выстоять музыкальное дело в дореволюционной российской провинции в целом.

Большую часть почты Виллуана составляют корреспонденции из Москвы. Это не случайно. Именно Москва, в лице Н.Г.Рубинштейна⁴ и руководимого им Московского отделения ИРМО, в 70-е гг. XIX в. стала инициатором активной пропаганды музыкального образования и просвещения в провинциальных городах России⁵. Нижегородское отделение ИРМО было открыто после посещения города Н.Г.Рубинштейном. Виллуан — первый воспитанник Московской консерватории, покинувший столицу для организации столь важного для отечественной культуры дела, и он сполна ощутил на себе отеческую заботу своих великих учителей.

Через всю жизнь пронес Виллуан трепетное чувство преклонения, восхищения и благодарности к своему наставнику и кумиру Н.Г.Рубинштейну. Великий maestro, благословивший ученика на подвижнический труд в провинции, много лет опекал молодого музыканта, оказывая ему конкретную ощутимую помощь⁶. П.И.Чайковский⁷ — учитель Виллуана по гармонии — никогда не отказывал ему в своих советах. Двери класса профессора Ф.Лауба⁸ — выдающего мастера скрипичной игры — также всегда были открыты для его бывшего ученика. Так, в силу обстоятельств, именно Москва, а не Петербург изначально стала играть основополагающую роль в деятельности Нижегородского отделения ИРМО и его учебного заведения.

Москва для Виллуана всегда оставалась родным домом, где он черпал силы и вдохновение, совершенствовался как музыкант, встречал сочувствие и поддержку. Поэтому закономерно, что в его почте большое место занимала переписка с музыкантами Москвы, со многими из которых его объединяли не только профессиональные, но и глубокие человеческие отношения. Долгие годы творческого общения связывали Виллуана с профессором Московской консерватории, преемником

⁴ Рубинштейн Н.Г. (1835—1881) — пианист, дирижер, педагог, музыкальный общественный деятель, основатель Московской консерватории и отделения ИРМО в Москве.

⁵ К 1873 г. в стране функционировало лишь четыре отделения ИРМО: в Петербурге (1859), Москве (1860), Киеве (1864) и Харькове (1868).

⁶ В течение первых пяти лет работы Нижегородского отделения Н.Г.Рубинштейн ежегодно приезжал в Нижний Новгород, выступал с концертами в его Симфонических собраниях, привозил сюда своих учеников; помогал Виллуану советами в организации учебного процесса в Музыкальных классах; присылал Виллуану-дирижеру партитуры и оркестровые партии симфонических произведений; содействовал приобретению в Москве по более низкой цене концертного рояля и т.д.

⁷ Чайковский П.И. (1840—1893) — композитор. Крупнейший в мире симфонист, музыкальный драматург и лирик.

⁸ Лауб Ф. (1832—1875) — чешский скрипач, педагог, композитор. Возглавлял квартет Русского музыкального общества. Профессор Московской консерватории в 1866—1874 гг.

Ф.Лауба, главой московской скрипичной школы конца XIX — начала XX века И.В.Гржимали⁹. Особенно трогательной и продолжительной была его дружба со всемирно известным музыкантом, профессором и директором Московской консерватории В.И.Сафоновым¹⁰. Благодаря своей любимой талантливой ученице В.И.Исакович, Виллуан имел возможность неоднократных встреч с ее мужем — великим русским композитором А.Скрябиным¹¹ в неформальной обстановке и в Нижнем, и в Москве, и за границей¹².

Петербург, куда Виллуан приезжал по долгу службы, где находилась Главная дирекция ИРМО и проходили крупные мероприятия организации, одарил нижегородского музыканта встречами, творческими контактами со многими яркими представителями петербургской музыкальной школы, и, прежде всего, с профессорами первой русской консерватории.

Стараниями Виллуана-администратора, его профессиональному авторитету в музыкальных кругах страны и помощи его великих друзей на концертной эстраде Нижегородского отделения выступал весь цвет отечественной исполнительской культуры¹³. Переговоры и переписку со столичными исполнителями Виллуан с первого и до последнего дня деятельности на посту художественного руководителя Нижегородского отделения ИРМО вел всегда сам и свято хранил все свидетельства своего общения с выдающимися музыкантами России. Лишь малая часть этого историко-литературного наследия — несколько писем самых больших музыкантов России к «самому большому музыканту в Нижнем» (так однажды сказал о Виллуане А.Н.Скрябин¹⁴) — составляет содержание настоящей публикации.

Особенно большие трудности испытывало Нижегородское отделение в 1915—1917 гг. «Империалистическая война, — вспоминала З.И.Виллуан, — сильно отразилась на деятельности Нижегородского отделения РМО. Все большие помещения

⁹ Гржимали И.В. (1844—1915) — скрипач и педагог. По национальности чех. В России работал с 1869 г. Создал одну из крупнейших русских дореволюционных скрипичных школ. С 1874 г. профессор Московской консерватории.

¹⁰ Сафонов В.И. (1852—1918) — дирижер, пианист, педагог, музыкальный общественный деятель; профессор (1895—1905) и директор (1889—1905) Московской консерватории; дирижер симфонических концертов Московского ИРМО, главный дирижер Нью-Йоркского филармонического оркестра и одновременно директор Национальной консерватории в Нью-Йорке (1906—1909).

¹¹ Скрябин А.Н. (1871/72—1915) — композитор, пианист. Смелый новатор. Воплотил в музыке идеи и образы, рожденные сложной предреволюционной эпохой. Профессор Московской консерватории в 1898—1903 гг.

¹² Письма В.И.Исакович-Скрябиной и А.Н.Скрябина Виллуану опубликованы. См.: Советская музыка. 1946. № 12.

¹³ В Нижнем Новгороде выступали пианисты С.Танеев, А.Гольденвейзер, М.Барина, В.Исакович-Скрябина, К.Игумнов; скрипачи Л.Ауэр, А.Могилевский, И.Гржимали; вокалисты Н.Кедров, М.Чупрытников со своим знаменитым ансамблем, мастерство которого высоко ценили П.Чайковский, Н.Римский-Корсаков и А.Глазунов. В рамках нижегородским камерных собраний неоднократно выступали лучшие столичные коллективы: «Московское трио», Квартет А.Могилевского, Квартет герцога Г.Мекленбург-Стелицкого. Нижегородцы имели счастье слушать музыку своих великих современников А.Скрябина, С.Рахманинова, А.Аренского, А.Гречанинова, А.Глазунова в авторском исполнении. Украшением концертов не раз были камерные ансамбли из Вены, Брюсселя, Берлина, Парижа.

¹⁴ См.: Скрябин А. М., 1965. С. 202.

города были заняты лазаретами Красного Креста. Новый большой зал Общественного собрания и прилегающие к нему классы Музыкального училища — все было занято под лазарет. Классы музыкального училища пришлось поместить в старом, более тесном помещении Общественного собрания. Здесь же был устроен зал на 150 стульев для публики и 30 стульев для оркестра.

При данных условиях пришлось отказаться от устройства обычных абонементных собраний. Дирекция решила ограничиться музыкальными собраниями с продажей билетов в пользу Красного Креста и воинов на передовых позициях и беженцев».

В этих условиях очень значима была поддержка, оказанная Нижегородскому отделению руководством ИРМО. Несмотря на войну, оно продолжало выделять отделению субсидии. Творческие и дружеские контакты сложились у В.Ю.Виллуана с крупнейшим русским композитором А.К.Глазуновым. Он бывал в числе гостей Александра Константиновича на даче в Озерках под Петербургом, в 1918 г. принимал композитора у себя дома. После смерти Виллуана (22 сентября 1922 г.) Глазунов одним из первых откликнулся на это горестное событие (док. № 11).

Переписка В.Ю.Виллуана хранится в Государственном архиве Нижегородской области (ГАО) и в Музее истории Нижегородского музыкального училища им. М.А.Балакирева. Тексты приводятся по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Публикацию подготовила С.В.КАЗАК.

№ 1

С.И.Танеев¹ — В.Ю.Виллуану

Москва

10 января 1898 г.

Многоуважаемый Василий Юльевич.

Будьте так добры прислать мне экземпляр устава Вашего училища, по возможности немедленно. Мой адрес: Пречистенка, Мертвый переулок, дом Александрова-Дольника. Исполнением этой просьбы Вы бы премного обязали.

Искренне преданный Вам

С.Танеев

ГАО. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 262. Л. 7. Машинописная копия.

№ 2

Г.А.Ларош² — В.Ю.Виллуану

Адмиралтейская набережная, 10

13 февраля 1900 г.

Многоуважаемый и сердечно чтимый Василий Юльевич!

В наше слишком короткое свидание с Вами, происходившее тогда, когда все еще длилась нервная болезнь, от которой я страдал многие месяцы и которая, между прочим, помешала мне присутствовать на собрании директоров консерватории, я Вам сказал, что имею дело до И.Х.Исаковича³ и намеревался обратиться к нему с письмом. Вы мне

ответили, что он опасно и даже весьма опасно болен. Не зная, в каком состоянии здоровье Ивана Христофоровича теперь, я решаюсь беспокоить Вас, как старого знакомого⁴, хотя дело касается более Нижегородского отделения и Дирекции нежели собственно музыкальной ее части — классов или концертов. Благодаря вступлению главноуправляющего Собственной его величества канцелярией А.С.Танеева⁵ в состав Главной дирекции для успеха дела о награждении Н.Ф.Киришбаума⁶ за его долгую службу Нижегородскому отделению открылся путь, которого не было полтора года тому назад, когда Нижегородское отделение почтало меня сообщением мне копий с его бумаг, посвященных этому вопросу. Свидание мое с Александром Сергеевичем, долго откладывавшееся по моей болезни, состоялось вчера, и я имею причины надеяться, что дело удастся. Прежде всего, как сказал мне Александр Сергеевич, нужно, чтобы Николай Федорович, которого я не имею чести знать лично и который, как я слышал, находится в отставке от коронной службы, прислал мне документы, из которых были бы видны награды, им уже полученные. Не знаю, достаточно ли копии с указа об отставке, но думаю, что Н.Ф.Киришбауму это должно быть известно, а также, какая должна быть форма засвидетельствования копий.

Очень буду рад получить от Вас опять такое содержательное и интересное письмо, как то, которым Вы меня ввели, так сказать, в круг наших действий и интересов по концертной и педагогической части в самом начале моего бытия представителем Нижегородского отделения. Глубоко сожалею, что не имею возможности посетить Нижний и лично ознакомиться с делом, о котором незабвенный Николай Григорьевич⁷ говорил с таким теплым интересом, непременно высказывая при этом свое уважение и сочувствие как лично Вам, так и Вашей деятельности.

Остаюсь готовый к услугам.

Ларош

ГАНУ. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 262. Л. 7—8. Машинописная копия.

№ 3

Г.А.Ларош — В.Ю.Виллуану

13 мая 1900 г.

Конфиденциально

Уважаемый Василий Юльевич!

Вторично за короткий период нашей переписки и наших устных сношений мне приходится извиняться перед Вами за неисправность. В этот раз я пропустил и срок быстрого ответа на самое письмо, носившее характер конфиденциальный, и срок (уже крайний) ответа на напоминание Ваше от 29 апреля сего года, пришедшее ко мне одновременно с весьма для меня интересной и приятной брошюрой о ИРМО «Краткий исторический очерк Нижегородского отделения и празднование 25-летнего юбилея»⁸ и пр.

Брошюра иллюстрирована и вообще имеет праздничный вид помимо поучительного своего содержания. Не буду утруждать Вас изложени-

ем всех причин (больше всего семейных обстоятельств), по которым я, хотя и вертелся в музыкальных кружках и ежедневно показывался на экзаменах, репетициях и даже балетных представлениях, когда музыка того требовала, не мог собраться с духом отвечать на письмо по такому шекотливому дипломатическому вопросу, как Ваше конфиденциально ценное дело⁹. Что мне сказать Вам теперь, когда я собрался и с духом, и с силами? Я всей душой на стороне Анатолия Ильича Чайковского — Вы склоняетесь в сторону противоположенную. Вы знаете обоих, я только одного. Вы 25 лет знаете Нижний; для меня Нижний — город Улыбышева¹⁰ и великолепный летний пейзаж, который я смутно помню из периода моего раннего детства. С 1852 г. я в нем не был. Вот несколько лет, что я состою членом Главной дирекции, в которой отдельные интересы местных отделений, как Вам известно, затрагиваются лишь изредка, в виде исключения; не зная основательным образом дела и совсем не зная одной из личностей, я могу только сказать, что на Вашем месте никогда не платил бы вперед, не делал бы директором человека, навязывающего то свои взгляды, то покровительствуемых им личностей, а скорее, наоборот: пускай сначала он постарается, похлопочет, а там видно будет — избрать его директором или нет.

Связи его и влияние не зависят от того, директор ли он Нижегородского отделения или нет, а целиком от личных причин, с музыкальным обществом или вообще с музыкой ничего общего не имеющих. Люди тем больше стараются для него, чем меньше у него получили, потому что надеются дополучить; если же, наоборот, выдать им все вперед, они склонны воображать, что надо бы еще «на чаек с Вашей милости», и без «на чая» работают вяло, а то и ничего не делают. Как хорошо, если бы Вы избрали путь в Париж¹¹ не через Москву, а через Питер, где я рассчитываю прожить до 6—10 июня приблизительно. А затем думаю ехать в Москву. Пишите в город Клин, Модесту Ильичу Чайковскому¹² с передачей Г.А.Ларошу. Если Ваше намерение ехать осуществится лишь в июне, мы могли бы повидаться в Москве или Клину и досконально поговорить о деле, более удобном для устного, чем для письменного обмена мнениями.

Искренне Вас уважающий, готовый к услугам.

Ларош

ГАНУ. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 262. Л. 9—10. Машинописная копия.

№ 4

В.И.Ребиков¹³ — В.Ю.Виллуану

5 июня 1900 г.

Милостивый государь!

При Кишиневском отделении с сентября месяца предположено издавать музыкальный журнал. Не будете ли Вы так добры сообщить вкратце сведения о Вашем отделении для помещения их в журнале.

Примите уверения в искреннем почтении.

В.Ребиков

ГАНУ. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 262. Л. 10—11. Машинописная копия.

№ 5

Л.В.Собинов¹⁴ — В.Ю.Виллуану

15 января 1901 г.

Милостивый государь Василий Юльевич!

29 января я занят в опере «Песнь торжествующей любви», — поэтому я не могу принять Вашего предложения, а также не вижу [смысла] в переговорах о вознаграждении за мое участие в концерте¹⁵. Готов служить Вам своими указаниями. Мне кажется, что Нижнему было бы интересно услышать из певцов наших баритонов Ивана Константиновича Гончарова или Петра Сергеевича Оленина, а из певцов сопрано Елену Нестеровну Хренникову. К сожалению, я не могу дать точного адреса указанных артистов. Но Вы смело можете писать на Большой театр: письмо будет немедленно доставлено. Мой адрес: Тверская, «Малый Париж», Леониду Витальевичу Собинову. Остаюсь с уважением

Леонид Собинов

Музей истории Нижегородского музыкального училища им. М.А.Балакирева. Тетради З.И.Виллуан. Тетрадь № 4.

№ 6

В.И.Сафонов — В.Ю.Виллуану

Кисловодск

15 августа 1904 г.

Дорогой Василий Юльевич!

Сегодня получил твое письмо от 7 августа. Что бы тебе раньше не сказать мне, что желаешь иметь Пражский квартет?¹⁶ Я уже устроил им концерты и чтобы включить Нижний, надо будет переменить семь отделений. Тогда у тебя они могли бы играть 23 ноября, а 24-го, если новый орган будет к этому времени, то можешь устроить концерт с органом. Конечно, я постараюсь все устроить для тебя: для милого друга и сережка из ушка. Буду очень рад, если квартет может играть у тебя 23-го или даже 22 ноября, потому что с моим путешествием в Нижний на это число выходит некоторый камуфлет^a: Одесское отделение просит меня продирижировать у них 19—21 ноября рубинштейновский концерт по поводу 10-летия его кончины¹⁷, отказать мне неловко и, если только они на эти числа (единственно мне возможные) устроят концерт, то я непременно поеду туда. Таким образом выйдет, что и я исполню свой долг, и ты будешь иметь интересный концерт. Что касается концерта консерватористов, то охотно устрою тебе его, только когда? Мне кажется, что можно было бы в самый день десятилетия кончины Антона Григорьевича¹⁸ устроить что-нибудь (8 ноября) или, если консерватория сама будет что-нибудь делать в этот день, то через день часть программы исполнить в Нижнем.

^a Неприятная неожиданность, подвох, неприятность (фр.).

Как думаешь? Если боишься, что Зауэр¹⁹ не окупится, а это легко может случиться, то не настаивай на его приглашении, или предложи ему все netto, может быть, он на эту комбинацию пойдет. À propos^a: ведь по зимнему расписанию скорый поезд между Москвой и Нижним ходит, кажется, только 2 или 3 раза в неделю?

Жена, матушка и София Ильинишна кланяются тебе, а я обнимаю и остаюсь.

Твой В. Сафонов

Пишите теперь в Москву.

ГАНУ. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 262. Л. 11—12. Машинописная копия.

№ 7

А.И. Чайковский²⁰ — В.Ю. Виллану

25 января 1905 г.

Многоуважаемый Василий Юльевич!

Очень тронут письмом Дирекции от 14 марта за № 130²¹. Весь вопрос в том, чтобы суметь быть Вам полезным. Очень бы хотелось того, но удастся ли?²² Тяжелые времена для всяких дел. Мне трудно отсюда рекомендовать Вам мотивы для испрашивания субсидий. Кстати, объясните, где в последнем отчете [...] ⁶ запасная сумма в 1500 руб. На какой странице? В какой рубрике? Мне сдается, хотя поручиться не могу, что существование запасной суммы не будет препятствием к удовлетворению ходатайства о пособии [в] 500—1000 руб. Конечно, ничтожная сумма для Отделения и, может быть, из-за нее не стоило бы обращаться в Главную дирекцию, но насколько я успел усвоить приемы и порядки назначения субсидий, то кажется весьма важным представляется войти в число субсидируемых Отделений²³; так можно будет говорить и о прибавках; словом, надо настаивать, повторять одну и ту же просьбу несколько раз. Я бы думал, что ввиду того, что у Вас нет дефицита, если не считать взятых у Вас 299 р. 14 к., то можно бы было мотивировать просьбу о субсидии каким-либо усовершенствованием деятельности Отделения, по Классам или концертам, но изложить его так, чтобы он представлен был необходимостью, а не лишь желанием. О занятых деньгах упоминать не надо. Запас должен быть во всяком [...] ⁶ деле, его тратить нельзя.

Спасибо за присылку программ. Что вышло из духовного оркестра Приюта? Жалко, что Вы лишены духовых инструментов²⁴.

Искренне преданный

А. Чайковский

ГАНУ. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 265. Л. 1—1об. Машинописная копия.

^a Кстати (фр.).

⁶ Далее слово неразборчиво.

№ 8

В.И.Сафонов — В.Ю.Виллуану

Минск

26 марта 1913 г.

Дорогой друг Василий Юльевич!

Твое письмо от 17 марта нашло меня в Вильне, где я вчера дирижировал в Муз[ыкальном] об[щест]ве и, будучи по горло занят репетициями, не мог собраться ответить тебе сейчас же. Пишу из Минска, где завтра играю 3[-и] Бетховенские скрипичные сонаты с сыном моим Иваном²⁵, а в ночь еду в Саратов, где дирижирую в Муз[ыкальном] об[щест]ве 2 апреля, 2-го играю те же сонаты, а 4-го уезжаю за границу совершить обычное лечение в [...]a bei Dresden. В мае имею еще 2 концерта в Милане и потом 2 — в Лондоне, а первого нашего июня поеду отдыхать в Кисловодск до 23 августа. Увы! Из поездки с Белоусовым²⁶ по Волге в эту осень не может выйти ничего, ибо 31 августа у меня первый концерт сезона в Христиании, а затем, до конца сентября, турне с Белоусовым в Норвегии и Дании. Первого нашего октября я должен быть уже в Ливерпуле (2 оркестровых концерта) и до половины октября мы с Белоусовым заняты в Англии и т.д.

Сезон мой в настоящую минуту весь уже расписан до второй половины марта, а что будет дальше, известно одному Богу и отчасти Вольфу, ведущему мои концертные дела. Дал бы Бог только здоровья, а работы более, чем довольно. Гонорар наш за сонаты в Англии на обоих 750—800 рублей, но я, конечно, понимаю, что для наших условий в провинциальных отделениях Муз[ыкального] об[щест]ва — это тяжело. Предполагая, что, может быть, по весне, до открытия навигации, может быть что-нибудь удалось бы выкроить для Волги, я прошу тебя подумать, хотя бы в принципе, о возможном максимуме и написать мне два слова, адресуя: W.Safonoff, c/o Concertdirection Herman, Walf., Berlin W, 35, а с 1 нашего июня в Кисловодск.

Привет тебе и, unbekannter Weise⁶, твоей супруге от твоего старого, верного друга.

В.Сафонов

ГАНО. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 262. Л. 12—13. Машинописная копия.

№ 9

Э.Ф.Направник²⁷ — В.Ю.Виллуану

Петербург

22 сентября 1913 г.

Многоуважаемый и дорогой Василий Юльевич.

От всей души благодарю Вас за Ваши искренние поздравления и пожелания по поводу моей 50-летней деятельности в Императорской СПб. Русской опере.

^a Далее слово неразборчиво.

^b Не зная, не будучи с нею знаком (нем.).

С лучшими пожеланиями крепко жму Вашу руку, душевно Вам преданный и искренне уважающий Вас.

Э.Направник

ГАНУ. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 262. Л. 11. Машинописная копия.

№ 10

А.Т.Гречанинов²⁸ — В.Ю.Виллуану

Москва, Пречистенка, 40, кв. 33

26 декабря 1916 г.

Многоуважаемый Василий Юльевич!

В ответ на Ваше любезное письмо от 20 декабря спешу уведомить Вас, что более удобные числа для Вас с г[оспо]жей Доберт²⁹ будут следующие: 2, 6, 7 февраля.

Сообразно с Вашим ответом мне нужно выяснить день концерта еще в другом городе и потому, покорнейше прошу Вас возможно скорее написать, какой из предложенных мною дней будет Вами зафиксирован³⁰.

Примите уверения в истинном к Вам уважении и преданности

А.Гречанинов

ГАНУ. Ф. 635. Оп. 1. Д. 262. Л. 14. Машинописная копия.

№ 11

В дирекцию Нижегородского отделения ИРМО

6 октября 1917 г.

Убедительно прошу Вас, пишите все, что найдете нужным, и я буду только признательна за это.

Копию о просьбе утверждения нового директора Н.В.Ненарокова³¹ Главной Дирекцией — я получила, а также копию доклада на 2-м собрании Василия Юльевича относительно нарушения контракта со Жмерлингем — я тоже получила. Насколько я поняла, значит с 1-го января 1918 года училище перекочует в дом, пожертвованный Киселевой³². На какие же средства будет отделяться дом Киселевой и подготавливаться для классов, или он сам по себе удобен, что переделок и перестроек не нужно?

Когда говорилось на заседании по поводу малого (сравнительно с другими отделениями) количества преподаваемых предметов (в связи с решением о выдаче пособия), то именно указывалось на отсутствие класса контрабаса, причем выразились: «даже контрабаса нет» и что очень важно, нет хорошего пения³³.

Если Василий Юльевич найдет возможность чередовать оркестр и хоровые классы, то было бы очень хорошо. Конечно, если желающих учиться контрабасу нет — нельзя без надобности платить преподавателям. Что касается, как Вы пишете, помощи более существенной, материальной со стороны дворянства и земства в других Отделениях, как —

то например в Тамбовском, Полтавском и т.д., то мне кажется, что это всецело зависит от во главе стоящих директоров, нужно *eschauffer son monde*. Дело само не идет никогда. Василий Юльевич вложил и душу свою и весь свой труд; дело прочих директоров придти на помощь, подогреть материальную помощь извне. Развитие музыкального дела имеет громадное значение именно в малокультурной среде... Директора ваши должны заинтересовать и привлекать людей к музыкальному делу — это прямая обязанность. Как ни трудись, как ни клади всю душу, в конце концов, без денег не сделаешь того, что можно было бы при них сделать, а В.Ю. нужны именно только деньги — потому что остальное все заключается в нем самом, а для процветания дела — это все.

Я делала попытки, говорила в С. Вл. Прутченко³⁴: — почему она не состоит членом? — «Ах, я не знаю, я прежде была, не знаю...» Вот, моему этого быть не должно. У Музыкального Отделения должен быть определенный кружок членов. Не платят — посылать, напоминать, просить, но, конечно, это дело не Василия Юльевича, а его сотоварищей директоров...

Нельзя ли поговорить с ними, нельзя ли оживить музыкальное дело?

Графиня *Е.Ф.Цертелева*³⁵

Музей истории Нижегородского музыкального училища им. М.А.Балакирева. Тетради Виллуан З.И. Тетради №№ 5, 6. Инв. № 11.

№ 12

А.К.Глазунов³⁶ — З.И.Виллуан³⁷

Петроград

30 сентября 1922 г.

Глубокоуважаемая Зиновия Ивановна.

С душевным прискорбием узнал от О.В.Рафалович³⁸ о постигшем Вас несчастье и спешу выразить Вам чувство моего самого искреннего соболезнования. Я очень любил дорогого Василия Юльевича, относившегося ко мне необыкновенно тепло, и никогда не забуду оказанного мне в Нижнем Новгороде в Вашем доме гостеприимства³⁹.

Искренне преданный Вам

А.Глазунов

Музей истории Нижегородского музыкального училища им. М.А.Балакирева. Инв. № 11.

Примечания

¹ *Танеев С.И.* (1856—1915) — композитор, глава московской композиторской школы, педагог, пианист, ученый, музыкально-общественный деятель; профессор, директор Московской консерватории (1885—1889), один из организаторов общедоступной Народной консерватории (1906); внес ценный вклад в дело развития профессионального музыкального образования в России.

Публикуемое письмо С.И.Танеева написано в год 25-летнего юбилея Нижегородского Отделения ИРМО. Танеев С.И. был в числе столичных музыкантов, выступивших в его первых Музыкальных собраниях.

² *Ларош Г.А.* (1845—1904) — музыкальный критик, исследовательская деятельность которого ознаменовала новый этап в истории отечественного музыкознания, особенно в вопросе об истоках и путях развития русской музыкальной школы; профессор Московской (1867—1870, 1883—1886) и Петербургской (1872—1879) консерваторий; уполномоченный Нижегородского отделения при Главной дирекции ИРМО (1896—1904).

³ *Исакович И.Х.* — нижегородский дворянин, адвокат, присяжный поверенный, член Совета директоров местного отделения ИРМО (1890—1910), отец В.И.Исакович-Скрябиной, ученицы В.Ю.Виллуана и В.И.Сафонова, выдающейся русской пианистки, первой жены А.Н.Скрябина.

⁴ В период обучения В.Ю.Виллуана в Московской консерватории (1866—1873) профессор Г.А.Ларош вел там курс истории и теории музыки.

⁵ *Танеев А.С.* — гофмейстер, близкое доверенное лицо императора Николая II, дядя выдающегося музыкального деятеля, композитора, пианиста и педагога С.И.Танеева. Один из известных аристократов и влиятельных сановников Петербурга, составлявших во все времена деятельности Русского музыкального общества основу его Главной дирекции под председательством августейших покровителей (великой княгини Елены Павловны, великого князя Константина Николаевича, великой княгини Александры Иосифовны и принцессы Елены Георгиевны Сансен-Альтенбургской).

⁶ *Киришаум Н.Ф.* — нижегородский общественный деятель. В разные годы был администратором Пароходства акционерного общества «Дружба», агентом Северного страхового общества, Общества страхования жизни «Нью-Йорк», управляющим Русского внешнеторгового банка, членом попечительского совета Нижегородского речного училища, казначеем Общества вспоможения бедным, председателем Дома трудолюбия, членом Попечительного о тюрьмах комитета, член правления Коммерческого клуба. Один из учредителей Нижегородского отделения ИРМО, член Совета директоров и его председатель в 1890—1904 гг., Киришаум был в числе немногих верных соратников и истинных помощников В.Ю.Виллуана. Благодаря хлопотам Киришаума местное отделение, изгнанное в 1878 г. из помещения Дворянского собрания, не прекратило своего существования, получив возможность продолжить свою работу в стенах Коммерческого клуба. Имя Н.Ф.Киришаума было известно и в литературных кругах города. В период 1902—1904 гг. в его доме снимал квартиру А.М.Горький. Ныне в этом доме располагается музей-квартира великого русского писателя.

⁷ Имеется в виду Рубинштейн Н.Г.

⁸ В ноябре 1898 г. Нижний Новгород широко отметил 25 лет основания местного отделения ИРМО. Все материалы этого торжества (телеграммы, тексты приветствий и статей, доклад В.Ю.Виллуана, программа концерта, фото учредителей Отделения) легли в основу юбилейной брошюры «Краткий исторический очерк» Нижегородского отделения Русского музыкального общества, празднование 25-летнего юбилея его существования», изданный в 1900 г. Ее автором и редактором был В.Ю.Виллуан.

⁹ По-видимому, речь идет о ротации состава Совета директоров местного отделения. В письме фигурирует фамилия только одного предполагаемого претендента — А.И.Чайковского, брата великого русского композитора. Позднее, в 1905 г., А.И.Чайковский заменил Г.А.Лароша на посту уполномоченного от Нижегородского отделения при Главной дирекции ИРМО в Петербурге.

¹⁰ *Улыбышев А.Д.* (1794—1858) — уроженец Н.Новгорода (с. Лукино), публицист, музыковед, музыкальный критик, драматург, общественный деятель. С 1830 г. жил в Нижнем Новгороде. Автор первого в европейском музыкознании исследования жизни и творчества Моцарта. Друг М.И.Глинки и первый пропа-

гандист его творчества на Нижегородской земле. Деятельность Улыбышева — страстного почитателя классической музыки, талантливого музыканта-любителя — имела существенное значение для развития музыкальных вкусов нижегородцев в 30—50-е гг. XIX в.

¹¹ Летом 1900 г. В.Ю.Виллуан собирался в свое очередное заграничное путешествие по странам Западной Европы.

¹² *Чайковский М.И.* (1850—1916) — драматург, переводчик, музыкальный деятель, брат П.И.Чайковского, автор либретто нескольких его опер, в т.ч. «Пиковой дамы», «Иоланты». После смерти П.И.Чайковского (1893) посвятил свою жизнь увековечению памяти любимого брата. В 1894 г. при участии племянника В.И.Давыдова основал в Клину Дом-музей П.И.Чайковского.

¹³ *Ребиков В.И.* (1866—1920) — композитор, педагог, писатель, общественный деятель. В 1897—1901 гг. работал в Кишиневе, в 1899 г. организовал там отделение ИРМО и Музыкальные классы при нем; вел большую просветительскую работу. В 1901—1909 гг. успешно концертировал в Вене, Берлине, Лейпциге, Флоренции, Париже, а также городах России.

¹⁴ *Собинов Л.В.* (1872—1934) — певец, солист Большого театра (1897—1934), его директор в 1917—1918 и 1921 гг.

¹⁵ Дирекция Нижегородского отделения позже сделала еще одну и тоже безуспешную попытку заполучить на свои концерты известного русского певца. И все же Нижний услышал Собинова: летом 1909 г. он приехал сюда по приглашению оперного товарищества. «Знаменитый тенор несколько раз ожидался в Нижнем и только в этом году он наконец приехал. С участием г. Собинова состоялось шесть спектаклей: «Онегин», «Травиата», «Искатели жемчуга», «Риголетто», «Ромео и Джульетта» (бенефис Собинова)... Цены на спектакли с участием гастролера были подняты больше чем вдвое, так что в общем итоге шестикратное выступление тенора дало 18000 рублей сбора» (Русская музыкальная газета. 1909. № 39).

¹⁶ Пражский квартет Гарольда выступил в сезон 1904—1905 г. в 4-м очередном Музыкальном собрании Нижегородского отделения.

¹⁷ В 1904 г. во всех отделениях ИРМО широко отмечался день памяти основателя первой отечественной консерватории в Петербурге и одного из учредителей ИРМО А.Г.Рубинштейна. В Нижнем также состоялось симфоническое собрание при участии учеников Музыкальных классов, оркестра и хора под управлением В.Ю.Виллуана.

¹⁸ Имеется в виду А.Г.Рубинштейн.

¹⁹ *Зауэр Э.* (1862—1942) — австрийский пианист, композитор, педагог, ученик Н.Г.Рубинштейна и Ф.Листа.

²⁰ *Чайковский А.И.* (1850—1915) — адвокат, вице-губернатор Нижнего Новгорода в 1892—1895 гг.; с 1895 г. жил в Петербурге. Уполномоченный Нижегородского отделения при Главной дирекции ИРМО (1905—1915). Благодаря А.И.Чайковскому в Нижний весной 1893 г. приезжал П.И.Чайковский. В его честь состоялся большой концерт музыкальными силами города. Великий композитор встретился тогда со своим бывшим учеником по Московской консерватории В.Ю.Виллуаном, посетил по его приглашению Музыкальные классы местного отделения ИРМО и прослушал выступления его воспитанников.

²¹ Вероятно, в этом письме дирекция Нижегородского отделения обратилась к А.И.Чайковскому с просьбой занять пост Уполномоченного в Главной дирекции ИРМО.

²² Сомнения А.И.Чайковского по поводу эффективности его работы в качестве уполномоченного Нижегородского отделения в Главной дирекции были продиктованы не только сложными политическими событиями 1905 г., но и

кризисом в системе руководства ИРМО, в частности, его института уполномоченных.

²³ А.И. Чайковский был первым из уполномоченных Нижегородского отделения, который серьезно занялся решением финансовых проблем Отделения. При его участии и содействии Отделение в 1908 г., на тридцать пятом году своего существования, получило, наконец, от Главной дирекции ИРМО первую субсидию в размере пятисот рублей. В последующие годы сумма субсидий несколько возросла: до 1000 р. — в 1909 г. и 1500 р. — 1911 г. Однако, эти суммы не соответствовали истинным финансовым потребностям и затратам организации.

²⁴ В бытность нижегородского вице-губернаторства А.И. Чайковский поддержал проект В.Ю. Виллуана об открытии в «Приюте для бедных детей» музыкальных классов игры на духовых инструментах для мальчиков с тем, чтобы впоследствии сформировать из них духовой оркестр. С ноября 1893 г. около сорока пяти мальчиков стали обучаться игре на флейте, кларнете, фаготе, валторне, корнете, трубе, тромбоне, сакстромбе, саксгорне, тубе и барабане. Вскоре был создан собственный оркестр приюта, а спустя некоторое время наиболее способные юные музыканты вошли в состав симфонического оркестра Нижегородского отделения и, наконец, была решена проблема духовых инструментов в нем. Однако военно-политические события начала XX в. разрушили все результаты труда нижегородских музыкантов: в связи с мобилизацией в городе не осталось ни одного оркестра, так как большинство мужчин-духовиков были призваны в армию.

²⁵ Имеется в виду *Сафонов И.В.* (1891—1955) — скрипач, дирижер, композитор, художник.

²⁶ *Белоусов Е.Я.* (1881—1945) — виолончелист, педагог. Вместе с известным скрипачом Е. Цимбалистом выступал в камерном ансамбле В.И. Сафонова в России, Скандинавии, Англии.

²⁷ *Направник Э.Ф.* (1839—1916) — оперный дирижер, композитор, музыкальный деятель; с 1863 г. помощник капельмейстера, органист и коррепетитор, с 1867 г. второй, с 1869 г. первый капельмейстер Мариинского театра, руководитель и дирижер симфонических концертов ИРМО, член Главной дирекции и председательствующий директор Петербургского отделения ИРМО (1875). Дирижировал концертами оркестра Мариинского театра и одновременно руководил устройством концертов при Дворе, выступал также как органист и пианист.

²⁸ *Гречанинов А.Т.* (1864—1956) — композитор, автор шести опер, камерно-инструментальных ансамблей, более 100 романсов, хоров, обработок народных песен, театральной и церковной музыки. Ценный вклад внес в детскую музыку.

²⁹ *Доберт П.Ж.* (1879—1968) — певица, специализировалась в области камерно-вокального и ораториального пения. В 1919—1922 гг. — профессор Московской консерватории. С большим успехом выступала в Берлине, Лейпциге, Гамбурге, Дрездене и других городах Европы, часто в камерном ансамбле с бывшим выпускником Нижегородских музыкальных классов и Московской консерватории И.А. Добровейном и в симфонических концертах под его управлением.

³⁰ Концерт А.Т. Гречанинова состоялся 5 февраля 1917 г. в 4-м Музыкальном собрании Нижегородского отделения ИРМО. Вокальные сочинения прозвучали в исполнении г-жи Доберт и автора.

³¹ *Ненароков Н.В.* — камергер Двора, Владимирский вице-губернатор, в марте 1916 г. перемещен на должность Нижегородского губернатора, действительный статский советник.

³² *Киселева А.И.* — жительница Нижнего Новгорода, завещавшая в 1911 г. Нижегородскому Отделению свой дом «со всею при нем землею, жилыми и нежилыми строениями». В связи с трудностями военного времени встал вопрос об использовании этого дома для проведения занятий Музыкального училища.

³³ Класс хорового пения существовал в Нижнем Новгороде с первого года деятельности Отделения. Вел его Виллуан В.Ю. В годы Первой мировой его пришлось закрыть в связи с отсутствием помещения.

³⁴ *Прутченко С.В.* — член совета Директоров Нижегородского отделения в 1906—1907 гг. и его председатель в 1907—1908 гг. Дважды за этот период времени внесла пожертвования на счет Отделения в размере пятидесяти и ста рублей.

³⁵ *Цертелева Е.Ф.* — графиня, жительница Петербурга, вступила в должность Уполномоченного при Главной дирекции ИРМО в 1915 г., после кончины А.И.Чайковского. Пробыла на этом посту до 1918 г., до роспуска ИРМО и передачи музыкального образования и просвещения в ведение государства. В первый же год своего представительства Цертелева Е.Ф. приезжала в Нижний Новгород с целью детального ознакомления с положением дел.

³⁶ *Глазунов А.К.* (1865—1936) — композитор, продолжавший традиции «Могучей кучки» и П.И.Чайковского, дирижер, выдающийся музыкально-общественный деятель; профессор (с 1899) и ректор Петербургской консерватории (1905—1928), член Главной дирекции ИРМО (с 1899), доктор музыки Оксфордского и Кембриджского университетов, с огромным успехом концертировал в России и за границей (Италия, Германия, Венгрия, Англия и др.). Активный пропагандист русской музыки.

³⁷ *Виллуан З.И.* — жена В.Ю.Виллуана, в прошлом его ученица по Музыкальным классам.

³⁸ *Рафалович О.В.* — ученица В.Ю.Виллуана, выпускница Ленинградской консерватории.

³⁹ Речь идет о приеме в доме В.Ю.Виллуана, который был оказан А.К.Глазунову во время его концертного выступления в Нижнем Новгороде летом 1918 г.

КАК ГОТОВИЛОСЬ ИЗДАНИЕ «РУССКОЙ ПРАВДЫ» П.И.ПЕСТЕЛЯ

Документы Государственного архива
Российской Федерации. 1948 г.

В 1958 г. был опубликован 7-й том документальной серии «Восстание декабристов». На титульном листе книги указано: «"Русская Правда" П.И.Пестеля и сочинения, ей предшествующие. Под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР М.В.Нечкиной. К печати подготовил А.А.Покровский».

Начало работы над этим ценнейшим историческим источником относится к середине 1920-х годов, когда в Советском Союзе широко отмечался 100-летний юбилей восстания декабристов. В 1925 г. под редакцией А.А.Покровского (общая редакция и предисловие М.Н.Покровского) был издан 1-й том серии, в последующем — еще ряд томов. В то же время подготовка к печати «Русской Правды» Пестеля крайне затянулась. Как свидетельствуют публикуемые ниже документы, это было связано со многими объективными и субъективными обстоятельствами. Они ярко характеризуют условия работы историков и архивистов в 1920—1950 гг., а также ту высочайшую требовательность, которую предъявляли к результатам своей исследовательской деятельности составители этого издания.

Первоначально по инициативе М.Н.Покровского к подготовке издания «Русской Правды» Пестеля были приглашены несколько известных специалистов по истории декабризма. Но уже в 1920 г. вся работа фактически легла на плечи С.Н.Чернова и С.С.Мильмана. В 1932 г. первый из них был необоснованно арестован. После последовавшего вскоре освобождения, говорится в публикуемом док. № 2, С.Н.Чернов «должен был перебраться в Ленинград и вынужден отказаться от работы над изданием "Русской Правды" — таков тогда был дух времени: он казался неприемлемым для учреждения, состоявшего тогда при ВЦИК»¹. Остался один С.С.Мильман. В 1937 г. и он, как ученик развенчанного к тому времени М.Н.Покровского, был арестован. «Несмотря на усилия, употребленные Главным архивным управлением, бумаги Мильмана, касающиеся до "Русской Правды", получить ни тогда, ни позже так и не удалось»². Работа над подготовкой издания прекратилась.

Летом 1940 г. руководство ГАУ НКВД СССР сформировало новую редакцию 7-го тома документальной серии «Восстание декабристов». В нее вошли С.Н.Чернов («К тому времени острота его дела уже рассеялась»³), Б.Е.Сыроечковский и А.А.Покровский. Тогда же был разработан план подготовки издания «Русской Правды» и других бумаг Пестеля, определены последовательность и объем работы каждого из редакторов.

Однако, как сказано в док. № 2, «какой-то злой рок словно тяготел над "Русской Правдой"». Началась Великая Отечественная война. В 1942 г. в оккупаци-

¹ ГА РФ. Ф.Р.-5142. Оп. 1. Д. 424. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 6.

роvanном Вильнюсе скончался С.Н.Чернов. В послевоенные годы взгляды А.А.Покровского и Б.Е.Сыроечковского по многим принципиальным вопросам готовящегося издания диаметрально разошлись.

Решающую роль в подготовке 7-го тома серии «Восстание декабристов» сыграл А.А.Покровский (1875—1954). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, Алексей Алексеевич был выдающимся ученым-археографом. Знал французский, немецкий, английский, сербский, болгарский языки. В 1910—1924 гг. был профессором Московского археологического института, где читал лекции по языку и литературе. В 30-е годы преподавал палеографию в МГУ и МГИАИ. Много внимания уделял публикаторской деятельности. В частности, А.А.Покровский был редактором и одним из составителей первых томов серии «Восстание декабристов»⁴. С 1943 г., став старшим научным сотрудником ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ), работал только над подготовкой издания «Русской Правды» Пестеля. В предисловии от Главного архивного управления СССР к 7-му тому серии «Восстание декабристов» отмечается: «На долю Алексея Алексеевича Покровского (умершего в 1954 г.) выпала главная часть всей работы, а именно окончательная подготовка и установление текста, разработка и составление вариантов и примечаний, составление введения и всех комментаторских очерков, помещенных в настоящем издании. Участие Б.Е.Сыроечковского выразилось в совместной разработке плана издания, в консультации по ряду вопросов, связанных с изучением и изданием материалов, и в рецензировании работы А.А.Покровского»⁵.

Ценные консультации в ходе подготовке тома были получены от Н.М.Дружинина, А.С.Нифонтова, С.М.Бонди. Академик Н.М.Дружинин участвовал в рецензировании работы в целом. М.В.Нечкина с 1951 г. приняла на себя рецензирование всего издания и написание первой части введения, содержащей общую характеристику «Русской Правды» и ее связей с движением декабристов. М.В.Нечиной было подготовлено к печати и предпосланное тексту введение А.А.Покровского, сохранившееся в его бумагах в нескольких редакциях. Сложной труд сверки текста с подлинником и корректуру выполнил ученик Алексея Алексеевича, научный сотрудник ЦГАОР СССР Г.Н.Кузюков⁶.

В настоящую публикацию включены три документа. Первый из них — письмо за подписью заместителя начальника ГАУ МВД СССР С.И.Кузьмина на имя начальника ЦГАОР СССР Н.Р.Прокопенко; второй — «Заметки по поводу работ над изданием “Русской Правды” Пестеля»; третий — заключение Н.Р.Прокопенко и врио начальника научно-публикаторского отдела ЦГАОР СССР В.А.Лебедевой, подтверждающее решающую роль А.А.Покровского в подготовке к изданию «Русской Правды» Пестеля. Наибольший интерес представляет, безусловно, док. № 2. К сожалению, он не подписан и не датирован. Несомненно, что в его написании самое непосредственное участие принимал А.А.Покровский, как никто другой знавший все перипетии многолетней работы по подготовке 7-го тома издания «Восстание декабристов». Об этом же свидетельствуют заголовки единицы хранения,

⁴ Подробнее о А.А.Покровском см.: Прокопенко Н.Р. Исследователь-энтузиаст // Архивное дело. 1940. № 4. С. 70—72; Рабинович М.Д. Выдающиеся ученые-архивисты // Вопросы архивоведения. 1963. № 3. С. 41—43; Марлинский С.Я. А.А.Покровский // История СССР. 1974. № 5. С. 140—144; Зелов Н.С. Видный советский историк-архивист А.А.Покровский // Советские архивы. 1975. № 4. С. 30—31.

⁵ Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Т. 7. С. 8.

⁶ См. там же.

сформированной в 1948 г.,⁷ — «Справка А.А.Покровского о работе по подготовке к печати «Русской Правды» Пестеля», в которой отложились публикуемые материалы (Ед. хр. 424. Л. 1—23), и содержание док. № 1 («Направляю Вам справку А.А.Покровского...»). Вместе с тем анализ док. № 2 убеждает, что его автором, наряду с А.А.Покровским, был кто-то из сотрудников ЦГАОР СССР, вероятнее всего — начальник архива Н.Р.Прокопенко. Об этом свидетельствуют такие фразы: «Как рассказывал А.Покровский...», «Ни один из них (имеются в виду А.А.Покровский и Б.Е.Сыроечковский. — Публ.) мне ничего не сообщал...» и т.п. Выскажем предположение, что именно Прокопенко внес в написанный Покровским первоначальный текст целый ряд вставок. Заключение об основном исполнителе работы по подготовке к изданию «Русской Правды» Пестеля, направленное из ЦГАОР в Главное архивное управление (док. № 3), нашло отражение в предисловии от ГАУ СССР в 7-м томе серии «Восстание декабристов».

Возможно, что одной из причин, побудившей руководство архивной службы определить, кто и какой объем работы выполнил, была необходимость решения вопроса о выплате гонорара. На это указывает абзац в док. № 2, следующий после изложения плана работ каждого участника (утвержден летом 1940 г.): «Как видно из этого распределения, и дальше еще яснее будет раскрыто, главную, основную работу брал на себя С.Чернов, поэтому мнение, впоследствии возникшее, о том, чтобы в равной степени оплачивалась работа каждого, тогда и возникнуть не могло, да и действительно не возникало».

Стиль, орфография и пунктуация публикуемых документов даны без изменений.

Публикацию подготовили Н.С.ЗЕЛОВ и доктор исторических наук А.А.ЧЕРНОБАЕВ.

№ 1

Начальнику Центрального государственного архива Октябрьской революции майору тов. Прокопенко^{а1}

9 ноября 1948 г.

Направляю Вам справку А.А.Покровского о работе по подготовке к печати «Русской Правды» Пестеля, так как работа над «Русской Правдой» проводилась в Центральном государственном архиве Октябрьской Революции, прошу Вас дать заключение по этому вопросу к 10 ноября с/г.

Зам. начальника Главного архивного
управления МВД СССР, полковник
Кузьмин²

ГА РФ. Ф.Р.-5142. Оп. 1. Д. 424. Л. 1. Машинопись. Подпись-автограф.

⁷ В том же 1948 г. была опубликована статья А.А.Покровского «"Русская Правда" П.И.Пестеля и методы ее издания» (Труды МГИАИ. М., 1948. Т. IV. С. 267—289).

^а Заголовок документа. На письме имеется резолюция: «т. Лебедевой. Заготовьте наше заключение. Н.Прокопенко. 18.XI.48 г.».

№ 2

Заметки по поводу работ над изданием
«Русской Правды» Пестеля^а

[Не позднее 9 ноября 1948 г.]

Работа над «Русской Правдой» началась с 1924 года приблизительно. По инициативе М.Н.Покровского³ к ней были приглашены П.Е.Щеголев⁴, С.Н.Чернов⁵ и еще несколько лиц, сейчас не упомяну. Как и следовало было ожидать, это должен быть основной том во всей задуманной тогда серии «Восстание декабристов». Было устроено торжественное заседание, но однако этим все и ограничилось. П.Е.Щеголев, несмотря на его первое издание «Р[усской] П[равды]», особого энтузиазма не проявил — ограничился только одним участием в заседании, для которого он специально приехал из Л[енинграда]⁶; фактически вся работа перешла к Чернову, к которому для помощи был присоединен ученик М.Н.[Покровского] — Мильман⁶, человек, начинавший тогда свою научную карьеру и поэтому мало опытный. На долю Чернова выпала вся работа. 6 лет работал он и, наконец, к 1930 г. (к осени) работа была закончена; ее начали даже набирать и верстать в 1[-й] образцовой типографии. Но, к сожалению, Чернов положил в основу своей работы описательный метод для передачи вариантов. А всякий, кто только видел подлинник, знает, что этих вариантов такое множество, что без преувеличения можно сказать, что они поглощают основной текст, мешают, затрудняют и в то же время не дают возможности ни прочитать, ни понять основной текст. Эта особенность подлинника особенно поражала всех тогда работавших над ним. Казалось тогда, что прочти мы все эти варианты — и издание готово, но, в сущности, это было далеко не так. Ведь дело было гораздо сложнее: мало было их прочитать, надо было, и притом в каждом отдельном случае, твердо установить, что Пестель хотел сказать при каждом из своих исправлений, почему он их делал, в какой последовательности у него каждый раз происходила работа и целый ряд других вопросов. Все время совершенно неверно называли — да и теперь еще называют люди, далеко стоявшие, всю эту сложную амальгамную работу — «изданием». Но здесь мы имеем явный пример того, как «издание» перерастает в «исследование». Без этого условия издать такой памятник невозможно. Чернов тогда не учел этого обстоятельства и, следуя тем принципам издания, какие были положены в основу первого тома (над которым работал А.П[окровский] и который вышел в 1924 г.), впал в основную ошибку — дал издание, которое было и очень верно, и в то же время пользоваться им было совершенно невозможно: непонятно для чего, зачем и почему Пестель проделывал всю эту гигантскую работу. Да и технически

^а Заголовок документа. В верхней правой части первой страницы документа указано: «Не для оглашения».

⁶ Первоначально было: «П[етербурга]».

в тип[ографии] ее невозможно было воспроизвести: получались одни сплошные примечания, постоянно убегающие от основного текста. В т[ипографии] отказались работать без присутствия автора, да и автор тут ничего не мог сделать — не везти же туда уникальную рукопись? Словом, работа застопорилась, остановилась, хотя и было сверстано кое-как с грехом пополам 5 печ[атных] листов.

Так наступили тридцатые годы. В это время случилось с Черновым одно событие. Точно не могу вспомнить, но приблизительно в 1932 или в [19]33 году он был арестован; арест его был совершенно случайным: разыскивали какого-то С.Чернова, за что, не знаю — кажется, растрата или какое-то мошенничество и по случайному совпадению местожительства (Саратов) и имени (Сергей) — был арестован С.Н.[Чернов], конечно, ничего не имевший общего с разыскиваемым лицом. 40 дней он был под арестом. Это было причиной, что Чернов после освобождения должен был перебраться в Л[енинград] и вынужден отказаться от работы над изданиями «Р[усской] П[равды]» — таков тогда был дух времени: он казался неприемлемым для учреждения, состоявшего тогда при ВЦИК. Так остался один Мильман. Во время этого второго периода работы (1932—1937) памятно мне одно обстоятельство: подавленный необычайным количеством вариантов, М[ильман] пришел к мысли, что для облегчения издания можно было бы воспроизвести не все варианты, а лишь только те, которые так или иначе отражают какие-либо политические оттенки, т.е. ввести в издание принцип чисто субъективный, сугубо спорный и очень опасный. Но это так и осталось, как предположение. Вспоминается и другой момент: Мильман, оставшись один, обратился к А.П[окровскому] с предложением принять участие в работе. Как рассказывал А.Покровский, это предложение он подробно обсуждал с Мильманом 25 декабря 1935 г. П[окровский] указал Мильману, что он может уделить весьма мало времени этому изданию: всегда занятый спешными работами над жур[налом] «Кр[асный] архив»⁷, фактически являясь одним из главных работающих в ред[акции] этого журнала, загруженный выше сил периодической работой, он, при всем своем желании, работать на «Р[усской] П[равдой]» не может, но всегда готов прийти к нему на помощь и советом и содействием, поскольку то в его силах; официально же состоять только каким-то «адъютантом» при издании — не может и не хочет. Этот второй период кончился в 1937 г. и неожиданно, и трагично. В это время Мильман был арестован и удален, как политически замаранное лицо.

Так создалось необычайно трудное положение: работы совершенно прекратились, мало того, даже было неизвестно, до какого же состояния довел ее Мильман, где он остановился и сделал ли что? Упомянутый А.П[окровский] рассказывал, что встревоженное тогдашнее руководство (Мальцев⁸, Пашуканис⁹) попросили его, как лицо, ближе всех знавшее содержание «Р[усской] П[равды]», выяснить у жены Мильмана этот вопрос. То было очень щекотливое поручение; помнится, хороший летний день, когда от плачущей жены посланный получив ответ, что бумаги все арестованы, что сама она не может дать характеристики положения с работой; несмотря на усилия, употребленные Г[лавым] а[рхивным]

упр[авлением], бумаги Мильмана, касающиеся до «Р[усской] П[равды]», получить ни тогда, ни позже так и не удалось.

Издание оборвалось. Не стало лиц, которые бы смогли стать пестунами этого предприятия, его творцами, его фактическими руководителями и исполнителями. А между тем исполнить его было необходимо, нужно, неотложно. Ведь уже давно, с 1925 г., учреждением громогласно было заявлено, что «готовится т. VII “Р[усской] П[равды]”, под редакцией таких-то». Мало того, уж[е] около десяти лет тому назад, именно в 1927 г., появился под ред[акцией] Б.Сыроечковского¹⁰ IV том (следственное дело Пестеля), а его «Рус[ская] Правда» не только не появлялась, но даже намеков на это не существовало.

Дальнейшее мог бы подробнее рассказать Мальцев, но и его уже нет. Поэтому изложу это так, как события представляются лично мне и то весьма приблизительно и неполно.

Сначала руководство обратилось к С.М.Бонди¹¹. Но последний отклонил это предложение под тем предлогом, что он специалист по Пушкину. Обратились к Чулкову¹². Далее решили образовать новую редакцию, пригласив специально для этого М.В.Нечкину¹³ и придав ей как фактического исполнителя А.П[окровского], но последний был против этого, утверждая, что такой состав, при загрузке на других фронтах, является организацией безрукой: он знал, что вскоре, в связи с наступившим юбилеем экспедиции Беринга¹⁴, на него одного должна обрушиться вся тяжесть этого, тогда еще окончательно неясного вопроса, что вскоре же и сбылось. Так оставалась фигура одного С.Н.Чернова. К тому времени острота его дела уже рассеялась: ясна была судебная ошибка — и вот в конце 1939 г. Чернов вновь становится во главе своей прежней работы. Дополним, что еще до появления на сцене Чернова, Покр[овский] получил предложение разработать вопрос, какой метод передачи вариантов, по его мнению, наиболее соответствовал особенностям «Русской Правды».

Лишь только летом 1940 г., по окончании академич[еского] года, Чернов, читавший лекции в Ленинграде, смог приехать в Москву, где и была составлена новая редакция в составе Чернова, Сыроечковского и П[окровского].

Главным лицом фактически был Чернов: его давнишние занятия «Рус[ской] Правдой», его углубленная разработка многих вопросов, касавшихся вообще истории тайного общества, неодногодичные курсы по «Рус[ской] Пр[авде]» в университете, давали ему моральный перевес. Второе место после Чернова принадлежало Б.С[ыроечковскому]: он уже был известен, как издатель «Записок» Горбачевского¹⁵, как лицо, работавшее над следств[енным] делом двух виднейших южан — Пестеля и С.Муравьева¹⁶, как человек, выпустивший в 1926 г. весьма ценный (хотя и не новый по материалам) сборник «Междоусерствие 1825 г. и восстание декабристов». Наконец, третье и последнее место в новый ред[акции] занимал А.П[окровский]; это был издатель дел «северян», целых три тома которых к этому времени он уже выпустил и ими открыл всю серию «Восстания декабристов». Положение последнего было самым тяжелым. К моменту образования новой р[едакции] он заканчи-

вал вышеупомянутое издание, «Экспедиция Беринга». Теперь ему приходилось вновь вырабатывать новые методы и приспособляться к специфическим требованиям; последние были диаметрально противоположны тем широким мазкам, которыми он не без успеха пользовался в работах над Берингом. Но это третье лицо обладало тем большим опытом в области палеографии, в деле разбора трудных мест, каким другие сочлены обладали далеко не в той степени.

Тогда был выработан и план работ каждого участника, причем, в основу этого плана был положен тот текст, который предположено было включить еще в издание 1930 г., в той последовательности, какая была намечена для издания 1930 г.; всю тяжесть работ участники в то время находили в «подаче вариантов и примечаний», в составлении введения и других вступительных статей. При составлении этого плана главная роль, как и следовало ожидать, принадлежала С.Н.Чернову. В виду важности для всего последующего приводим здесь этот общий план, рисующий ту степень научных требований, какую тогда, по единогласному мнению всех участников, должно было отражать это новое издание:

**План издания «Р[усской] П[равды]» и других проектов
и бумаг П[авла] И[вановича] П[естеля]**

1. Предисловие.....	Б.С[ыроечковский]
2. Археологическое введение.....	А.П[окровский] С.Ч[ернов]
3. «Русская Правда» в Следственной комиссии и Верховном Уголовном Суде	С.Ч[ернов]
4. Хронологическая канва жизни и деятельности П[естеля]	Б.С[ыроечковский]
5. Библиотека Пестеля	С.Ч[ернов]
6. Тексты Пестеля	25 л. А.П[окровский]
7. Подстрочные примечания.	15 л. Б.С[ыроечковский]
8. Примечания	1 л. С.Ч[ернов]
9. Карты к текстам	А.Н.Сербина ¹⁷
1) к I и II гл. «Р[усской] П[равды]»	
2) к отдельным заметкам П[естеля]	
10. Тематический указатель	
11. Оглавление.	
12 и 13. Фотоснимки текстов и портретов П[естеля].	

Было положено, чтобы каждый отдавал свою часть на просмотр и рецензию двух других, причем, стараться достигнуть единогласного одобрения, что делало излишним работу назначаемых со стороны редакторов. Метод, часто практиковавшийся тогда, т.к. такие редакторы не только портили, а подчас и совсем губили издание по обстоятельствам, ничего общего с работой не имевшим.

Как видно из этого распределения, и дальше еще яснее будет раскрыто, главную, основную работу брал на себя С.Ч[ернов], поэтому мнение, впоследствии возникшее, о том, чтобы в равной степени оплачивалась работа каждого, тогда и возникнуть не могло, да и действительно не возникало.

Весь этот план, даже местами его терминология («подстрочные примечания»), показывает, что люди, взявшиеся за дело издания, все еще исходили из прежнего воззрения: стоит только подправить или по-новому построить систему подачи вариантов — и дело будет сделано. Но дальнейшие работы отвергли это представление и по-новому заставили и расположить весь материал, и дать ему совершенно новые объяснения.

Тогда же много было рассуждаемо о вновь принятом методе подачи вариантов и в общих чертах он был обрисован и установлен.

После всего этого участники стали каждый работать над своими участками. Первоочередной задачей было тогда составление по новому методу вариантов — эту работу одновременно стали вести С.Н.Ч[ернов] и А.П[окровский]. Они поделили между собою весь текст; большую и притом наиболее сложную, и наиболее трудную часть Чер[нов] принял на себя, а более легкую предоставил А.П[окровскому]. Первоначально, в виду особых настояний руководства о возможно более быстром завершении дела, обоим участникам казалось возможным, что вдвоем они, исходя из прежнего подбора примечаний, сравнительно скоро могут закончить работу, примерно месяцев через 5—6. Но действительность безжалостно опрокинула весьма скоро и эту иллюзию: оказалось, что при составлении по новому методу вариантов единственно возможным было составлять их по оригиналу все вновь; вся старая работа оказалась непригодной и получала лишь только историческое значение, как одна из фаз пройденного пути. Много отнимало времени и то, что применение нового метода участниками на первых порах производилось в разном объеме: Ленинград [Чернов] — целиком до крайности старался его выдержать, Москва [Покровский] часто находила возможным сливать два метода: это зависело от того, что обе группы текстов были разной трудности. К этому времени работа над Берингом закончилась: 10 мая 1941 г. работа эта окончательна и официально была выпущена в свет. Это издание, по-видимому, очень удачное и блистательно разрешавшее поставленные перед ним задача, имело своим последствием и то, что третий участник теперь освобождался, мог всецело заняться «Р[усской] П[равдой]», тогда же начальство ГАУ (в лице Никитинского¹⁸), в присутствии всего тогдашнего издательского отдела, лично благодарило за окончание этой работы, просило принять все меры к «окончанию» (а по существу — это только было еще «начало») издания «Р[усской] П[равды]» и предоставляло А.П[окровскому] [право] принимать все необходимые меры для достижения намеченной цели. За этот период работа Б.С[ыроечковского] выражалась в составлении программы предисловия, которое им должно быть написано; таковая программа была представлена в ГАУ в ноябре 1940 г.; с другой стороны, он был занят чтением вариантов к части текста, которую успел уже к тому времени написать А.П[окровский]. Работа С.Ч[ернова] шла весьма медленно: та часть вариантов (к началу текста «Записка о “Р[усской] Пр[авде]”») требовала по самому характеру больших усилий, и он успел написать только примечания к самым первым листкам машинописной копии (точно: к 15 — тогда как во всем томе их было около 450—500) и этим все уча-

стие его, как ниже увидим, окончилось. В виду того, что сам он ясно видел, что его партнер — А.П[окровский] — сильно обгоняет его и закончит свою часть гораздо раньше, чем он успеет это проделать со своей, он стал, притом несколько раз, передавать отдельные части из «своей» работы — на разработку А.П[окровскому] и даже Б.С[ыроечковскому], но при этих условиях его часть все же двигалась весьма медленно и туго: такова была сложность этой работы даже для человека, уже давно занимавшегося этим делом.

Какой-то злой рок словно тяготел над «Р[усской] П[равдой]». Наладившееся было дело, казалось, на этот раз обещавшее реальные успехи, вдруг сразу прервалось, для одних участников — надолго, для других — навсегда. С половины лета вспыхнула вторая германская война. Излишне говорить, что работы идти не могли при тех тяжелых обстоятельствах, но, к счастью, это было не окончание предприятия, а только «военный перерыв»; лишь только военные условия сделались для нас более легкими, вновь возобновились работы над изданием. Это было летом 1944 г. В Москве находились тогда Б.С[ыроечковский] и А.П[окровский] — и оба они, как по предложению издательского отдела, так и по собственной инициативе, приступили к продолжению работы. А.П[окровский] работал над текстологической частью на том пространстве пестелевских текстов: а) которая числилась за ним, б) которая перешла к нему по просьбе Чернова и с) которую должен был бы сделать Б.С[ыроечковский]. Последнее было сделано в виду необходимости единства метода подачи вариантов, согласно с переговором [с] Б.С[ыроечковским], и наконец, в силу того, что отходящая к С[ыроечковскому] часть (гл. V I[-й] р[укописи]) в рукописи перемешена с текстом, над которым должен был работать А.П[окровский] (гл. IV I[-й] р[укописи]). Со стороны А.П[окровского] это было вызвано желанием по возможности облегчить работу С[ыроечковского] над составлением его предисловия, стремлением не загружать его работой, мало свойственной его научным интересам и запросам. По вопросу, который А.П[окровский] уже с тех еще пор стал ставить перед Б.С[ыроечковским], а именно по вопросу о том, когда Б.С[ыроечковский] хотя бы вчера, хотя бы вдалеке не в отработанном виде, может сообщить своему партнеру свою работу, Б.С[ыроечковский] постоянно утверждал, что он все собирается ее начать, но разные обстоятельства его все задерживали. Напр[имер], летом 1944 г. он говорил, что его работе над предисловием помешало то, что он был занят редактированием научных статей своего недавно умершего брата, но зимой он жаловался на свою чрезмерную загруженность лекциями и педагогическими занятиями и т.д. Но этого мало: в одном из писем того времени Б.С[ыроечковский] сообщил А.П[окровскому], что он изменил план своего исторического введения (зафиксированный им же самим раньше), что он теперь в своем предисловии будет развивать положение, что сборник № 10, «Русская Пр[авда]» — представляет целый комплекс, автором которого являлся сам Пестель, т.е. другими словами, переходил на почву, в сущности, археографическую. Т.к. в то же самое время предполагалось написание Чер[новым] о П[естеле] специ-

ального археографического предисловия, то этим создавалось весьма двойственное, вредное для дела, неприятное для участников положение. Из фактических занятий Б.С[ыроечковского] должно отметить, что он в это время читал и делал различные заметки по тем частям предполагаемого издания, которые были вчерне уже написаны А.П[окровским] и предоставлены временно в распоряжение Б.С[ыроечковского].

Так дело шло до осени 1944 г., когда стало известным, что Ч[ернов] скончался в оккупированном врагами Вильно после принужденного оставления Пушкина, где он обыкновенно жил. Эта горестная весть имела своим последствием и то, что участники издания были поставлены теперь в необходимость доработать и часть, числившуюся за Черновым. По соглашению, всю текстологическую часть теперь пришлось взять на себя А.П[окровскому]. Так помимо всякой его воли, всякого его желания, единственно в силу одной только необходимости, первоначально намечавшаяся его роль в издании все возрастала и тем самым заставляла его, с своей стороны, предъявлять ко всему изданию новые требования и решать некоторые старые вопросы в совершенно другом освещении, сообразно с вновь сделанными наблюдениями и постановками.

Работа над частью Чернова (текстологическая) была закончена к ранней осени 1945 г. Теперь с новой остротой вставали вопросы, теснейшим образом связанные друг с другом: вопрос об историческом предисловии, вопрос о хронологической последовательности, в какой появлялись на свет разные сочинения, проекты, записки и заметки Пестеля, вопрос о том, в каком порядке они должны быть расположены в издании и т.п. А надо заметить, что сам П[естель], по своему ли обыкновению или по конспиративным соображениям, нигде не ставил ни одной хронологической даты. Заметим и то, что решение вопроса о хронологии является, по сути дела, главным, основным содержанием исторического введения, его «альфа и омега»; из него истекают и такие положения, как, напр[имер], вопрос о том, как развивались политические и иные воззрения самого П[естеля] — словом, целый ряд важнейших вопросов. Тогда А.П[окровский] первоначально думал, что основная работа собственно над текстами была закончена, оставались лишь в основном археографическое и историческое введения, т.е. работа уже только исследовательского типа. Но вскоре же это настроение стало сменяться другим: в нем стало рождаться сомнение, все ли сделано для ясного понимания пестелевских текстов, нельзя ли еще более улучшить работу, разъяснить как самому себе, так и будущим читателям многие вопросы, связанные с изучением текста. Так, напр[имер], его перестала удовлетворять только одна подача читателю многочисленных вариантов, как бы идеально не была исполнена такая работа. Зарождалась мысль о тех общих причинах, в силу которых Пестель делал свои многочисленные исправления и изменения; назревала потребность в составлении ряда отдельных монографий или статей; в них должны быть выяснены те последовательно виды, какие имел каждый отдельный большой трактат в разные моменты его сложения, неоднократно менявшаяся Пестелем последовательность отдельных частей того или другого его большого трак-

тата — словом, дать историю создания Пестелем каждой из его основных работ. Так появился целый ряд (около 10) отдельных, совершенно новых статей, непредусматриваемых первоначальным планом. Все эти статьи были написаны А.П[окровским], т.к. они базировались почти единственно на тех текстологических работах, о которых было упомянуто выше. Так текстологическая работа претворялась в работу исследовательскую и вместе с тем все настойчивее в очередь дня становился вопрос об исторической части введения.

Все относящиеся сюда вопросы А.П[окровский] в форме обширного письма обстоятельно изложил перед Б.С[ыроечковским]. Это было в октябре 1945 г. и в ответ [он] получил весьма краткое письмо, в котором Б.С[ыроечковский] извещал своего партнера, что он предлагает новую программу действия. А именно он сообщил, что на предстоящем отрезке времени он будет писать совершенно самостоятельную работу: «Пестель и его сочинения», совершенно независимо от текстологических разысканий А.П[окровского], независимо от всего издания, а своему партнеру предлагал продолжать свою часть работы, «а там посмотрим, что будет», — говорил он. Такая программа действия и притом в решающий момент издания была весьма странной и, по существу, обозначала отход от общего дела одного из участников, отход, не ясно, какой — временный или постоянный; такой ответ вместо единой цели — издания текстов — выдвигал достижение двух разных целей: издания и исследования, «совершенно самостоятельного». Словом, эта программа отнюдь не могла быть принята А.П[окровским]. Так в сношениях партнеров наступил перерыв, длившийся до половины лета 1946 г., в течение которого А.П[окровский] усиленно занимался работами над изданием, но уже совершенно самостоятельно разрабатывал все вопросы, встававшие перед ним.

Летом сношения возобновились. Возобновились и те основные вопросы, связанные с изучением текстов. Вскоре же стало, и на этот раз заметно, что оба участника несогласно смотрят на отдельные вопросы. А главным из них в то время был вопрос о том, что такое представляет самый сборник «Р[усской] П[равды]», когда и где он составился и т.д. Мнения диаметрально разошлись. Верный своей последней программе Б.С[ыроечковский] считал, что весь сборник, с некоторыми поправками, был составлен самим П[естелем] и поэтому отражает его взгляды, дает возможность нарисовать «образ» Пестеля, сделать несколько предположений о недописанной П[естелем] части «Р[усской] П[равды]»; другой — А.П[окровский], исходя из той путаницы, какая наблюдается внутри этого сборника, сначала стоял только на том, что, невзирая на порядок расположения статей в рукописи, в основу издания необходимо положить везде и всеми принятый принцип хронологического появления трактатов, так как его возможно установить на основании различных данных. Прения по этому вопросу заняли много времени и приняли, наконец, такую форму, что А.П[окровский] пришел к мысли о необходимости предложить из[дательскому] отделу созвать для решения этого вопроса специальное заседание, куда кроме руководителя

изд[ательского] отдела П.Г.Софинова¹⁹ были приглашены М.В.Нечкина, Н.М.Дружинин²⁰, В.В.Максаков²¹, хотя фактически смогла принять участие в совещании одна только М.В.Нечкина. Случайно при этом находились и представители от Соцэкгиза, которые настойчиво проводили мысль о желании и необходимости скорее иметь издание «Р[усской] Пр[авды]», независимо от того, в какие формы выльется это издание. Каждый из участников выступил со своим планом. После обстоятельного обсуждения этих планов было предложено следующее среднее решение: исходя из заглавия проектируемого тома: «"Русская Пр[авда]" и сочинения, ей предшествующие», в первой части первого тома дать тексты (более поздние) «Р[усской] Пр[авды]» II и I редакций, а во второй — все остальные работы Пестеля в хронологическом порядке. Однако такое предложение не удовлетворяло ни одного из партнеров, но тем не менее оба признали его, как внешнюю необходимость. Особенно тяжелым это решение было для А.П[окровского]. Вся подготовленная им до сего времени работа была сделана в плане, какой он и предлагал. Изменение общего плана потребовало переработки всего издания, перемещения отдельных частей в пояснительных статьях и в системе вариантов на новые места, необходимость появления отдельных новых статей и видоизменение, отчасти сокращение старых. На этом же заседании был установлен и срок сдачи или начала сдачи (в виду обширности издания), именно октябрь 1946 г.

При работах по подготовке этого тома, уже после заседания, А.П[окровский] на основании неоспоримых данных, извлеченных им из следственного дела Пестеля, пришел к точному и определенному выводу: сборник № 10 никак не мог быть составлен самим Пестелем, в его состав вошли и те бумаги Пестеля, которые находились в квартире Пестеля во время обыска при аресте — ясно, что они могли быть внесены в состав № 10 не самим Пестелем, а только лицами, просматривавшими рукопись во время следствия. Это наблюдение А.П[окровский] тотчас же сообщил Б.С[ыроечковскому], и тот не мог не признать всей правильности выводов, сделанных А.П[окровским]. Таким образом, план, столь настойчиво поддерживаемый Б.С[ыроечковским], оказался неприемлемым, неверным и долженствовал придать всему изданию значение работы, совершенно неверной. По-видимому, это, как ни странно, еще более охладило взаимные отношения партнеров. Так, Б.С[ыроечковский], несмотря на установление срока, ни в срок, ни позже до фактической сдачи обоих томов (что имело место в половине лета 1948 г. — о чем речь пойдет ниже) не представил своему партнеру ни одной из тех частей своей работы, какие числились за ним. Какая же тому причина? Ни один из них мне ничего не сообщал, но, по личному моему впечатлению, Б.С[ыроечковский] очутился в каком-то заколдованном кругу, из которого выйти ему не удалось. Работая над своей статьей или исследованием, совершенно независимо от издания, он сам себя поставил в ложное положение: делить свои выводы между 2 разными изданиями — дело трудное, которое тем еще более становится трудным, что свои взгляды и мнения ему, по сути дела, необходимо было как-то прилагивать к взглядам и выводам другого лица, работавшего, или точнее — принужденного силой обстоятельств работать, совершенно самостоя-

тельно и самобытно, так, как подсказывала ему его опытность и внутреннее понимание фактов.

А к числу вопросов, которые пришлось тогда разрешать А.П[окровскому], относится и следующий, сложный и существенно важный для всего издания вопрос. Известно, что вопрос об устройстве верховной власти в сохранившихся текстах «Р[усской] П[равды]» совершенно отсутствует, а это — вполне понятно — был центральным вопросом как для Пестеля, так и для всего общества декабристов. Собрать все сохранившиеся данные по этому вопросу, извлечь из следственных дел все главнейшие и наиболее ценные указания участников по поводу этой темы, установить последовательность, в какой возникали у Пестеля варианты этого узлового для него вопроса, когда они зарождались, в каких пересказах они до нас дошли, какие следы их мы находим в «Р[усской] Пр[авде]» — все это составляло главное содержание одного из отделов общего предисловия. Это было существенным восполнением первоначальных планов, а о значении этих вопросов, понятно, говорить здесь не приходится. Эта разобщенность между названными двумя лицами имела своим последствием и удлинение времени, отведенного на эту работу. Изготовление обоих томов фактически легко на плечи одного человека. Подготовка копий от руки для переписки в машбюро, неоднократная их проверка, трудности работы для машбюро, где приходилось переписывать отдельные фразы или точнее обрывки фраз, получавшие значение и смысл только при сопоставлении с полными текстами, необходимость при этом пользоваться[ся] только старой орфографией, неизбежные частичные переписки уже раз переписанного текста, суровая необходимость все подчинять разным цифровым показателям (цифры страниц: а) оригинала, б) машинописной копии, с) иногда глав, отдельных параграфов текста, указание цифры строки на каждой отдельной странице и т.д.) — делали ту часть работы и продолжительной, и крайне утомительной для ее исполнителя; дополним, что к этому надо еще присоединить тщательную проверку машинописных копий с оригиналом; что к этому надо соблюдать, чтобы было известного рода единство между обоими томами, не было расхождений ни в чтениях, ни в графике, ни в обозначениях и размерах текстов. Участие другого лица во всех этих видах работы, несомненно, сильно облегчило бы весь этот процесс, по существу, отчасти приближающийся к техническому исполнению, но в то же время требовавший тонкого знания всех особенностей публикуемых текстов и поэтому не могущий быть переданным в посторонние руки; но помощи и в этой работе не было фактически оказано; вся роль Б.С[ыроечковского] свелась к очень скромным абрисам, хотя, по существу, он мог бы оказать более реальное содействие; когда между названными лицами возник вопрос, в каком же виде каждый из них явится перед исследователями и неизбежной критикой, то Б.С[ыроечковский] письменно зафиксировал свои desiderata^a: 1) он является *внутренним рецензентом*; 2) участником выработки планов; 3) автором собственных статей; но, как уже было говорено, таких статей он ко времени сдачи томов не представил; относительно же планов нужно

^a Пожелания (лат.).

заметить, что: а) первоначальный план, предложенный Черновым, при детальном изучении материалов был совершенно переработан как в общих своих контурах, так и во многих деталях, б) планы, предлагаемые Б.С[ыроечковским] в разные моменты работы, по многим причинам не могли быть реализованы, как не подходящие к целям настоящего издания. Говоря о работах Б.С[ыроечковского] как внутреннего рецензента, нельзя не остановиться немного на тех отзывах, какие нам довелось — правда, отрывками — слышать от его партнера. Последний говорил, что он, по-видимому, расходится с[о] своим сотоварищем по главному вопросу о вариантах: А.П[окровский] считал их наиболее трудной частью издания, придавал им особо важное значение, т.к. они рисуют нам Пестеля в совершенно другом освещении — Пестеля, до сих пор неизвестного, со всеми его колебаниями, сомнениями, исканиями. Б.С[ыроечковский], по-видимому, не был склонен к этому и видел главное научное значение этой работы в других факторах. Боимся сказать, насколько здесь была права каждая из сторон: последующая критика, несомненно, даст более материала для того или другого суждения по этому вопросу. Далее, А.П[окровский] находил, что Б.С[ыроечковский] не уделяет должного внимания отделу вариантов, над которым он работал; Б.С[ыроечковский], рецензируя их весьма быстро и бегло, останавливается более на внешних замечаниях, напр[имер], о способе их выражения, говорит о несущественных особенностях, тогда как главных вопросов (как, напр[имер] — о причинах их появления) он не ставит вовсе или касается их крайне редко. Не был удовлетворен А.П[окровский] рецензиями своего сотоварища еще и потому, что последний часто делал их только на основании представляемых ему на прочтение материалов, а не обращался к детальному рассмотрению подлинного текста, как того, безусловно, требовала сущность работы. Это влекло то, что в конце концов А.П[окровский] сам добровольно принял на себя роль собственного своего рецензента, исправил многие неточности известного рода «разнородства» (по выражению Пестеля), неясности и т.п. в таких главных и наиболее трудных трактатах, как, напр[имер], «Записка о Госуд[арственном] правлении», «Записка о Госуд[арственном] судебнике» и т.д. Но это, конечно, не значит, чтобы он отказался от замечаний Б.С[ыроечковского]; как показывают сохранившиеся документы, все, что только не вызывало споров, все с благодарностью было принимаемо им во внимание и претворялось в фактическое исполнение.

Многokrатно А.П[окровский] обращался к Б.С[ыроечковскому] с просьбой, можно даже сказать — с мольбой, чтобы он поспешал со своей частью; вполне сознавая всю сложность работы, А.П[окровский], как он сам нам говорил, очень бы желал разделить весь громадный труд, по крайней мере, совместно с несколькими специалистами; напр[имер], он сетовал, что в состав редакции не могли войти специалисты по истории р[усского] права начала XIX в., специалисты по военным, географическим, бытовым, национальным и др. вопросам той эпохи. Мало того, он обратился даже к одному лицу из ученого мира (но точно раскрыть имя этого лица он нам не захотел), хорошо известному Б.С[ыроечковскому], чтобы тот в дружеских товарищеских беседах побуждал бы Б.С[ыроечковского] не охладевать к работам над изданием «Р[усской] П[равды]»,

дать то, что от него ожидали и сам А.П[окровский], и ГАУ, и люди научного мира; таково было постоянное желание А.П[окровского]; даже в недавнее время он, выражая радость по поводу окончания работы над «Р[усской] П[равдой]», был очень огорчен малым содействием Б.С[ыроечковского], стараясь со своей стороны объяснить это как загруженностью его другими работами, так и отсутствием у него условий, необходимых для исполнения работы.

ГА РФ. Ф.Р.-5142. Оп. 1. Д. 424. Л. 2—22. Машинопись.

№ 3

Заместителю начальника Главного архивного
управления МВД СССР товарищу Кузьмину С.И.¹

19 ноября 1948 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции подтверждает, что за время своей работы в ЦГАОР с 1943 г. старший научный сотрудник А.А.Покровский работал только по подготовке к изданию «Русской Правды».

По составленному в 1940 г. плану издания «Русской Правды» в работе по ее подготовке, кроме А.А.Покровского, должны были принять участие С.Чернов и Сыроечковский.

В 1940—1941 гг. С.Черновым и А.Покровским была проделана часть работы по обработке текстов «Русской Правды».

Тов. Сыроечковский только просматривал обработанные тексты и давал некоторые замечания.

В 1941 г. работа была прервана и возобновилась только в 1944 г. и ею занимался один А.А.Покровский.

Тов. Сыроечковский своей части по написанию введения не представил, и эту работу пришлось выполнить А.А.Покровскому.

Из вышеизложенного следует, что подготовка к изданию «Русской Правды» осуществлена А.А.Покровским.

В проделанной работе трудов Сыроечковского нет, и он не может претендовать на авторство.

Начальник ЦГАОР, майор
Прокопенко

Врио начальника научно-публикаторского отдела
*Лебедева*²

ГА РФ. Ф.Р.-5142. Оп. 1. Д. 424. Л. 23. Машинопись. Копия.

Примечания

¹ *Прокопенко Н.Р.* (1910—1975) — историк-архивист, кандидат исторических наук (1946), в 1941—1954 гг. — начальник ЦГАОР СССР; в 1954—1963 гг. — заместитель начальника Главархива СССР; с 1963 по 1975 г. — директор ЦГАОР СССР.

² Заголовок документа.

² *Кузьмин С.И.* — в 1943—1953 гг. заместитель начальника ГАУ НКВД СССР, в 1953—1956 гг. — директор ЦГАЛИ СССР, кандидат философских наук.

³ *Покровский М.Н.* (1868—1932) — историк, академик АН СССР (1929), советский государственный и партийный деятель.

⁴ *Щеголев П.Е.* (1877—1931) — литературовед, историк революционного движения. Автор трудов о декабристах, жизни и творчестве А.С.Пушкина.

⁵ *Чернов С.Н.* (1887—1942) — историк, доктор исторических наук (1937). Автор трудов по социально-экономической истории древней Руси и Великого княжества Литовского, исследований и публикаций по истории декабризма.

⁶ *Мильман С.С.* (1894—1937?) — историк, в 1925 г. окончил Институт красной профессуры; с 1926 г. внештатный научный сотрудник 1-го разряда подсекции новой русской истории Института истории РАНИОН, с 1930 г. — научный сотрудник Института истории Коммунистической академии. Автор трудов по истории движения декабристов. Репрессирован.

⁷ «Красный архив» — в 1922—1941 гг. научный журнал архивных органов РСФСР и СССР, издано 106 томов.

⁸ *Мальцев Н.В.* (1891—1941) — с 27 декабря 1937 г. до 2 апреля 1939 г. и.о. начальника ЦАУ СССР. В начале Великой Отечественной войны вступил в народное ополчение и погиб.

⁹ *Пашуканис С.А.* (1896—1937?) — с 1933 г. по июль 1937 г. директор Архива внешней политики, одновременно с мая 1934 г. — заместитель управляющего ЦАУ СССР и ЦАУ РСФСР.

¹⁰ *Сыроечковский Б.Е.* (1881—1961) — историк, архивист. Автор исследований и публикатор документов по истории декабризма.

¹¹ *Бонди С.М.* (1891—1983) — литературовед, доктор филологических наук, профессор МГУ. Автор трудов по теории стиха XVIII—XIX вв., творчества А.С.Пушкина.

¹² *Чулков Н.П.* (1870—?) — с сентября 1923 г. помощник управляющего 1-м Московским отделением юридической секции ЕГАФ, затем старший архивист Древлехранилища Центрархива РСФСР. Уволен по сокращению с 1 ноября 1930 г.

¹³ *Нечкина М.В.* (1899—1985) — историк, академик АН СССР (1958). Автор трудов по истории общественного и революционного движения в России XIX в., в т.ч. о декабристах, по историографии.

¹⁴ *Беринг В.И.* (1681—1741) — мореплаватель, офицер русского флота. По национальности датчанин. В 1725—1730 и 1733—1741 гг. руководил 1-й и 2-й Камчатскими экспедициями.

Сборник документов «Экспедиция Беринга», подготовленный А.А.Покровским, был издан в Москве в 1941 г.

¹⁵ *Горбачевский И.И.* (1800—1869) — декабрист, подпоручик, член «Общества соединенных славян». Осужден на вечную каторгу. С 1827 г. в Нерчинских рудниках, с 1839 г. на поселении в Петровском заводе. Автор «Записок».

¹⁶ *Муравьев-Апостол С.И.* (1796—1826) — декабрист, подполковник. Один из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Один из директоров Южного общества, глава Васильковской управы. Организатор и руководитель восстания Черниговского полка. Ранен в бою. Повешен 13(25) июля 1826 г.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду *Сербина К.Н.* (1903—1990) — историк, кандидат исторических наук (1935), доктор исторических наук (1948). С 1927 г. научный сотрудник Историко-археографического института, затем Института истории АН СССР.

¹⁸ *Никитинский И.И.* (1905—1974) — историк-архивист, кандидат наук, с апреля 1939 г. и.о. начальника ГАУ НКВД СССР, с августа 1940 по июль 1941 г. — начальник ГАУ НКВД СССР, с июля 1941 по март 1946 г. — начальник Управления государственных архивов НКВД СССР, в марте 1946 — октябре 1947 г. — начальник Управления государственных архивов МВД СССР. Полковник госбезопасности (1943). Генерал-майор (1945).

¹⁹ *Софинов П.Г.* (1915—1964) — доктор исторических наук, профессор; с 1941 по 1947 г. — ученый-археолог, затем начальник научно-издательского отдела ГАУ НКВД (МВД) СССР.

²⁰ *Дружинин Н.М.* (1886—1986) — историк, академик АН СССР (1953). Автор трудов по социально-экономической истории, общественной мысли и революционному движению в России XIX в., в т.ч. по истории декабризма.

²¹ *Максаков В.В.* (1886—1964) — с 1918 г. управляющий Историко-революционным архивом, затем Архивом Октябрьской революции, с 1925 г. — ученый секретарь Центрархива РСФСР, с января 1927 г. — заместитель заведующего Центрархивом РСФСР, в 1930 и 1931 гг. — заместитель заведующего ЦАУ СССР и ЦАУ РСФСР, с 1931 г. на преподавательской работе в МГИАИ.

²² *Лебедева В.А.* — в 1948 г. старший научный сотрудник, иврио начальника научно-публикаторского отдела ЦГАОР СССР.

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ ТАТИЩЕВ

(1686—1750)

19 (29) апреля 2001 г. исполнилось 315 лет со дня рождения выдающегося русского историка В.Н.Татищева. Яркий представитель Века Просвещения, он был не только ученым, но и крупным государственным деятелем, публицистом, юристом, горным инженером, дипломатом. Жизненный путь Василия Никитича, несмотря на близость к царскому двору (Татищевы находились в родстве с царицей Прасковьей Салтыковой, женой Ивана V — сына царя Алексея Михайловича от первого брака, и уже семи лет от роду Василий был пожалован в стольники и взят ко двору), изобилывал крутыми поворотами. Он достиг высоких чинов и на военной, и на гражданской службе. В то же время неоднократно подвергался опале и закончил карьеру фактически под домашним арестом.

В «Фотолетопись» включены портреты В.Н.Татищева и его дочери Евпраксии, гравюра XVII в. с изображением Москвы, где прошли детские годы будущего историка, другие материалы, отражающие основные вехи его биографии.

Военную службу В.Н.Татищев начал в 1704 г. Через год он был зачислен в Азовский драгунский полк, сформированный повелением Петра I. В подборке впервые публикуются выявленные в Российском государственном архиве древних актов письмо А.Д.Меншикова о создании этого полка, список его офицеров, расписка поручиков Василия и Ивана Татищевых о получении первого офицерского жалованья.

С 1720 г. В.Н.Татищев действовал на административном поприще: ведал металлургической промышленностью на Урале, был начальником Оренбургской и Калмыцкой экспедиций, астраханским губернатором и т.д. Главная его заслуга как государственного деятеля — в разработке программы экономического развития страны, что также нашло отражение в «Фотолетописи».

В течение 30 лет В.Н.Татищев работал над многотомной «Историей Российской с самых древнейших времен». Немалый интерес представляют его труды «Сказание о звере мамонте», «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищах», «Духовная», «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской».

Жизни и деятельности В.Н.Татищева посвящена обширная библиография. В 1997 г. был учрежден «Фонд восстановления усадьбы в селе Болдино Солнечногорского района Московской области», где опальный Татищев провел последние 5 лет жизни. Наш долг — сохранить память о замечательном ученом и человеке, для которого честь и слава Отечества были превыше всего.

Публикацию подготовили кандидат исторических наук В.С.АСТРАХАНСКИЙ и доктор исторических наук А.А.ЧЕРНОБАЕВ.

В. Н. Татищев

Москва. Гравюра. XVII в.

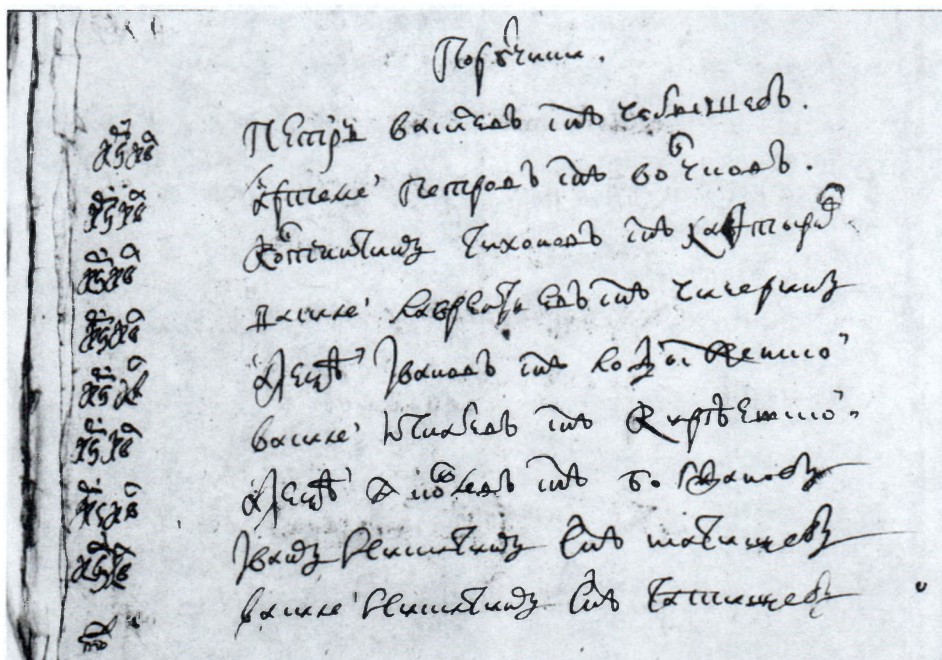
Е. В. Татищева.
Художник Л. Каравакк

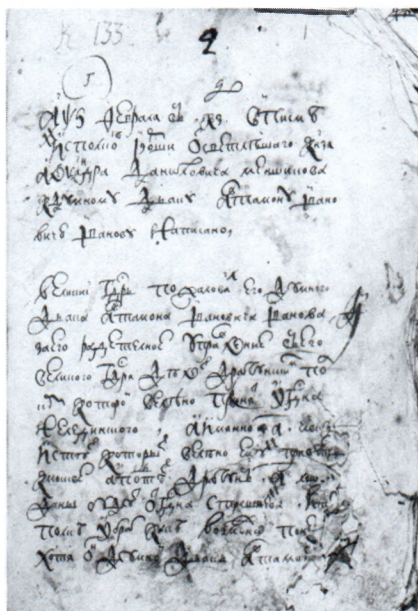
Автограф В. Н. Татищева с автобиографическими сведениями.
Шахта. Гравюра XVIII в.

Петр I.
Художник И.М.Никитин.
1721 г.

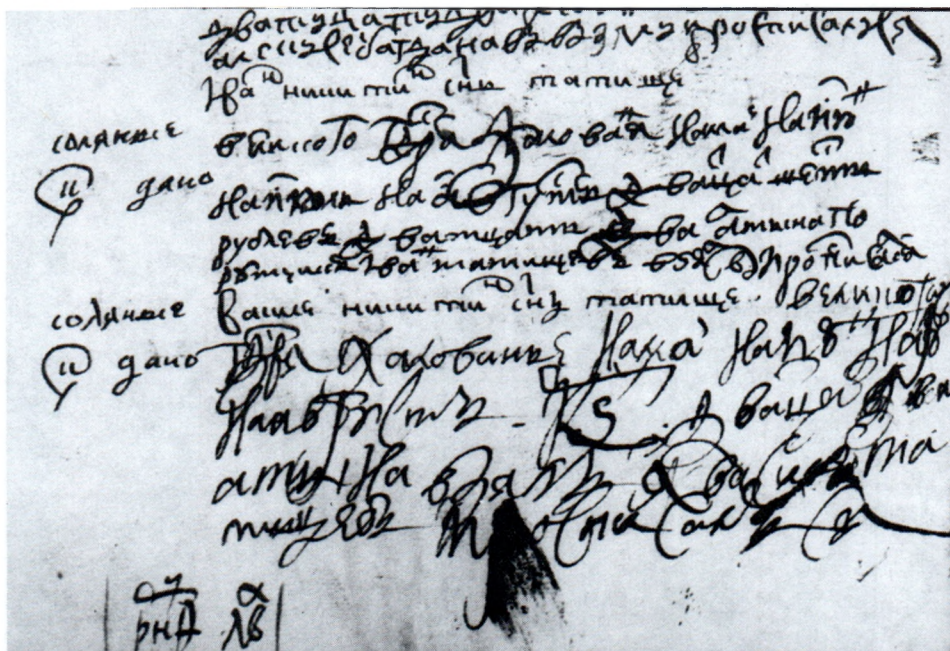
Список офицеров Азовского драгунского полка.
В конце фамилии братьев Василия и Ивана Татищевых. 1706 г.

Письмо А.Д.Меншикова
о создании Азовского
драгунского полка. 1706 г.

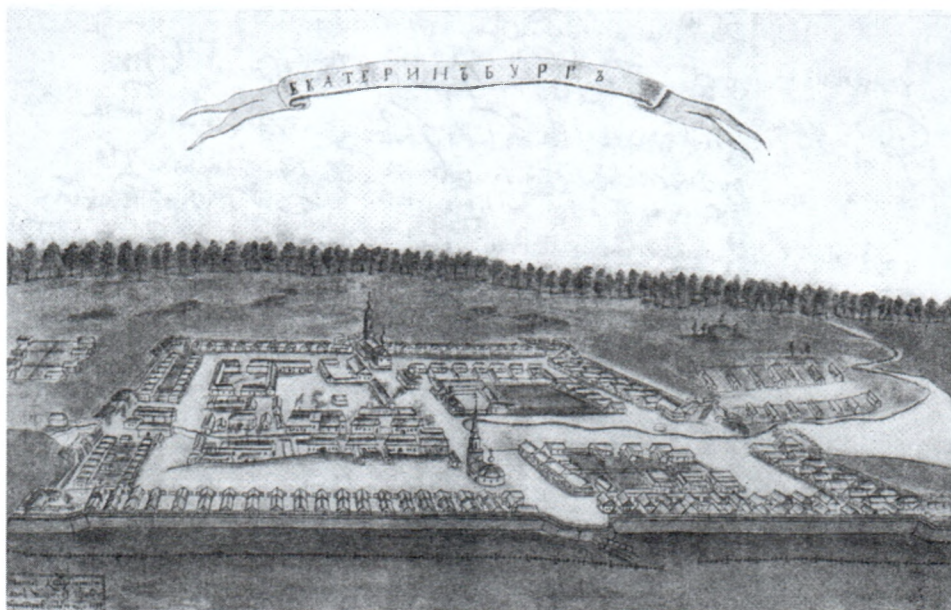
А.Д.Меншиков.
Гравюра Симона. Начало XVIII в.

Расписка поручиков братьев Василия и Ивана Татишевых о получении
офицерского жалованья. 1706 г.

*В.Н.Татищев.
Гравюра А.А.Осипова.
Первая треть XVIII в.*

Екатеринбург. Рисунок В.И.Геннина. 1735 г.

552

I. ГОРНЫЯ УЗАКОНЕНІЯ.

Заводскій уставъ Татищева.

(Продолженіе.)

ГЛАВА 2.

О должности и власти Советника.

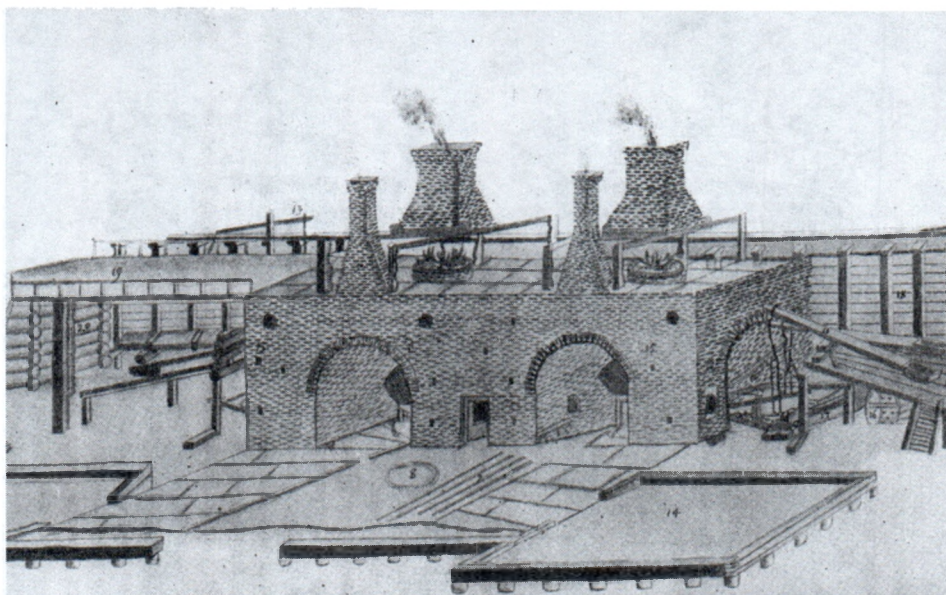
1) О его должности.

Сей есть первый товарищ и помощник Главнаго заводовъ Правителя, и когда они вкупиѣ, то долженъ ему во всемъ, какъ вѣрному и честному челоуѣку пристойно и должно, для пользы Нашей, совѣтомъ и дѣломъ помогать, и по опредѣленіямъ прилежно въ дѣйство производить, какъ о томъ въ Генеральномъ Уставѣ въ 6 главѣ обстоятельно описано.

2) О его власти.

Ежели что усмотритъ въ опредѣленіяхъ и поступкахъ оного Главнаго Правителя На-
Горн. Журн. Кн. III. 1831. 1

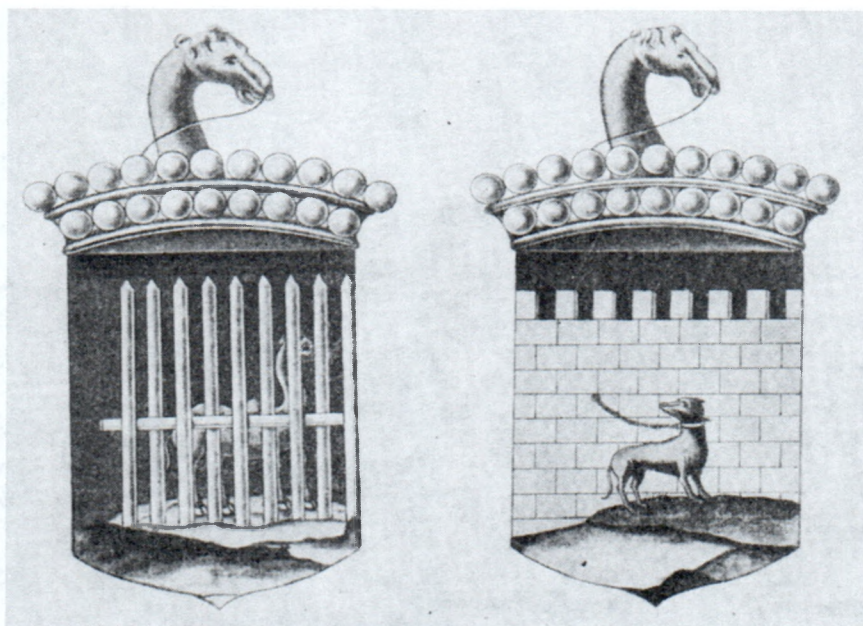
Заводской (Горный) устав
В.Н.Татищева. 30-е гг. XVIII в.

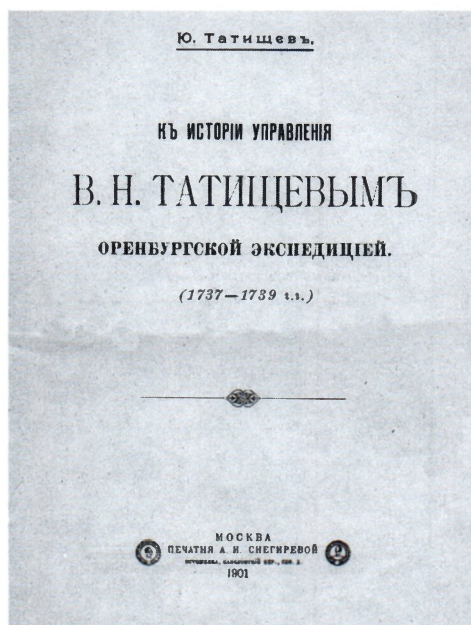
Доменный цех. Рисунок В.И.Геннина. 1735 г.

В.Н.Татишев (?)

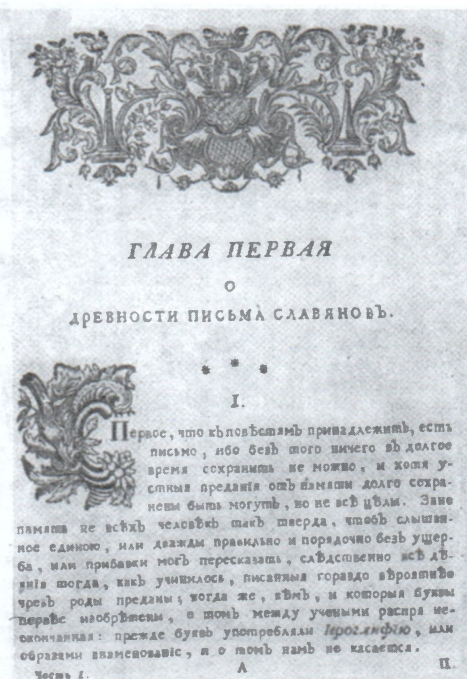
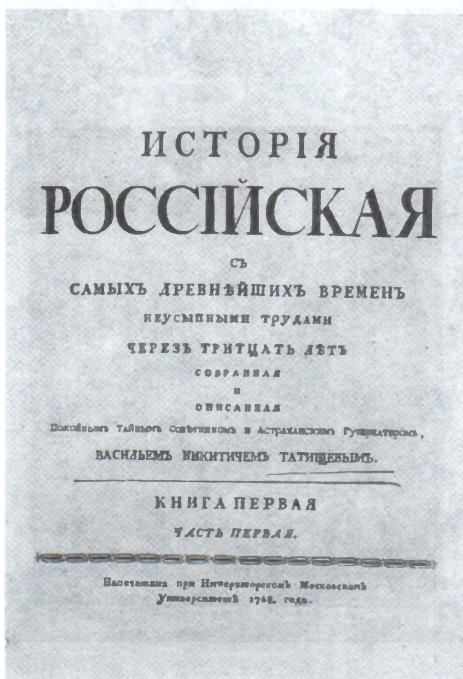

Проекты гербов для Исетской провинции (Оренбургский край), составленные В.Н.Татишевым. 30-е гг. XVIII в.

Вид Астрахани с Волги.
По рисунку А.Олеария в книге «Путешествие в Персию и Московію». 1636 г.

В.Н.Татищев

Титульный лист и первая страница «Истории Российской» В.Н.Татищева

СКАЗАНИЕ О ЗВЕРЕ МАМОНТЕ

¹Сказание о звере мамонте, о котором обыватели сибирские скажут, якобы живут под землей, сих о том доказательств и других о том различные многия.

СКАЗАНИЕ ОБЫВАТЕЛЕЙ¹

§ 1. Сей зверь, по сказанию обывателей, есть великостно с великого слона и больше, видом черн, имеет у головы 2 рога, которые по желанию своему движет тако, якобы омые у головы на составе петвердо приросом былы.

§ 2. Оной зверь живет всегда под землей, с места на место прихдит, ошцаня и предуготовляя путь себе вышущим рогами, якобы некоторыми снастьми, но не может никогда на свет вытти: когда же так блиско к поверхности земли О пище его не что некоторые скажут, земля позсылнлась, § 3. Наконит с окошкна нечаянно Тунгуской, Якушко Угории, на местах: земля обвалится, тогда рощице по глубю от поверхности, вышца подземлют. И ребра, голени и прочие токмо сит так и в сосодни больше аршина, то арши близ 4-х, то пуд до семи. Состонные же весьма згто есть белы, желто есть кривизны домы выпосить им скопю, на чем бы ныа части, выноса в Китай, где оная зит и в Москву.²

§ 4. Удостоверя 1) якобы некоторые

РАЗГОВОР ДВУ ПРЯТЕЛЕЙ О ПОЛЬЗЕ НАУКИ И УЧИЛИЩАХ¹¹

1. Вопрос. Мой государы Я, видя ваши поступки с нашим сыном, которого вы хотя одного имеете, но не пожалели в так молодых летах от себя отлучить и в чужестранныя училища послать, прихому в недоумение, какому бы вы из того показу иметь чаяли. Ибо, по моему мнению, в детях нам наибольшая есть польза, когда их во очях имеем, по нашей воле содержим, и устанавлием, и ими веселимся. Противно же тому, отлуча оного и не всегда ведая о состоянии его, о паче о благополучии суживаясь, в страхе и печали пребывать и оного ищемого увеселения добровольно лишиться нудно.

Ответ. Любезный мой друг! Вы мне положили вопрос, видится, противно вашему благооное токмо видимо есть разум и спо Разум же без науобретения³ быть и прежде учитьс; е в природной адогидашню печаль и чество малым отпривосить будет.

2. Ваше, мой только, чтоб подлима видна⁴ до стве и славе, а учОтвет. Вы, порома кажется, что благополучни живих внутреннее сос и суще⁵ нашли биест и что имеют ня, или богатств преставно совести тому, разумный ч доведает и совести он всея земли вла

3. Сие хотя вольно, но ежели мне сказать, что е

Ответ. Паку г

4. Сия отоволек, как бы оной

11 Г училищ, ¹² Б все

13 А школах.

1 Л, И, М, Р, С

2 Ш, Ф, З, А, И, О

3 В, Л, Д, Ж, М, Р, И

4 выписать. 11 В, М, Р, шя. 13 Л, Р, школах

ДУХОВНАЯ

Любезный мой смыш

«Егда юн бе, пояснися¹¹ и хождаше, аможе хотише, егда же сотарепнися, ² воздежети руде, ³ ии та полхет и велет ти, аможе не хоцешеня (Новизн, гл. 21, ст. 18). Слова суть ⁴ господа нашего, ⁵ Петру ⁶ сказавши в названнине, ⁷ моею смертию имат просияти бога. Сия словес сих толкуется от разных разво, обаче вся на едно окончание согласит удобно, еже человек во младости и благополучии мало о законе божи и спасении души своая прилежит, во водни⁸ паче помыслим плотским, яко Соломон младость именяет тщелоу ии суетоу и буйством (Екклезиаст, гл. 11, ст. 17) ⁹ Иис. Г. со

ЛЕКСИКОН БОСНИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОГ, ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ

А

А буква начальная, в азбуке есть ¹¹ первая. Она употребляема за свое же и междометие удивления. В русском языке, почитай, ах! какого имаяи, кроме ипоэтичких, ея пишнтся. В счислении периконном значит един, а с приложением лествици, или хроста, А значит тысячу, которое у всех числительных буки равномерно знаменует. ² В сокращенных англ — агага, агаски — английск, архта — архангел.³

Аа, или Тендер, река в Ливонии, есть сарматское, значит текущую воду или течение. Она течет в море Балтийское ⁴ на северной стороне Давни, от Риги 5 миль. По ней городи Вольмар и Венден.

Абаза есть место или владение в Большой Кабарде по реке Куму и западннм во оную недалеко от гор, именуемых Боштау. Имя татарское, значит малой народ, или малые люди. Сей народ перешел из гор Карталинских и сами отделил в защищение кабардинским, но в 1707 году крымский хан, хотя кабардинцев обещал, оных абазинов принудил на Куму перейти. Однако ж они под властью кабардинцев остались, и разделены на верхние, средние и нижние. Сей народ, мню, из Абхаз, или Обез, перешед, старое имя хралаг.

Абазан, река ¹ в Красноярском уезде, выдлет в Енисей с левой стороны выше Абаканского 40 верст. Слово татарское, многозначно.

Абаканский острог, на правле Енисея, при устье речки Суды, в Красноярском уезде, по широте 54 градуса, 7 мн. «Наход оного татар.» Он выше Красноярска 180, ниже Сайанскаго 90 верст.

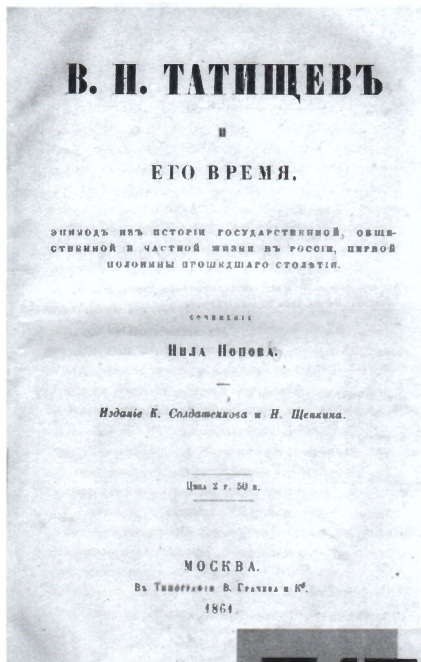
Абазан есть село в Сибирии на реке Иртыше, вверху от Тобольска 8 верст, куда из Тобольска каждогодню июня [7] числа ² ход со кресты бываеи.

Абас и абаса, монета серебряная в Персии, достоинством на их деньги 20, противно русских 25 копейк. В них серебро по пробе 93 и 94.

Аблайит, или Аблаев, монастырь каменный в горах Алтайских, выше Каменской крепости расстоянием верст со 150, которой строен в давние времена, но Облай-Хохмотов владелец, имея войну с эшпоргами, оной укрепил и в свое имя назвал. Но как он, потеряв три баталии, в 1657-м году ушел в Россию, где от других пошман и в заточении умер, а по том монастырь остался пуст, однако ж в нем многие идола и письма молитвенные на мунгалском и тунгуском языке выходящи, из которых немало и в Эрзеру расосано.

Абуга, река в Сибирии, течет в Тобск с правой стороны от гор Качин, или Итык, именуемых, но более по подземелью. В ней столько наводок, что, почитай, никакое животное употребить не может. Ея долготу счисляю до 300 верст. Имя мунгалское дяди, отцов брат.

Абрис нем., итиография греч., долгиевцо лат., дессени и промент франц., русски изображение, начертание и чертеж, есть такое слово, в котором весьма много заключается, особливо в архитектуре гражданскои и военной разумется сочиненной чертеж. У живописца первое

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Историко-архивное отделение
Международной Академии информативистики

**АРХИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ**

Приложение
к журналу
«Исторический
архив»

1995 • № 8

**БИБЛИОГРАФИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
В. Н. ТАТИЩЕВА
И ЛИТЕРАТУРЫ
О НЕМ**

19728
Рязань,
Мамонь,
ул. Восточная 10/а,
д. 4, корпус 2.
Тел.: (099) 281-45-21
Факс: (099) 281-45-40

АИА®

Литература о В.Н.Татищеве

Здание Горного института (Санкт-Петербург)

Книги из дара В.Н.Татищева (1737 г.) Главной библиотеке Горного института

Надгробная плита на могиле В.Н.Татищева. Конец XIX – начало XX в.

Возложение цветов на могилу
В.Н.Татищева. 1990-е гг.

Памятная стела.
Установлена в 1985 г.

Болдино. Главный усадебный дом Татищевых. Современный вид

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ — ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ

РЕШЕНИЕ

12. марта 1998 года

протокол № 36 п. 5

Об организации музея-усадьбы В.Н.Татищева в селе
Болдино Солнечногорского района Московской области

Заслушав и обсу-
шил:

1. Поддержать и
2. Обратиться к
о выделении средств
ного бюджета.
3. Обратиться к
зей-усадьбу В.Татище
4. Обратиться к
просьбой о выделении
предка.

Заместитель
Председателя Комитет

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

105318, Москва, ул. Ибрагимова, 12

тел. 369 71 11, 369 72 11 факс 369 50 15

10.04.2000 № 442/4-14

На № _____ от _____

По пору-
тет по культуре р-
венного благотвори-
становлению усад-
Комитет
возродить усадьбу
деятеля России В.
Со свое-
держку в деле соз-
ванных сотрудни-

Председатель Ком

Майборода З.П.
379-87-34

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ГУБЕРНАТОРА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

19319, Москва, ул. Никитская, 14, тел. (095) 441-11-80, факс (095) 441-11-82; ул. Новый Аобаит, 21, тел. (095) 291-90-72, факс (095) 291-90-76
E-mail: govinfo@adm.sverdlovsk.ru

19.06.2000 № 010-ВН-144

Председателю Комитета по
культуре Правительства
Московской области

ГУЖАЕВ С.В.

Уважаемый Сергей Васильевич!

15 июля 2000 года исполняется 250 лет со дня смерти Василия Никогонича Татищева (1686-1750 гг.) - сподвижника Петра I, участника Северной войны, Полтавской битвы, начальника казенных горных заводов (1719-1722, 1734-1737 гг.), основателя Екатеринбург, Ставрополя на Волге (Тольятти), руководителя монетных дел России (1727-1734 гг.), начальника Оренбургской экспедиции (1734-1739 гг.), Губернатора Астрахани (1741-1745 гг.), автора первого фундаментального научного исторического труда «История Российская с самых древнейших времен», основателя ряда исторических наук и дисциплин исторической науки; книговедения; археографии; историографии; источниковедения; палеонтология. При том, что роль В.Н.Татищева в становлении и развитии Государства Российского общепризнана, работа по сохранению памяти о нем практически не ведется или ведется неадекватно.

С целью сохранения памяти о В.Н.Татищеве в июне 1997 года был учрежден «Фонд восстановления усадьбы в с.Болдино». В XVIII в. усадьба Болдино принадлежала В.Н.Татищеву, ныне это памятник истории и культуры федерального значения (решение Совмина РФ № 624 от 04.12.74; постановление Верховного Совета РСФСР № 3020-1 от 27.12.91; Указ Президента РФ № 176 от 20.02.95).

Основная цель и главная задача Фонда отражены в его Уставе. Это возрождение усадьбы в с.Болдино и создание на ее базе музея В.Н.Татищева. С 15 февраля 1999 г. «Фонд восстановления усадьбы в с.Болдино» имеет договор об аренде усадьбы сроком на 49 лет. Договор заключен с Комитетом по культуре Правительства Московской области.

Учитывая неоценимый вклад В.Н.Татищева в создание и развитие

Документы о создании музея-усадьбы В.Н.Татищева
в с. Болдино

ЗАПИСКА В.Н.ТАТИЩЕВА О ПЛАНАХ ЗАСТРОЙКИ КРЕПОСТИ ЧЕРНЫЙ ЯР

Сентябрь 1742 г.

Публикуемый документ был обнаружен в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) среди дел Сената за 1742 г. Он позволяет глубже исследовать деятельность тайного советника В.Н.Татищева на посту астраханского губернатора, где он проявил себя деятельным администратором.

Известно, что В.Н.Татищев много хлопотал о заселении малолюдной Астраханской губернии, составил проект строительства новых городов по Волге, с которыми связывал надежды на экономическое развитие Нижнего Поволжья. Долгое время считалось, что во время губернаторства в Астрахани В.Н.Татищеву удалось добиться основания на Волге только одной крепости — Енотаевской¹. Она была построена в 1742 г. на правом берегу Волги. Но, оказывается, при нем была основательно перестроена и расширена уже существовавшая крепость Черный Яр. Черноярский острожек заложили в 1627 г. на правом берегу реки Волги горододельцы, присланные из Москвы вместе с отрядом стрельцов во главе с воеводами Андреем Глуховским и Матвеем Львовым. Через несколько лет его вынуждены были перенести на новое место, так как вода размывала берег². Тогда то и были построены более мощные крепостные стены с башнями, а острожек переименован в крепость Черный Яр³.

Крепость защищали земляной вал с деревянными стенами, с восемью башнями и четырьмя сторожевыми башнями, которые были выдвинуты на некоторое расстояние от нее. Таким увидел Черноярскую крепость проезжавший мимо нее в 1639 г. секретарь голштинского посольства Адам Олеарий⁴. Также описывала укрепления крепости Н.Б.Голикова, рассказывая об Астраханском восстании 1705—1706 г.⁵ Очевидно, к началу 40-х гг. XVIII века деревянные и земляные укрепления Черного Яра порядком обветшали, и не представляли непреодолимой преграды, позволявшей прежде небольшому гарнизону сдерживать атаки численно превосхо-

¹ См., например: Кузьмин А. Татищев. М., 1981. С. 290.

² См.: Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Переведено с немецкого. СПб., 1777. Ч. II. С. 51.

³ См. там же. С. 52.

⁴ См.: Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII веках. Сталинград, 1936. С. 62.

⁵ См.: Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705—1706 гг. М., 1975. С. 44.

дящего противника. Этому способствовал и сильнейший пожар, произошедший в Черном Яру 6 августа 1741 г., во время которого пострадали внутренние постройки крепости⁶. Из-за недостатка строительных материалов черныярцы не имели возможности быстро восстановить после пожара свое жилье, не говоря уже о казенных строениях, а военное ведомство запрещало самостоятельно строиться в крепости. В результате, по словам коменданта крепости майора Василия Белова, местные жители вынуждены были зимой ютиться в землянках.

В.Н.Татищев со всей серьезностью отнесся к вопросу ликвидации последствий пожара. Он считал, что медлить с ремонтом крепостных укреплений нельзя, так как они уже не отвечали своим требованиям и не могли защитить черныярцев от неприятеля. Поэтому, «чтоб от нечаянного набега людей всех не потерять», он предпринимает активные шаги к укреплению этой крепости. В 1741 г. инженеры провели ее обмерные чертежи, но предложенный ими вариант возведения укреплений в Черном Яру не устроил В.Н.Татищева, который нашел его слишком дорогостоящим для казны. Он предложил построить укрепления крепости с земляным валом и рвом, деревянными надолбами и палисадом по голландскому образцу и направил для составления чертежа плана будущей крепости из Астрахани военного инженера капитана Петра Кутузова.

План В.Н.Татищева предусматривал также внутреннюю перепланировку крепости. Помимо канцелярии, кабака, конюшни и воеводского в ней дома, должен был появиться магазин для армейских припасов, которыми могли бы пользоваться проходящие через крепость войска и несущие службу на форпостах по Волге воинские команды. Такой же магазин астраханский губернатор предусматривал построить и в основанной им Енотаевской крепости между Черным Яром и Астраханью.

Заново укрепленная Черныярская крепость призвана была служить важным стратегическим пунктом на южных рубежах России. Но Черный Яр интересовал В.Н.Татищева не только как военный объект. Городок занимал экономически выгодное положение в приволжских степях, среди калмыцких кочевий. В.Н.Татищев, уделявший много внимания развитию торговли в России, это сразу отметил. Разрабатывая в 1741 г. положение о рыбных ловлях на Волге, он отмечал, что в Царицыне, Черном Яру «пред прежним доход гораздо умножился»⁷. Рост доходов В.Н.Татищев связывал с увеличением в этих городах таможенных и кабацких сборов, поступающих от торговли местных жителей с калмыками. Собственно купцов в городе было немного, но промыслами и торговлей активно занималось все местное население, значительную часть которого составляли казаки и «судовые промышленники», «кои, — по замечанию известного натуралиста С.Г.Гмелина, — по своему достатку знамениты»⁸.

По мнению Н.Б.Голиковой, развитию торговли в Черном Яру способствовала организация под городом переправы для калмыков, которые в период перекочевок закупали там различные товары⁹. Как отмечал С.Г.Гмелин, побывавший в Черном Яру в 1769 г. «сей промысел не так мал ..., ибо одно такое судно в год ... около пяти сот рублей доходу принести может»¹⁰. Рыбная ловля здесь тоже была сильно разви-

⁶ См.: Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 51.

⁷ См.: Татищев В.Н. Записки. Письма 1717—1750 гг. М., 1990. С. 289.

⁸ См.: Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 52.

⁹ См.: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ См.: Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 53.

та. В 40-х гг. XVIII века в Черном Яру существовало 14 рыболовецких ватаг¹¹. Активно торговали черноморцы солью, которую добывали из Баскунчакского озера около горы Богдо на противоположном берегу Волги¹². В.Н.Татищев позаботился о том, чтобы улучшить условия для ведения коммерции жителям Черного Яра. Он распорядился при планировке внутренней части крепости предусмотреть в ее центральной части возле церкви «площадь, на торжище ... великую».

Представляют интерес предложения В.Н. Татищева, направленные на решение социальных и бытовых вопросов жителей Черного Яра. Так, он приказывает запретить традиционное для тех мест погребение умерших жителей возле городской церкви и организовать кладбище за пределами крепости. Уделяет он внимание и мерам пожарной безопасности в Черном Яру: в проекте оговаривается, что все дома и казенные строения будут строиться из дерева на безопасном расстоянии друг от друга и покрываться не воспламеняющимися материалами. Во время пожара 1741 г. находившийся в Черном Яру храм во имя Николая Чудотворца сильно пострадал, но В.Н.Татищев не рассматривал в этом документе вопрос о его восстановлении. Очевидно, он считал этот вопрос частным делом жителей Черного Яра, которым и раньше приходилось за свой счет строить в крепости церкви. А вот в решении вопросов, связанных с обеспечением черноморцев необходимыми строительными материалами для строительства жилья и казенных помещений, В.Н.Татищев принял самое непосредственное участие. Он приказал выделить им казенный лес, сплавлявшийся из Казани в Астрахань, в необходимом количестве на строительство 320 домов, административных и военных строений. Жители на будущий год должны были компенсировать казне затраченный на свои нужды лес.

В целом публикуемый документ свидетельствует о широте социально-экономических взглядов В.Н.Татищева. Он проявлял заботу не только об интересах казны и обороноспособности государства, но и о жителях губернии, для которых стремился улучшить экономические, социальные и бытовые условия жизни в Черноярской крепости.

В течение 1742 г. Черноярская крепость была отстроена заново. С.Г.Гмелин упомянул в своем сочинении, что после памятного пожара 1741 г. эта крепость была на другой год «порядочно выстроена, и валом и полисадом обнесена». По его словам, Черноярская крепость занимала в длину сто пятьдесят сажень, отличалась правильной планировкой улиц. Все дома в крепости как казенные, так и местных жителей, были деревянными, а находящаяся в центре крепости соборная церковь была каменной, на которой были установлены «хорошие часы с боем»¹³.

Разрушительные действия водной стихии из года в год продолжали крушить высокий берег, на котором была заново отстроена крепость Черный Яр. С.Г.Гмелин предрекал крепости из-за этого скорую гибель¹⁴. Но она уцелела, хотя самые древние ее части, в том числе и большая часть местного кладбища, были все же смыты водой в XIX веке. Однако центральная площадь Черного Яра, заложенная при В.Н.Татищеве, сохранилась.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук И.В.ТОРОПИЦЫН.

¹¹ См.: Попов Н.А. В.Н.Татищев и его время. М., 1861. С. 361.

¹² Гмелин С.Г. Указ. соч. С. 52.

¹³ См. там же. С. 51.

¹⁴ См. там же. С. 53.

Получено от Б. В. 16 декабря 1742 г.
 Заместитель Наместника в Оренбургской губернии
 1792
 Справедливости Сената,

познанного солдата из Астраханского
 Губернского казначейства;

Доншение

Еще сентября 25 числа майор Игнатьев из
 мандатомъ билъ доносить о томъ, что острон
 в первомъ яру противъ „ 2 „ описанномъ лесу, поперекъ
 и описанномъ въ Астрахань идеть. Это въ здешъ нинунс
 строеніе остронъ, и строитъ это въ валовицъ и
 построитъ. Идти въ каменое тучае собою рѣкою въ
 лить „ 3 „ это здешъ строитъ уназомъ горасемоя
 риня тертоса затрѣсно, азаттисъ обидѣли дрѣ
 гудъ зму саланимъ ирдомъ принудили дѣтъ
 въ земляницъ. И это въ отволеніи о бѣла атвѣль
 для змяго тоноу построитъ ине поназначенны
 уличемъ изъе гилтъ. И для обьявленны рѣзонан
 отрѣдѣлъ я, на ге, хотя и нѣрнѣ Федотрѣнни
 моетъ въ рѣчкѣ противъ рѣчкѣнныхъ строен
 бѣнѣ, коптошохъ генералъ майоръ дѣрннѣ, въ
 снѣ натрѣно влннмъ ирѣдлннмъ. За снѣ въ
 тоотъ строитъ разучдѣлъ, иеахрѣ нѣостоятъ
 спѣло натрѣятвѣн. Но прѣдѣлѣ ирѣдѣннѣ было
 дѣрннѣ ирѣдѣннѣ. тѣнѣ тлохѣ это въ прѣдѣлѣ
 тоитѣтѣ было нѣмоено. бѣннѣ нннѣ
 въятѣ нѣвѣлѣ; хотя и нѣрѣятѣнѣ нѣтѣдѣлѣ пѣнѣ
 въ бѣнѣ ибѣе, вѣннѣ нѣрѣдѣннѣ „ гладнѣ „ артилеріи
 ирѣдѣлѣ вѣннѣ нѣрѣдѣннѣ фортѣннѣннѣ нѣбѣнѣ стѣ
 бѣннѣннѣ рѣзонаннѣ дѣннѣ, тоноу отрѣдѣннѣ
 нѣтѣрнѣннѣ, нѣостятѣ болѣе отѣсно, спѣло бѣннѣ;
 яннѣнѣ набѣга лѣдѣннѣ всѣхъ нѣтѣтѣрѣннѣ, глѣ дѣ
 модъ въ земляницъ нѣтѣморхѣннѣ. И для того полѣтѣ
 изъ Астрахань и нѣрнѣннѣ нѣтѣтѣннѣ ирѣдѣлѣ
 валнннѣннѣ тоотрѣннѣннѣ похмѣ влѣтѣннѣ прѣдѣлѣ
 острѣннѣ нѣболѣи нѣннѣ прѣннѣннѣ нѣрѣдѣлѣ
 нѣ до мѣлѣ тѣрѣдѣннѣ, ахмѣннѣ прѣмѣ нѣвѣннѣннѣ

Донесение В.Н.Татищева о застройке крепости Черный Яр

Подано октября 16 дня 1742 года в Правительствующий Сенат
Тайного советника и астраханского губернатора Татищева

Доношение:

Сего сентября 23[-го] числа майор и чернойрской камендант Белов доношением объявил 1. О строении в Черном Яру крепости. 2. О казенном лесу, которой ис Казани в Астрахань идет, чтоб здесь на нужное строение оставить и просить, чтоб воеводской двор построить и денег на оное пятьсот рублей определить. 3. Что здесь строится указом до рассмотрения чертежа запрещено, а затем обыватели другую зиму с великим трудом принуждены жить в землянках и чтоб о позволении обывателям для зимняго покою поставить ныне по назначенным улицам избы и клети.

И для объявленных резонов определил я. На 1-е: хотя инженер-подпоручик может в чертеже крепости и внутренних строениях ошибся, но и покойной генерал майор Дебрины¹ весьма напрасно великим иждивлением здешнюю крепость строить разсуждал, невзирая на обстоятельство неприятелей. Ибо прежнее укрепление было деревом и землю так плохо, что за крепость почитать было не можно, однако ж никогда никем взята не была; хотя неприятели нападали тысячах в осьми и более, в канцелярию ж Главной артиллерии и прежде в канцелярию фортификации не однажды с требованием резолюции донесено, токмо определение не прислано, и ожидать более опасно, чтоб от нечаянного набега людей всех не потерять или зимою в землянках не поморозить. И для того послать из Астрахани инженер-капитана Кутузова² и объявленного подпоручика коим велеть крепость очертить не более как крайняя нужда к размещению домов требует, а имянно, кроме казенных, то есть воеводского, канцелярии, магазина и кабака, на триста двадцать домов жительских, каждой шириною шести, длиною десять сажень. Улица большая к Волге шириною до семи, другая попереч подле церкви шести, а прочие все по четыре сажени. Понеже здесь дома низкие и более мазанки строить будут, улицы не моченые и для того от пожара великой опасности нет, площадь на торжище надеемся великую. Около церкви кругом улицы для безопасности от пожара довольно пространны, а для избежания в здешних жарких местах духоты при церкви погребению не быть, а погребать за городом, и то место огородить надолбами, и по оному крепость заложить простую, земляной вал галанским манером высоту не более десяти фут[ов] и ров надлежасчей. Около ж оного сажень в тридцати надолбы, а от реки довольно полисады, что надеюся и канцелярия Главной артиллерии опробует. Людей же к строению оного не соизволит ли Правительствующий Сенат повелеть от генерала-поручика Тораканова³ дать батальон солдат в полном числе, чтоб на работу всегда не меньше пятисот человек выходило. Поными уповаемо, если токмо вскоре Ея Императорского величества⁴ ука-

зы присланы будут, се к осени стоко сделать что опасности от неприятеля не будут.

На 2-е: коменданту ныне доколе инженеры, осмотря план, сделают из находящегося казенного леса две избы с сениями, тако ж конюшню и анбарец, да на канцелярию одну избы с сениями, а на правиамент магазейн из бревен, чтоб для проходящих полков и разных команд, а паче для фарпостов иметь муки, овса и круп не меньше дву до полутрети тысячи четвертей, на которое взять из пригнанного ис Казани леса тысячу бревен. А на поупку показанных потребностей и наем работных людей, хотя оное число весьма потребно, однако ж без указа Правительствующаго Сената и на магазейн без указа ж правиаментской канцелярии выдать всем не можно, но ныне на необходимо нужное употребить до ста рублев из не положенных в стат доходов.

А на 3-е: обывателям для наступавшей зимы избы поставить по показанным от инженера улицам прямо, а если кто ошибкою не в надлежащем месте построит, то на весну должен по чертежу перестроить. А понеже объявленного казенного леса всего ныне в строение употребить не можно, он же надмерно тонок, на большие хоромы и полисад негодитца, а обывателю купить уже негде: того ради остальной роздать обывателям с обязательством, чтоб вместо одного поставить то же число толщиною в отрубе не меньше четырех вершков; и о сем Правительствующему Сенату донеся, прошу определить указом. А о строении здесь и в Янотаевской магазейнов на провиант в провиантскую канцелярию с требованием указа донесено.

В. Татищев

Черной Яр.

26 сентября 1742.

РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 7. Кн. 424. Д. 57. Л. 1192—1193. Подлинник.

Примечания

¹ *Дебриньи* — генерал-майор, руководил возведением оборонительных и осадных сооружений на Юге России. В начале 30-х гг. XVIII века в чине генерал-квартирмейстера был направлен на Дон, чтобы подготовить войска к осаде турецкого города-крепости Азова. В звании генерала-майора Дебриньи руководил постройкой укрепленной Украинской линии, прикрывавшей российские земли от набегов крымских татар.

По свидетельству фельдмаршала Миниха, генерал-майор Дебриньи, «управлявший работами на линии, только испортил дело, потому что сам не смотрел, а полагался на рапорты». И тут же Миних сообщает, почему так происходило: «на лошади он (Дебриньи — И.Т.) ездить не может, пешком линии обходить далеко и трудно, в коляске объезжать нельзя по причине ям и неровностей». Миних инспектировал Украинскую укрепленную линию и нашел ее не совсем удачной со стратегической точки зрения. По его словам, на ней крепости построены и сделано «множество негодных редутов», а Бахмутская провинция с ее соляными варницами и «магазейном» оказалась не прикрытой от неприятеля. Критикуя Дебриньи, Миних указывал на неудовлетворительную организацию им работ на строительстве Украинской укрепленной линии: «Люди... вследствие плохого

присмотра без дела гуляли, отчасти нарочно трудились, чтобы линию испортить; ибо вместо тележек шубы и концы кафтанов своих употребляли для переноски земли, и где места ровнять было нужно, тут бесчисленное множество ям выкапывали» (Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. X. С. 394—395).

По всей видимости, составленный генерал-майором Дебриньи план восстановления Черноярской крепости был одним из последних его проектов сооружения оборонительных укреплений. Не случайно В.Н.Татищев говорит о Дебриньи в прошлом времени.

² *Кутузов Петр* — инженер-капитан. По заданию В.Н.Татищева в 1742—1745 гг. руководил реконструкцией оборонительных сооружений Черноярской, Кизлярской и Астраханской крепостей.

³ *Тараканов Алексей Иванович* — род. в 1671 г., дата смерти неизвестна, но он упоминается еще в 1752 г., проживающим в Москве. В 1730 г. назначен сенатором. Участвовал в усмирении казаков на Дону, постройке Украинской укрепленной линии с Дебриньи, в Крымском походе, во время которого командовал одной из войсковых колонн. В 1740-х гг. генерал-поручик, командовал всеми военными силами (полками), расположенными в низовьях Волги. Всячески противился инициативам В.Н.Татищева по приведению в порядок междоусобных дел среди калмыцких владельцев и наотрез отказался предоставить ему необходимую военную помощь. В.Н.Татищеву пришлось улаживать дела дипломатическим путем.

⁴ Имеется в виду Елизавета Петровна (1709—1761/62) — российская императрица с 1741 г., дочь Петра I.

ПИСЬМА НА ШВЕЙЦАРСКИЙ ФРОНТ

Из документов князя А.И.Горчакова. 1799 г.

Генерал от инфантерии князь Андрей Иванович Горчаков (1776 или 1779—1855) принадлежал к блестящей плеяде выдающихся русских военачальников первой половины XIX века. Он был участником всех наполеоновских войн, в которых воевала русская армия, — от Итальянского и Швейцарского походов 1799 г. до взятия Парижа в 1814 г. Успешному началу военной карьеры А.И.Горчакова способствовало его близкое родство с А.В.Суворовым (мать Горчакова была родной сестрой полководца), и свою первую военную кампанию в 1799 г. Андрей Иванович начинал в чине генерал-майора. Военный талант молодого командира бригады и беспримерное личное мужество, проявленные им в сражениях при Нови, у перевала Сен-Готард и в других битвах в составе авангарда П.И.Багратиона, не были оставлены без внимания начальством. За Швейцарский поход А.И.Горчаков, имевший боевое ранение и отмеченный в реляции Суворова от 3 октября 1799 г., удостоился высоких наград. В Отечественную войну 1812 г. генерал-лейтенант А.И.Горчаков отличился, руководя обороной Шевардинского редута 24 августа перед Бородинским сражением. В этом бою русские войска (12 тысяч чел. при 36 орудиях) успешно сдерживали натиск превосходящих сил французов (40 тысяч чел. при 186 орудиях), а сам Горчаков несколько раз лично водил солдат в контратаки и отступил с редута одним из последних, пробившись сквозь кольцо французской кавалерии. Впоследствии Андрей Иванович участвовал в Заграничном походе 1813—1814 г. и после взятия Парижа был произведен в генералы от инфантерии.

В составе коллекции документов, собранных Нижегородской губернской ученой архивной комиссией (НГУАК), находятся 5 дел А.И.Горчакова (Государственный архив Нижегородской области (ГАОНО). Ф. 2013. Оп. 1. Д. 175, 176, 241, 242, 261). Источник и обстоятельства их поступления в коллекцию НГУАК не установлены. Сохранившееся среди дел письмо Павла I о награждении Горчакова орденом Александра Невского за бои в Альпах (Д. 175) ранее публиковалось¹. Но гораздо больший интерес представляют еще не введенные в научный оборот 37 писем от родных и знакомых А.И.Горчакову (Д. 176), в большинстве своем написанные во время Итальянского и Швейцарского походов 1799 г. Публикуемые ниже три письма дают, по нашему мнению, достаточно полное представление о характере всей переписки.

В публикации сохранены колоритный стиль и орфография писем матери и сестры, с их трогательной заботой о судьбе близкого и еще очень молодого человека, оказавшегося вдали от родного дома, в обстановке смертельной опасности. Примечательно, что несмотря на все перипетии военного времени, А.И.Горчаков сумел сберечь эти письма и, видимо, очень ими дорожил.

Публикацию подготовил кандидат филологических наук Б.М.ПУДАЛОВ.

¹ См.: Автограф Павла I в Нижегородском облгосархиве // Отечественные архивы. 1999. № 6. С. 81—82.

№ 1

Письмо А.И.Хвостовой¹ — А.И.Горчакову*le 30 juin 1799 г.*

Здравствуй, любезной мой друг^а Андрияша!

Последнее твое письмо получили от 28-го мая, только оно еще писано прежде последней вашей победы, и я таперь *entre la vie et la mort*^б, покуда получу от тебя письмо после сражения. Спаси тебя Господи. Мы, мой друг, слава Богу, здоровы и живем довольно весело, только я все о тебе беспокоюсь, об сражениях и о твоём здоровьи, которое не очень хорошо было, как ты отсюда поехал. Каков-та ты таперь? Пращай, мой друг, буди с тобой Божие благословение.

Верный твой друг и сестра
А[графена] Х[востова]

Сашинька², слава [Богу], здоров и так смешен, что ты себе представить не можешь.

ГАНУ. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 176. Л. 7.

№ 2

Письмо княгини А.В.Горчаковой,
сыну — А.И.Горчакову, и брату — А.В.Суворову*[Лето 1799 г.]^в*

Любезной мой князь Андрей Иванович!

С чувствительными слезами благодарю Всевышнева создателя за все милости х тебе перьвова што ты остался жив и здоров и удостоился милости наследников³. За братца⁴ дено и ношно молю Бога, штобы Господь Бог продолжил ево леты и поткрепил ево здоровья. И што ты ту цену отдаешь благодеяниея^г тваво отца и дяди — это очень похвально, и молись об ево здоровье. Еще тебя поздравляю с новыми знаками монаршей милости, излиняных на тебя. В молодых таких летах удостоился ты иметь такие украшения и Бога ради не гордись, а благодари по всяк час Создателя нашево за Ево несказанья милости х тебе, и старайся всем служить, сколько можешь. Сие письмо пишу [Ганьтеньгам]^д, кото-

^а Здесь и далее (в письме матери А.И.Горчакова) сохранены стиль и орфография оригинала (поновление допущено лишь в пунктуации и опущен Ъ в середине слов).

^б Между жизнью и смертью (фр.).

^в Оба письма написаны вместе, на одном сложенном вдвое листе. Основание для датировки письма — титулатура А.В.Суворова («граф»; после 8 августа 1799 г. — «князь Итальянский»).

^г Так в документе.

^д Прочитывается неуверенно; видимо, искажение фамилии.

рай от государя поизволения получил ехать х дядюшке. Ты с ним будь ласков и умей так зажить хорошея имя и большой брат. Принуждай Аркадия⁵ писать чаще к матери. Об вас мне только подлино всякой час остаеца с пролитием слез благодарить Создателя, што вы на такой хорошей дароге, чего я никогда не могла ожидать. А таперь мое горе об страх. Мы стары; кому об них печись? Именья малинькая. Хоть при благополучном случии ты у дядюшке што им выпросил на приданое. Я думаю, што деньги остаюца; он чужых награждал, а им, бедным, ничего не жаловал. И когда великой князь столько х тебе милостив, нельзя ли хоть через него им доставить френлеския вензели? Ето бы для женихов лучше служыло. Совершенно их нещастье, што они до етово не достигнут. Прости, мой друг серьдешной, вручаю тебя в Божыя покровительство, и мое благословения буди с табою на веки. И остаю(сь)

мать твоя кнеиня
А.Горчакова

Батюшка братец граф Александр Васильевич!

Со слезами тебя, маво отца, обнимаю и поздравляю со всей твоей славою, которою в свете делаеш. Еще со слезами твои руки цалую за маво сына А[ндрея], которой все получил по твоей милости. Создатель тебя награди всем благим, чего ты от него прошыш^а, и поткрепи твое здоровья, за которого я дено и ношно молюсь Господа Бога нашего, штобы твоя слава больше гремела. Благодетель мой и отец, покажи свою милость и нат большим сыном^б: изътребуйте ево к себе с ево колоною. Он еще больше может себя просветить и научыть от вас, да и я буду совершено покойна. Ты — начальник всего его щастия; то то^а мой отец быть ево, и совершыте. А тебе Госпоть Бог за них всякое благо подаст. Прости, мой отец благодетель, цалую твои руки и остаюсь

верная твоя сестра кнеиня
А.Горчакова

ГАНУ. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 176. Л. 15—16.

Примечания

¹ Хвостова Аграфена Ивановна — сестра А.И.Горчакова, была замужем за известным поэтом Д.И.Хвостовым.

² Имеется в виду сын Хвостовых.

³ Возможно, имеется в виду великий князь Константин Павлович (1779—1831), участвовавший в Швейцарском походе; был дружен с А.И.Горчаковым.

⁴ Имеется в виду А.В.Суворов (1729 или 1730—1800) — дядя А.И.Горчакова (родной брат матери).

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Имеется в виду старший брат А.И.Горчакова, Алексей (1769—1817), в 1799 г. — генерал-лейтенант, командир дивизии.

^а Так в тексте.

«МЫ ВЕРНЕМСЯ В СВОБОДНУЮ РОССИЮ»

Материалы о встречах сибиряков с группой
политссыльных во главе с М.А.Спиридоновой. 1906 г.

Заметным событием в общественно-политической жизни сибирского региона летом 1906 г. стали встречи поезда, отвозившего на Акатуйскую каторгу М.А.Спиридонову и пять других эсерок, (Л.Езерскую, М.Школьник, А.Измайлович, Р.Фиалку, А.Биценко), осужденных за террористические выступления¹.

Мария Александровна Спиридонова (1884—1941), член партии социалистов-революционеров с 1905 г., входила в состав боевой дружины при Тамбовском комитете ПСР. По заданию комитета 16 января 1906 г. она убила пятью выстрелами из револьвера губернского советника Г.Н.Луженовского, возглавлявшего карательный отряд по подавлению крестьянских выступлений в Тамбовской губернии. После ареста, во время допросов, Спиридонова подверглась истязаниям. Большой резонанс не только в России, но и за рубежом получило ее открытое письмо, опубликованное в газете «Русь» (1906, № 27). Военно-окружным судом Спиридонова была приговорена к смертной казни через повешение, однако под давлением общественного мнения ее заменили бессрочной каторгой в Сибири. В июне 1906 г. Спиридонова с рядом эсерок-террористок была отправлена на Нерчинскую каторгу.

Сибиряки узнали о судебном процессе над Спиридоновой еще в начале 1906 г. из сообщений официальной прессы, а также из нелегальной революционной печати. Так, в прокламации Тобольской группы социалистов-революционеров № 3 «Товарищи! Приближается рабочий праздник...» (14 апреля 1906 г.) подробно описывалось покушение Спиридоновой на губернского советника Луженовского организатора черной сотни в Тамбовской губернии, подчеркивалось мужество юной девушки-террористки, подвергнутой в тюрьме бесчеловечным побоям и издевательствам².

¹ См.: Безбережьев С.В. М.А.Спиридонова // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 335—355; Гусев К.В. Эсеровская богородица. М., 1992; Ерофеев Н. Спиридонова // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 584—585.

Биценко А.А. (1876—1938) — член ПСР, занималась террористической деятельностью. 22 ноября 1906 г. убила генерал-адъютанта В.В.Сахарова, усмирявшего крестьянские выступления в Саратовской губернии.

Езерская Л.П. — член ПСР, террористка.

Измайлович А.А. (1878—1941) — эсерка, член Северного летучего боевого отряда ПСР. 14 января 1906 г. участвовала в неудачном покушении на минского губернатора П.Г.Курлова и полицмейстера Д.Д.Норова.

Фиалка Р. — член ПСР, террористка.

Школьник М.М. (1882—1955) — член ПСР, в январе 1906 г. участвовала в покушении на черниговского губернатора Хвостова.

² См.: Курусканова Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 — февраль 1917 гг.). Омск, 2000. С. 72—73.

В апреле 1906 г. в Красноярске распространялось изданное местным комитетом ПСР в виде листовки знаменитое «Письмо Спиридоновой». В своем послании Мария Александровна рассказала о зверствах и насилиях, учиненных карателями в Тамбовской губернии, которые и вызвали у нее страстное желание казнить их предводителя. Она описала обстоятельства своего террористического акта против Луженовского на платформе Борисоглебского железнодорожного вокзала. Достаточно откровенно автор письма поведала об ужасных изнасилованиях и пытках, которым ее подвергли жандармы. По заявлению террористки, только вера в осуществление идей социалистов-революционеров придавала ей силы в то тяжелое время³.

Этапирование государственных преступниц во главе со Спиридоновой по Сибирской железной дороге происходило в условиях продолжавшейся революции. По пути следования поезда на многих железнодорожных станциях состоялись торжественные встречи местных жителей с политкаторжанками. Так, на ст. Курган 28 июня 1906 г. по прибытии поезда № 12 железнодорожные рабочие под руководством местной группы РСДРП организовали митинг, на котором выразили свою солидарность с политссыльными — эсерками. Особенно запомнилась арестанткам встреча, которую им устроили омичи.

2 июля 1906 г. поезд со Спиридоновой проследовал через станции Обь и Тайга. На ст. Обь узниц вышли приветствовать около 200 человек. Они передали революционеркам газеты, продукты и т.п. Как сообщала газета «Сибирские отголоски», «все ссыльные веселы. Мария Александровна бледная, испитая, но веселая. Она держится серьезнее всех остальных». Собравшаяся на вокзале публика проводила поезд пением революционных песен⁴. На ст. Тайга во время остановки поезда также произошел многолюдный митинг. Выступившие на нем ораторы горячо приветствовали народных защитниц. Участники митинга расспрашивали Спиридонову и ее подруг, подарили им цветы, деньги и пр⁵.

Переезд М.А.Спиридоновой и других террористок на каторгу освещался не только на страницах демократических изданий Сибири, где были опубликованы ее выступления перед сибиряками, но и нелегальной революционной печатью. Например, Ачинская группа ПСР в выпущенной в июле 1906 г. листовке «Граждане! В своем ослеплении...» сообщала о проезде на каторгу Спиридоновой и призывала к борьбе с царизмом⁶.

В Красноярске в начале июля 1906 г. местный комитет ПСР издал прокламацию «К приезду Спиридоновой», в которой разъяснял антинародную сущность самодержавия и призывал бороться с ним. 5 июля, в день приезда поезда со ссыльными эсерками в Красноярск, железнодорожники объявили стачку. Руководили выступлением рабочих местные комитеты РСДРП и ПСР. На митинге, устроенном по поводу встречи со Спиридоновой, присутствовало около 2 тысяч рабочих железнодорожных мастерских и депо⁷.

Подобные встречи со Спиридоновой и ее спутницами имели место на станциях Иланской и Нижнеудинской. На станциях Зима и Шетик 9 июля 1906 г. рабочие прекратили трудиться, и вышли встречать поезд с шестью политзаключенными. С участием Спиридоновой были проведены митинги⁸.

³ Там же. С. 28.

⁴ См.: Сибирские отголоски. 1906. 16 июля.

⁵ См.: Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Т. 2. 1905 г. — июнь 1907 г. Томск, 1990. С. 251—252.

⁶ ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 35705. Л. 1.

⁷ См.: Рабочее движение в Сибири... Т. 2. С. 258—259.

⁸ См.: там же. С. 259.

Огромная популярность известной эсерки во многом объяснялась тем, что для сибиряков в лице Марии Спиридоновой, в ее драматической судьбе воплотились образы тех, кто боролся за права униженных и оскорбленных. Омские социалисты-революционеры считали, например, что с проездом Спиридоновой и других эсерок-террористок дела их организации «заметно улучшились». В частности, в рядах местного эсеровского подполья значительно увеличилась рабочая прослойка⁹. В целом встречи с Спиридоновой, ее целеустремленность, готовность к самопожертвованию, вера в партийные идеалы произвели неизгладимое впечатление на сибиряков, способствовали росту их революционных настроений. В этом убеждают публикуемые в журнале документы Центра документации новейшей истории Омской области (ЦДННАО), государственных архивов Новосибирской (ГАНО) и Иркутской (ГАИО) областей, освещающие проезд М.А.Спиридоновой и других эсерок-террористок на каторгу.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Н.П.КУРУСКАНОВА.

№ 1

Донесение омского жандармского подполковника Ковалинского начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов

30 июня 1906 г.

Поездом № 12 в числе политических арестантов провозилась Спиридонова. Благодаря полученной от доктора Ишерского¹ телеграмме, все рабочие мастерских и депо кинулись его [поезд] встречать. По отношению к жандармам вели себя корректно, но уговорам не поддавались, пели «Марсельезу», и, в общем, задержали поезд на 2 часа.

ЦДННАО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 74. Л. 1. Копия. Машинопись.

№ 2

Воспоминания члена Омской организации РСДРП А.А.Ширямова² о встрече М.А.Спиридоновой с омичами 30 июня 1906 г.

[...] Из крупных кампаний отмечу две: встречу Марии Спиридоновой и выборы в Государственную думу. Вместе со Спиридоновой везли на каторгу в отдельном вагоне еще пять женщин, в числе которых были Фиалка, Измайлович и др. Об их приезде мы были заранее извещены и решили использовать этот случай для широкой демонстрации.

Несмотря на то, что Спиридонова — эсерка, всю организацию демонстрации провели мы. Эсеры к этому времени в мастерских уже не пользовались большим влиянием, а после демонстрации большая часть еще оставшихся у них рабочих перешла к нам.

⁹ См. подробнее: Курусканова Н.П. Деятельность эсеров в Омске в годы первой российской революции (1905—1907 гг.)// Страницы исторического прошлого Омска (XIX — начало XX вв.). Краеведческий сборник. Омск, 1994. С. 66—67.

Как только вагон со Спиридоновой прибыл на ст. Омск, работы в мастерских и депо были остановлены, и вся масса рабочих вышла к вокзалу. Жандармы, узнав о движении демонстрантов, тотчас же увезли вагон на соседний разъезд. Это им мало помогло. Сгрудившись всей массой около жандармского отделения, демонстрация потребовала возвращения вагона. Последовавшие отказы и грубость взорвали толпу, и из нее по адресу жандармов слышались угрозы, часть товарищей проникла в отделение. Созванные жандармы были быстро оттеснены, в депо запахло разгромом помещения, где отсиживался ротмистр.

После 2—3 часов осады отделения жандармы, наконец, сдались и, взяв с нас слово, что мы не сделаем попытки освобождения арестованных, и сами организуем порядок встречи, отдали распоряжение о возврате вагона.

Когда паровоз с вагоном вошел на станцию, толпа бросилась к нему, мигом отцепила паровоз и завладела вагоном, смяв его охрану, которая сначала расположилась, было, вокруг вагона, а затем быстро убралась внутрь. И этого показалось мало.

«Пусть выйдут на площадку! На площадку!» — раздались крики. Напрасно полковник, сопровождавший арестованных, клялся и божился, что он этого не может сделать, что у него инструкция нигде не останавливаться и т.д.

Тут выступила сама Спиридонова. Она просила нас не настаивать, уверяя, что это действительно невозможно, что у полковника есть приказ, который она сама читала, убить их, если они переступят порог вагона, что вот они уже проехали несколько тысяч верст, и всюду их сопровождали строгости их содержания и т.д.

«На площадку! — был ответ массы. — Ничего, там не позволяли, а здесь добьемся! Выпустить их, выпустить на площадку! Разнесем вагон к черту, если не выпустят!» Шум увеличивался, вагон колыхался под напором массы тел и казался осажденной крепостью среди бушующей огромной толпы демонстрантов. Дали знать в город, и толпа увеличивалась с каждой минутой.

Наконец, сдался и полковник. Арестованные вышли на площадку вагона и расположились на подножке. Масса сгрудилась вокруг них в плотную, передавала им деньги, письма, цветы и пр. Начались речи, беседа и расспросы... Наш фотограф снял эту группу. Этот снимок впоследствии был переснят с открытки и продавался по всей России¹.

Спиридонова заплакала от теплоты этой встречи. «Нигде меня не встречали так, — говорила она. — Теперь мы идем на каторгу, но эта встреча надолго останется у нас в памяти и поможет нам перенести ужасы царского застенка». «Если бы я, — говорила она, — была еще не уверена в конечной победе революции, то, что я сейчас вижу перед собой, разбивает все наши сомнения».

До глубокой ночи толпа катала вагон по станции, не расходясь. Он был в полном распоряжении толпы, и если бы надо было освободить арестованных — ничего не было бы проще сделать это.

Был один тревожный момент. Откуда-то пришла весть, что вызваны казаки, что они уже у станции, вот сейчас ворвутся на путь. Началась паника, толпа шарахнулась в сторону, раздались крики придавленных женщин, стало жутко. Для нас это было неожиданно. Я и другие вскочили на плечи стоящей толпы^а, и стали успокаивать ее. Послали разведку. Казаков не оказалось нигде, и вскоре все снова успокоились. Впоследствии оказалось, что начальство действительно вытребовало казаков на вокзал, но те отказались идти на разгон демонстрантов.

Демонстрация удалась на славу. Она взбудоражила весь поселок, всех рабочих, захватила город и высоко подняла авторитет организации не только в массе, но и среди обывателей.

ГАНУ. Ф.-5. Оп. 2. Д. 239. Л. 3—6. Подлинник. Машинопись.

№ 3

Заметка из нелегальной газеты Иркутского комитета ПСР «Революционное слово» (1906. № 2)

Июль 1906 г.

Нам пишут. Ст. Зима (Проезд Марии Спиридоновой)

9 июля с.г. мимо ст. Зима Сибирской ж.д. должен был проследовать поезд с Марией Спиридоновой. Рабочие депо и другие служащие были уведомлены из других мест, где уже проезжал этот поезд, что администрация станций, боясь, дабы не происходили «беспорядки» и «бунты», держит на крупных станциях этот поезд недолго — всего 5—10 минут, тогда как по расписанию он должен стоять 2—3 часа. Так было и в Зиме. Поезд пришел, и не постояв даже 5—7 минут, как уже вагон Спиридоновой отцепили и с отдельным паровозом отправили к следующему разъезду. Рабочие всячески старались задержать вагон, кляли петарды, но машинист как-то вывернулся, окатил всех рабочих грязью и помчался быстрее. Тогда рабочие взяли стоявший свободный паровоз с товарными вагонами и поехали к разъезду. Но на этом разъезде Спиридоновой уже не было. Поехали дальше. Рабочие облепили весь паровоз, кто залез на тендер, кто на подножках, кто взобрался на крышу, и с пением «Марш, марш вперед, рабочий народ» все с необычайной скоростью помчались к следующему разъезду — Шетик. Вагон со Спиридоновой был там. Рабочие (около 100—150 чел.) подошли к вагону с решетчатыми окнами. За окном стоят молодые лица, но, как видно, уже много пережившие. Зная из газет, что Спиридонова больна, рабочие спросили, не может ли она подойти к окну. Девушка в красной кофточке и в темных очках с каштановыми волосами отвечает: «Я — Спиридонова». И в ответ на эти два слова послышались возгласы: «Привет товарищу! Слава борцу за свободу! Слава борцу за народное дело! Ура!»

^а Так в тексте.

Когда успокоились, и когда прошел взрыв нахлынувших чувств, Спиридонова обратилась с речью к рабочим. В кратких чертах она рассказала свое путешествие^а от Москвы, откуда она выехала 21 июня. В Омске многотысячная толпа товарищей рабочих потребовала, чтобы Спиридонова и другие товарищи были отпущены погулять. Им это разрешили. «Они, рабочие, носили нас на руках. А когда поезд двинулся, они тысячами шли за поездом, провожая нас пением песен. Почти тоже было в Красноярске, Иланской, Нижнеудинске. В Иланской рабочие ждали нас всю ночь; измотались, изнервничались как мы, так и они. Но все же они дождались. В Нижнеудинске тоже рабочие встречали; мы с ними беседовали, пели... Наконец, мы в Зиме и нас почему-то на воздухе пронесли мимо Зимы. Чем вызвано это?» — обратилась она с вопросом к рабочим.

Некоторые из рабочих закричали: «Освободить! Разбить вагон!» Но Спиридонова сказала: «Товарищи рабочие! Я и мои товарищи, сидящие со мною, не желаем освобождения от вас, ибо мы знаем, какие будут последствия этого: опять будут расстрелы, опять будет кровь и трупы. Я не хочу идти к свободе через ваши трупы, товарищи рабочие. И вы не должны бороться за свободу отдельных лиц, вы не должны жертвовать собою за нас — вы должны бороться за свободу всего русского народа, за вашу и нашу свободу. За свободу всего народа можно жертвовать своею жизнью, можно сложить свои кости на бранном поле. И знаете ли, товарищи, какое великое наслаждение — умереть с сознанием, что ты погиб в борьбе за народное дело, что ты погиб — и память о тебе, как о борце, будет жива... Нет ничего лучше и краше. А смерть, товарищи, не страшна. Я это вам могу сказать, так как два раза была лицом к лицу со смертью: первый раз, когда меня истязали казаки, второй раз, когда меня приговорили к виселице. Только нужно не смущаться и смотреть ей прямо, и открыто, в глаза — она не страшна».

Гром аплодисментов покрыл ее речь. Послышались возгласы: «Умрем за народ! Умрем за народное дело!»

Голос у Спиридоновой мягкий, приятный. Говорит она чисто, плавно. Ее задушевный голос влияет на толпу, он подчиняет ее себе. В глубоком благоговении стоят рабочие в черных блузах, с грязными руками от работы. Слышится только ровное дыхание. Спиридонова продолжает: «Я и мои товарищи, находящиеся здесь, — социалисты-революционеры. Мы — террористы». Спиридонова охарактеризовала значение террора, сказала, почему мы, социалисты-революционеры, даже женщины, идем убивать угнетателей народа.

«Мы не кровожадные убийцы, жаждущие крови, мы восстаем за поруганную честь народа, мы восстаем за народные права, мы являемся его защитниками...», — Спиридонова перечислила фамилии своих товарищей, указала, что каждый сделал. И их встречали шумными аплодисментами и криками: «Да здравствуют борцы за народное дело! Да здравствуют социалисты-революционеры!»

^а Так в тексте.

Вот фамилии товарищей Спиридоновой: Биценко, Изерская, Измайлович, Фиалка, Школьник.

Затем пели революционные песни. Перед прощанием Спиридонова дала на память в депо ст. Зима большую красную ленту. С глубокой благодарностью рабочие приняли это. Спиридонова и ее товарищи благодарили рабочих за встречу. Затем распрощались при звуках мощной, стройной «Марсельезы». Один рабочий посадил другого на плечо и так через решетку пожал руку Спиридоновой.

Мы распрощались.

На прощание Спиридонова сказала: «Товарищи! Мы все не теряем надежды, что в недалеком будущем мы вернемся в свободную Россию свободными и вольными гражданами. Мы верим в вас, товарищи рабочие, мы верим в весь русский народ, он сбросит с себя тот гнет и порабощение, под которым он так долго находится. Помните, что только в борьбе обретете вы право свое!..»

И эти звучные слова нашли себе отклик.

На обратном пути нас всех, провожавших Спиридонову, арестовали. Подъезжая к Зиме, где собралось много народу, мы запели «Марсельезу» и другие песни. Демонстрация, о которой никто не думал, вышла грандиозная. Нас всех, арестованных, привели в лагерь. Там ждали ответа от тулуновского ротмистра. Вечером всех освободили. И тут опять произошла демонстрация с тою только разницею, что к ней примкнули и солдаты.

ГАИО. Ф. 243. Оп. 5. Д. 66. Л. 123. Подлинник.

Примечания

¹ *Ишерский В.И.* (род. в 1872 г.) — врач, член РСДРП, депутат I Государственной думы от Акмолинской области.

² *Ширямов А.А.* (1883—1955) — член РСДРП, активный участник революционного движения в Сибири.

³ Одна из таких открыток — «Ст. Омск. По дороге на каторгу (Спиридонова, Биценко, Фиалка, Школьник, Измайлович)» — хранится в Государственном архиве Омской области (ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 398. Л. 83).

**КПСС и Компартия Греции:
К истории взаимоотношений с 1953 по 1977 гт.
Сборник документов. Салоники, 2000. 298 с.**

Сборник документов «КПСС и Компартия Греции. К истории взаимоотношений с 1953 по 1977 годы» подготовлен на основе лишь недавно рассекреченных архивных документов. Издание двуязычное (греко-русское). Редколлегия: В.Ю.Афиани, Б.Кондис, К.Папулидис, Н.Д.Смирнова, Н.Г.Томилини. Сборник подготовлен группой историков и архивистов Центра хранения современной документации, Института всеобщей истории РАН, Института балканских исследований (М.Ф.Кишкина-Иваненко, С.А.Мельчин, Т.И.Пух, Н.Д.Смирнова и А.А.Улунян), которые выявили и классифицировали большой комплекс архивных материалов. Перевод документов с русского языка на греческий осуществлен А.Тракадасом, С.Сфетасом и Х.Котзагеорги-Зимари. Издание состоялось благодаря усилиям Издательского дома «Паратиритис».

Профессор Б.Кондис в предисловии к изданию на греческом языке отмечает, что в сборник включены 75 документов, из них 22 воспроизведены с подлинников на греческом языке, а 53 — переведены с русского. Автор введения профессор Н.Д.Смирнова подчеркивает, что речь идет о первой попытке «научной публикации, относящейся к истории политических отношений между КПСС и КПГ за период 1953—1977 гт.». Ценность сборника (в него включены документы из единственного архивного источника — Центра хранения современной документации Федеральной архивной службы России)¹ состоит в том, что в нем рассмотрена неизвестная до сих пор история части левого движения, а именно политическая деятельность групп, сформированных вождями КПГ, которые были исключены из рядов партии.

Хронологические рамки издания ограничены периодом между 4 декабря 1953 г. (док. № 1, 04/12/1953) и 24 ноября 1978 г. (док. № 57, 24/11/1978). В результате документы охватывают период десталинизации и идеологического раскола движения левых сил как в области международных отношений (окончательный разрыв между КПСС и Коммунистической партией Китая (КПК) летом 1963 г., разрыв албано-советских отношений в 1961 г. и албано-китайские разногласия в 1978 г.), так и на национальном уровне (создание двух политических партий, вызванное расколом КПГ после вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. — так называемой «внешней» Компартии и Компартии «внутренней»). Документы, представленные в сборнике, освещают также период вплоть до легализации Коммунистической партии в многопартийной политической системе Греции, с участием КПГ

¹ 12 октября 1991 г., согласно постановлению Правительства Российской Федерации, архивы КПСС составили фонд документов, размещенный в двух архивных учреждениях: а) Центр хранения и изучения документов новейшей истории (в настоящее время — Российский государственный архив социально-политической истории); б) Центр хранения современной документации (в настоящее время — Российский государственный архив новейшей истории). В РГАСПИ хранится более 500 архивных фондов, которые ранее принадлежали архивам КПСС и которые охватывают период до 1952 г.; к ним следует добавить архивные фонды Коминформа, а также часть архивов Коминтерна, еще не введенных в научный оборот. В РГАНИ находятся документы КПСС, относящиеся к периоду с 1952 по 1992 г. Подробнее см.: Папулидис К. Значение Федеральной архивной службы России для истории Греции (на греч. яз.) // Βαλκανικά Σόμματα. 1993—1994. №№ 5—6. С. 165—196.

в ноябре 1974 г. в первых свободных выборах, организованных после падения военной хунты в июле 1974 г. С другой стороны, можно сказать, что в сборнике дается политический анализ «жестокой судьбы левого движения» как в Греции, так и в Советском Союзе с учетом развития отношений между КПГ и КПСС.

Документы, характеризующие отношения между КПГ и КПСС в период 1953—1977 гг., сгруппированы по двум основным признакам: тематическому и хронологическому. Неоспоримая связь между политическими событиями и их хронологическими рамками является определяющим принципом для трех четвертей содержания данного сборника. Эта связь исчезает в последней, четвертой части — она посвящена лидерам КПГ, находившимся в бывшем Советском Союзе, среди которых доминирует такая сильная личность, как Н.Захариадис.

Представленный сборник подразделяется на четыре части: а) десталинизация КПГ: «Ташкентский кризис»; б) расширение раскола в КПГ; в) трудные судьбы левого движения в Греции; г) товарищ Н.Захариадис и другие: штрихи к биографии видных деятелей КПГ.

Документы, представленные в первой части, относятся к периоду усиления кризиса в КПГ, когда центром «внутренней» борьбы стала партийная организация в Ташкенте. Во второй части сборника — документы, относящиеся к 60-м гг., когда в ноябре 1960 г. стал очевиден идеологический раскол между КПСС и КПГ. В этот момент КПГ однозначно поддержала КПСС, желая спасти идейно-политическое единство левых сил. В третьей части сборника документы относятся к периоду политического взаимопонимания между КПСС и КПГ, когда КПСС находилась в дружеских отношениях с «внешней» КПГ, но в натянутых отношениях с КПГ «внутренней». Документы в четвертой части книги касаются Н.Захариадиса (1903—1973), М.Вафиадиса (1906—1992) и Е.Глезоса (род. в 1922), важных фигур КПГ, которые по той или иной причине находились вне партии.

КПСС представлена в сборнике в двух политических ипостасях: как партия, осуществлявшая внешнеполитическое руководство международным комдвижением, и как организация, ставящая на первое место решение сугубо прагматических задач. С внешней стороны КПСС выступала в виде общественно-политической организации, руководство которой опиралось на непогрешимость и силу ее идеологии. В противоположность этому, прагматизм КПСС выражался главным образом в создании особой структуры, представлявшей собой абсолютную власть высшей номенклатуры партии на международном уровне. Под прикрытием внешнего фактора доминировал прагматический аспект, являясь своего рода образцом для братских партий. В действительности же влияние прагматического фактора зависело от двух условий: конкретной политической деятельности «братской партии» и личных симпатий и антипатий партийных лидеров. Внутренние конфликты между членами, группами и лидерами КПГ, их пагубные последствия являются подтверждением прагматического фактора, так как, несмотря на влияние политической линии КПСС, эти конфликты представлялись как «деятельность идеологически оппозиционных групп».

Политическая деятельность этих групп ныне принимает формы жесткой оппозиции (стычки, споры, потасовки, террористические действия, «операции коммандос» и т.п.) на географическом пространстве бывшего СССР и других стран Востока. В свою очередь, начало этого внутреннего конфликта КПГ было в основном обусловлено противоборством лидеров партии, которое было санкционировано советским руководством. Это противоборство стало развиваться вопреки первоначальному усилению руководящих органов КПГ. Причины этого противостояния лидеров КПГ следует искать, по мнению большинства его политических участников, в неспособности лидеров оправдать свое поведение во время гражданской войны и в годы, последовавшие после поражения в войне. В силу этого данный внутривнутри-

ческий конфликт привел к «правдоподобной мистификации», которая была, по сути, подготовлена расколом на «догматиков» и «обновленцев», на друзей и врагов Н.Захариадиса. С другой стороны, оппозиционная политическая деятельность этих групп обратилась против греческой диаспоры в бывшем СССР и других странах Востока, поскольку она стала объектом постоянного наблюдения сил безопасности этих стран.

Немало документов, представленных в сборнике, освещают роль КПСС как политического «наставника» КПП. Эта роль, которая исходила из Кремля и которую КПСС была обязана выполнять, внесла большую лепту в политический раскол КПП на две группы: сторонников Захариадиса (сталинистов) и брежневистов. Несмотря на то, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза являлся не единственным директивным партийным органом внутри страны, именно он в действительности управлял государством и решал все государственные дела. ЦК КПСС был получателем всего комплекса международной и внутренней информации, поступающей как из-за рубежа, так и из государственных структур (Министерства иностранных дел, КГБ, Министерства обороны и др.) внутри страны. Степень политического контроля внутри Советского Союза, осуществлявшегося Коммунистической партией, была такой, что ЦК КПСС должен был принимать решения даже относительно рабочего графика лидеров разных структур, находившихся вне партии. Следовательно, можно сделать вывод, что Коммунистическая партия осуществляла наблюдение и контроль за всем спектром социальной и политической жизни в бывшем Советском Союзе.

Издание рецензируемого сборника документов имеет большое значение. Он не только вносит серьезный вклад в область исторических знаний, но и представляет особый интерес для политологов, историков и журналистов.

К.ПАПУЛИДИС

СОДЕРЖАНИЕ

К 140-ЛЕТИЮ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

- «**Чем-то кончится все это?**» Накануне Великой реформы. 1858 г.
(Е.И.Щербакова) 3
- «**Реформа была дана сверху, потому что ее нельзя было не дать**».
Статья В.И.Ленина к 50-летию отмены крепостного права
в России. 1911 г. (О.И.Горелов) 12

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- «**Прошу расследовать и сообщить мне...**» Судьба Ардашевых —
двоюродных братьев В.И.Ленина (И.Ф.Плотников) 22
- «**Теперь мы переживаем период ревизии Плеханова**».
Р.М.Плеханова об очерке А.М.Горького «В.И.Ленин».
Начало 1930-х гг. (Т.И.Филимонова) 43

РОССИЯ В КОСМОСЕ

- «**Нет разуму свободному предела, и смелости высокой нет
границ...**» К 40-летию полета Ю.А.Гагарина на космическом
корабле «Восток» (Е.Ю.Башилова, Т.А.Головкина) 67

НАРОДЫ И СУДЬБЫ

- «**О Колыме, товарищах, судьбе**». Из воспоминаний И.С.Исаева
о 1936—1955 гг. (Т.И.Исаева) 86

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- Дни скорби**. Дневник барона Н.Н.Врангеля. 1914—1915 гг.
(А.А.Мурашев) (*Продолжение следует*) 129

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

- «**От всей души благодарю Вас**». Почта В.Ю.Виллуана.
1898—1922 гг. (С.В.Казак) 153

К 175-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

- Как готовилось издание «Русской Правды» П.И.Пестеля**.
Документы Государственного архива Российской Федерации
(Н.С.Зелов, А.А.Чернобаев) 168

ФОТОЛЕТОПИСЬ

- Мастера русской историографии: Василий Никитич Татищев**
(1686—1750) (В.С.Астраханский, А.А.Чернобаев)..... 185

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- Записка В.Н.Татищева о планах застройки крепости Черный Яр.**
Сентябрь 1742 г. (И.В.Торопицын)..... 201
- Письма на Швейцарский фронт. Из документов князя**
А.И.Горчакова. 1799 г. (Б.М.Пудалов)..... 208

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

- «Мы вернемся в свободную Россию». Материалы**
о встречах сибиряков с группой политссыльных во главе
с М.А.Спиридоновой. 1906 г. (Н.П.Курусканова)..... 211

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- КПСС и Компартия Греции: К истории взаимоотношений**
с 1953 по 1977 гг. Сборник документов (К.К.Папулидис)..... 218

CONTENTS

ON THE 140TH ANNIVERSARY OF ABOLITION OF SERFDOM

- «I wonder to what end all this will come?»** On the eve of the Great
Reform. 1858. (E.I.Scherbakova)..... 3
- «The Reform was introduced from above because it was absolutely
impossible to delay it any longer».** V.I.Lenin's article on the 50th
anniversary of abolition of serfdom in Russia. 1911. (O.I.Gorelov) 12

LEADERS' ARCHIVES

- «Charge you with investigating and informing me...»** Fate of the
Ardashevs — V.I.Lenin's first cousins (I.F.Plotnikov) 22
- «Now we live through the period of revision of Plekhanov's views
and ideas».** R.M.Plekhanova on A.M.Gorky's essay «V.I.Lenin».
Beginning of the 1930s. (T.I.Filimonova) 43

RUSSIANS IN OUTER SPACE

- «**There are no bounds to a free mind and no limits to lofty courage...**»
On the 40th anniversary of Iu.A.Gagarin's flight in the spaceship
«Vostok» (E.Iu.Bashilova, T.A.Golovkina) 67

PEOPLES AND DESTINES

- «**On Kolyma, fellow prisoners, fate**». From I.S.Isaev's reminiscences
of 1936—1955. (T.I.Isaeva) 86

RUSSIA AT A TURNING POINT

- Days of sorrow.** Baron N.N.Vrangel's diary. 1914—1915.
(A.A.Murashev) (*To be continued*) 129

CULTURE AND SOCIETY

- «**Thank you wholeheartedly**». V.Iu.Villuan's correspondence.
1898—1922. (S.V.Kazak) 153

ON THE 175TH ANNIVERSARY OF DECEMBRIST ARMED COUP

- How publication of P.I.Pestel's «Russkaya Pravda» was being prepared.**
Documents from the State Archives of Russian Federation
(N.S.Zelov, A.A.Chernobaev) 168

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: Vasiliï Nikitich Tatischev**
(1686—1750) (V.S.Astrakhansky, A.A.Chernobaev) 185

FROM ANCIENT TIMES

- V.N.Tatischev's memorandum concerning schemes for building
the fortress of Chiornii Yar.** September of 1742. (I.V.Toropitsyn) 201

- Letters to the Swiss front.** From Prince Gorchakov's documents.
1799. (B.M.Pudalov) 208

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- «**We will return to free Russia**». Materials on meetings of Siberians
with the group of political exiles led by M.A.Spiridonova. 1906.
(N.P.Kuruskanova) 211

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- C.P.S.U. and Communist Party of Greece: On the history
of inter-party relations between 1953 and 1977.** Collected documents
(K.K.Papulidis) 218

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АСТРАХАНСКИЙ** Владимир Сергеевич — кандидат исторических наук, заведующий сектором Центрального музея Великой Отечественной войны
- БАШИЛОВА** Елена Юрьевна — специалист 1-й категории РГАНТД
- ГОЛОВКИНА** Татьяна Александровна — начальник отдела научного использования и публикации документов РГАНТД
- ГОРЕЛОВ** Олег Игнатьевич — кандидат исторических наук, доцент РАГС при Президенте РФ
- ЗЕЛОВ** Николай Степанович — главный специалист ГА РФ
- ИСАЕВА** Татьяна Ивановна — преподаватель
- КАЗАК** Светлана Владимировна — преподаватель Нижегородского музыкального училища
- КУРУСКАНОВА** Наталья Петровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Омского государственного аграрного университета
- МУРАШЕВ** Аркадий Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного социального университета
- ПАПУЛИДИС** Кириакос — доктор филологических наук, сотрудник Института новой греческой филологии (Париж-IV—Сорбонна)
- ПЛОТНИКОВ** Иван Федорович — доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета
- ПУДАЛОВ** Борис Моисеевич — кандидат филологических наук, начальник отдела Комитета по делам архивов администрации Нижегородской области
- ТОРОПИЦЫН** Илья Васильевич — кандидат исторических наук, корреспондент газеты «Волга» (г. Астрахань)
- ФИЛИМОНОВА** Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, заведующая сектором Дом Плеханова Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки
- ЧЕРНОБАЕВ** Анатолий Александрович — доктор исторических наук, главный редактор журнала «Исторический архив»
- ЩЕРБАКОВА** Екатерина Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Академии ФСБ

Издатель: АНО Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.А.Афанасьев, А.Ю.Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 6.03.2001.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 800 экз. Заказ № 1318

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»
121009, Москва, Шубинский пер., 6.

Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария, учрежденный Московским Патриархом, Правительством Москвы и Российской Академией наук, продолжает прием научных работ на конкурс 2001 года. Принимаются авторские труды по трем номинациям: история Православной Церкви, история России, история Москвы, опубликованные в 1998–2000 гг. или в виде компьютерного набора.

Адрес Фонда: 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10-а, стр. 1 (метро «Курская кольцевая», «Чкаловская»).

Подробные условия конкурса можно узнать по тел.: 916-81-85, добавочный «15».

Победители конкурса будут удостоены денежных премий в сентябре 2001 г.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPECHAT» AGENCY CATALOGUE

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

Подписку и доставку издания в Латвии
осуществляет «Подписное агентство PKS»
г. Рига, тел. (10-371) - 7320-148
тел./факс: (10-371) - 7324-411
e-mail: media@apollo.lv

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

проводит подписку на журнал

«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

на I полугодие 2001 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие

Стоимость полугодовой подписки **270 руб.**

для оформления подписки переведите сумму –

270 руб. на расчетный счет издательства через любое отделение
Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:

АНО «Издательство РОССПЭН»

ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ

Мещанском отделении 7811 для филиала № 1585 г. Москва

К/сч 30101810600000000342 БИК 044525342

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с индексом, фамилию, имя и отчество; в графе «вид платежа» укажите: «Исторический архив» и подписной период.

Цены указаны с учетом почтовых услуг в пределах
Российской Федерации.

Вы также можете заказать по почте отдельные номера или комплект

номеров журнала за 1999 и 2000 год. Стоимость

1 экземпляра за 1-е полугодие 1999 г. (№№ 2-3) — **65 руб.**,

За 2-е полугодие 1999 г. (№№ 4-5) и

за 2000 г. (№№ 1-4) — **95 руб.**, включая стоимость почтовой
пересылки.

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для подведомственных Росархиву учреждений при подписке в издательстве (а также при покупке номеров журнала за предшествующий подписной период 1999 – 1-е полугодие 2000 г.) устанавливается специальная цена 180 руб. за полугодовой комплект номеров.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его в розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57

E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru